

смена

№ 6 МАРТ 1978

ПРАЗДНИК
НАРОДНОГО
ИСКУССТВА

СЕВЕРНЫЕ ФАКТЫ

Освоение. В последние два десятилетия это слово часто прилагалось к понятию «Западная Сибирь». В ее вековые таежные болота пришел человек, чтобы извлечь из недоступных недр таившиеся запасы нефти и газа. Тюмень, именовавшаяся прежде «столицей всех даревень», стала центром огромного топливного региона, интенсивно развивающегося края, где ежедневно, ежечасно творится коллективный подвиг освоения.

Наш журнал с начала 60-х годов взял шефство над освоением Западной Сибири, сделав многие свои страницы своеобразной летописью событий, происходящих на просторах самой крупной по территории в Советском Союзе области—Тюменской и соседней с нею—Томской.

Геологоразведка.

Промышленное бурение.

Транспортировка нефти и газа.

Можно с уверенностью сказать, что каждый этот этапный шаг освоения находил систематическое, почти повседневное освещение в «Смене». И это не случайно, ибо в истории нашей Родины освоение дальних краев Отечества всегда вызывало приток комсомольцев и молодежи в неизвестные места, именно они составляли костяк коллективов первопроходцев.

Сегодня Западная Сибирь—край Всеобщих ударных комсомольских строек. Пустынная прежде зауральская низменность стала землей героической, напряженной работы, землей молодых городов, выросших рядом с промыслами, от которых в разные стороны протянулись магистральные трубопроводы.

Полистаем наугад подшивку «Смены».

Среди авторов журнала прежде всего сами тюменцы и томичи—геологопоисковики, буровые мастера, строители, комсомольские работники и партийные руководители. В их выступлениях—широкая панорама проблем и свершений, огромный заряд преданности своему делу, самого высокого, творческого профессионализма, человеческой и гражданской смелости, и все это в первую очередь привлекало нашего чи-

«Сегодня работать лучше, чем вчера, завтра—лучше, чем сегодня. Таков лозунг дня».

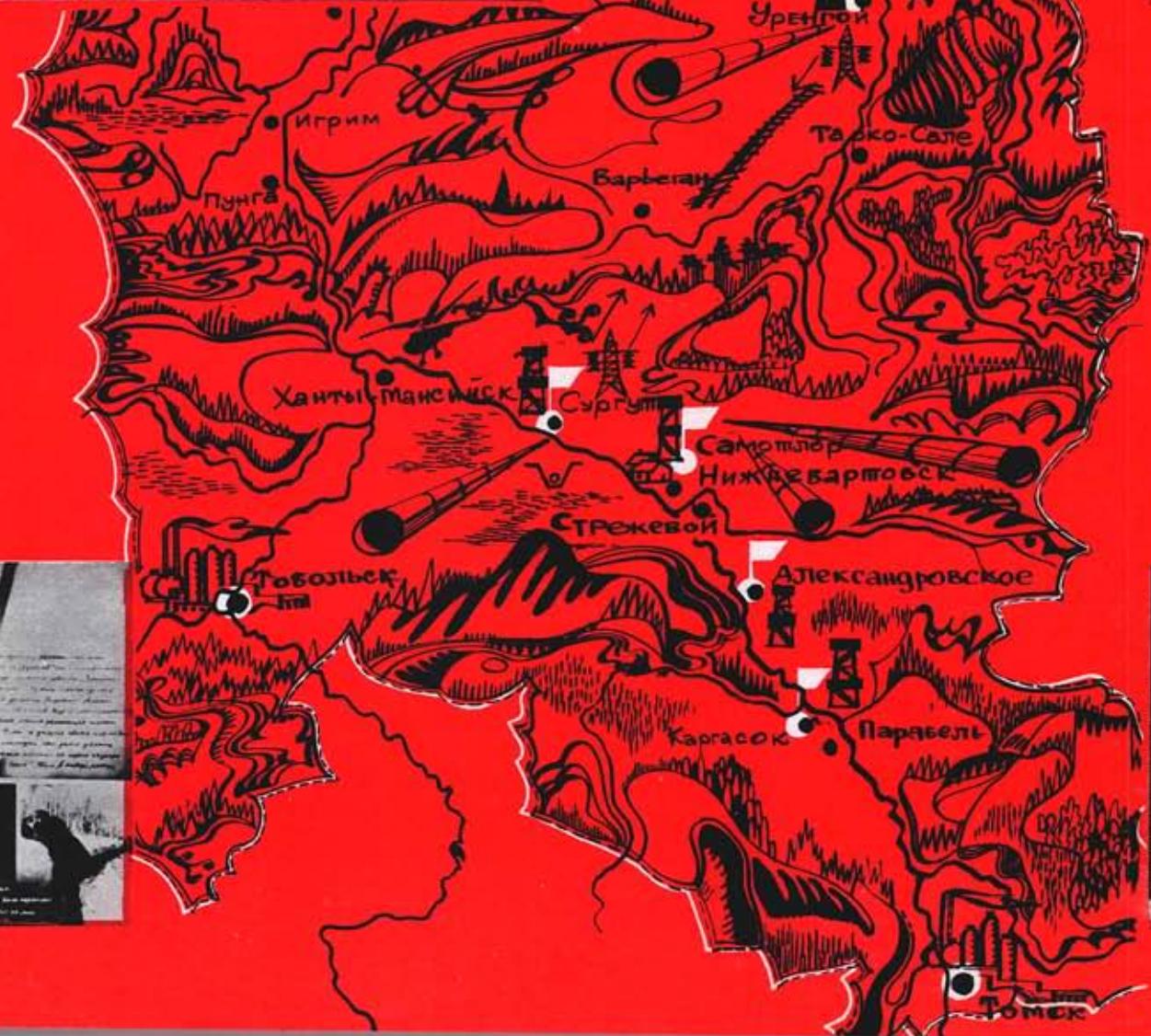
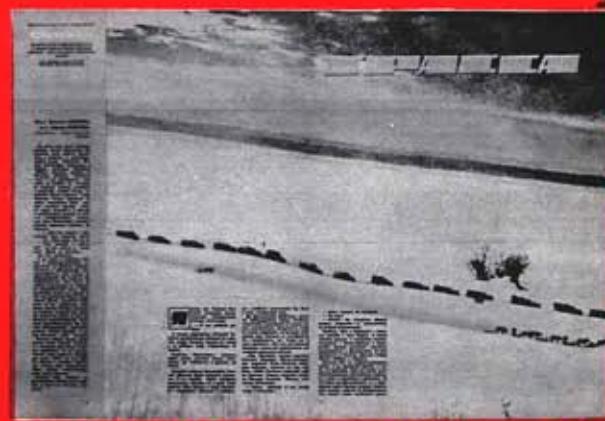
Л. И. БРЕЖНЕВ.

ВСЕСОЮЗНЫЕ УДАРНЫЕ КОМСОМОЛЬСКИЕ СТРОЙКИ
ТЮМЕНСКОЙ И ТОМСКОЙ ОБЛАСТЕЙ

- Линия электропередачи Сургут—Уренгой
- Железнодорожная линия Сургут—Уренгой
- Магистральный газопровод Нижневартовск—Томск—Кузбасс
- Магистральный газопровод Уренгой—Государственная граница
- Магистральный газопровод Север Тюменской области—Урал—Центр
- Магистральный газопровод Вынгапур—Сургут—Челябинск (объявлен впервые)
- Строительство города Нижневартовска
- Обустройство Самотлорского нефтяного месторождения
- Обустройство нефтяных месторождений Сургутского района
- Обустройство Уренгойского газового месторождения
- Обустройство газового месторождения «Медвежье»
- Обустройство нефтяных месторождений Александровского и Каргасокского районов—Томская область (объявлено впервые)

Тобольский нефтехимический комбинат
Томский нефтехимический комплекс

Мелиорация земель поймы реки Оби, Томская область
Мелиорация земель поймы реки Оби, Тюменская область

ЧЕЛОВЕК В СИБИРИ

СМЕНЫ

ДОРОГИ...

тателя, который и сам нередко впоследствии связывал свою трудовую биографию с Сургутом и Нефтеюганском, Стрежевым и Нижневартовским, с Надымом... Особое внимание вызвали выступления бывшего первого секретаря Тюменского обкома КПСС, ныне министра строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности тов. Щербина Б. Е., Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской премии геолога тов. Эрье Ю. Г., секретаря Тюменского обкома партии тов. Шмидта Г. И. Что же касается самих журнали-

с в-сменцов, то их командировки прошли по трассам Западной Сибири.

Год 1965-й. Журнал в своем шестом номере публикует фотоочерк «Трасса» — о первом движении колонны тяжелых машин по зимнику из Тюмени в Сургут и Нефтеюганск; многотонные «Альы» и «Уралы» впервые везли на смирующиеся нефтепромыслы оборудование.

од 1969-й. Самотлор. Тогда на проявленном ныне месторождении трудились лишь две буровые бригады — Степана Повх и Геннадия Левина. Репортаж о начинавшемся Самотлоре — как бы новая точка отсчета шеф-редактора журнала над пробуждающимся титанским краем, стремительно набиравшим размах работ.

1 далее — проблемная статья о молодых городах и очерки о знаменитых людях — геологе Фармане Салманове, ветеранке Иване Хохловой, серии очерков о комсомольско-молодежной

буровой бригаде Виктора Китаева, о ее становлении, о притирке характеров в сложных, трудных условиях, о серьезных свершениях молодежи, ставшей достойным сподвижником признанных мастеров нефтедобычи... Сварщики, сантехники, мостостроители и строители дорог, повара, врачи — вот герои наших дальнейших публикаций. Один из номеров журнала стал тематическим, целиком и полностью посвященным энтузиазмом Тюмени.

Наряду с пишущими край постоянно был и остается объектом работы для фотокорреспондентов. Целый ряд снимков из таких фотоочерков, как «Дороги на Самотлор», «Тюмень — нефтяная держава», «Тропа к недрам», «На салымской широте», и другие, обошел многие издания мира и по праву пропагандировал величайшие трудовые усилия сибиряков-первоходцев, новоселов, и именно это обстоятельство прежде всего обусловило то, что мастерство фотокорреспондентов «Смены» нашло признание как на всесоюзных, так и международных выставках, а некоторые работы удостоились высших премий...

Опыт Тюмени и Томска во многом уникален, многозначен. И когда однажды со строительства Зейской ГЭС пришло в редакцию письмо о первой научно-практической конференции молодых специалистов, это доставило журналистам «Смены» большое удовлетворение, ибо энергостроители ссылались на опыт комсомола Тюменской области, описанный в журнале: комсомольская организация области в содружестве с другими общественными организациями регулярно проводит научно-практические конференции молодых ученых и специалистов: каждый передает опыт своего подразделения, участка, здесь, на секциях, идет речь о новинках в наклонном бурении, об установлении ЛЭП в условиях болотных грунтов, о сварке трубопроводов больших диаметров и т. д. Работники иной отрасли усмотрели в этом опыте эффективность, полезность и с успехом применили его у себя.

Комсомольско-молодежные вахты, бригады, строительные управление... От них Тюмень шагнула к комсомольско-молодежным трестам. Об их становлении и развитии наш журнал писал неоднократно, и последний раз — в номере, посвященном вновь принятой Конституции ССР, в корреспонденции «Сюжет, рожденный в Тюмени».

На декабрьском (1977 г.) Пленуме ЦК КПСС Генеральный секретарь Центрального Комитета партии, Председатель Президиума Верховного Совета ССР товарищ Л. И. Брежнев дал высокую оценку достижениям трудящихся Западной Сибири. Их подвиг имеет огромное политическое, народнохозяйственное и нравственное значение. Связи «Смены с краем нефти и газа будут развиваться, крепнуть.

В Западную Сибирь неоднократно вылетали и творческие группы «Смены». Недавно из Тюменской области вернулась бригада журнала, в составе которой были писатели, поэты, публицисты, композиторы, киноактеры, ее маршрут прошел по городам Тюмень, Тобольск, Сургут, Салехард, Надым, по вахтовым поселкам. Было проведено 24 встречи, в которых участвовало свыше 5 тысяч человек.

Многие предприятия, стройки, проектные и научно-исследовательские институты, творческие организации связаны с Тюменской и Томской областями многочисленными деловыми связями. Наш журнал и впредь будет предоставлять свои страницы для различных материалов, посвященных освоению Западной Сибири, и мы приглашаем всех читателей писать нам о ее проблемах и свершениях, о людях, чей труд служит примером исполнения своего патриотического долга перед Родиной.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Смена

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 6 (1220) МАРТ 1978

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
ПРОВОДЫ
РУССКОЙ ЗИМЫ
В КОСТРОМЕ.

Се
ПЕТРУХИ

НАВСТРЕЧУ XVIII СЪЕЗДУ ВЛКСМ.
БЛОК МАТЕРИАЛОВ «ЭКСПЕДИЦИЯ «СМЕНЫ»:
ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ — ФАКТЫ, ПРОБЛЕМЫ, ЛЮДИ.

1 «СЕВЕРНЫЕ ТРАССЫ».

2 Владимир ГЛЕБОВ, буровой мастер.
«ВЫСОКИЙ СЧЕТ САМОТЛОРА».

3 МОЛОДЫЕ ГОРОДА.
Генрих ГУРКОВ. «СИБИРЬЮ АТТЕСТОВАННЫЕ».

6 Эдуардас МЕЖЕЛАЙТИС. «КРОЙЯ».

7 Рассказ Геланы ТОНИНОЙ «ВОЗВРАЩЕНИЕ».

10 НА ТРИБУНУ XVIII СЪЕЗДА ВЛКСМ.
Валерий КРАСНОВ. «РЕЙД БЕЗ КОМПROMИССОВ».

11 Стихи Алексея СОФРОНОВА.

12 КРАСОТА РОДНОЙ ЗЕМЛИ. «ЗДЕСЬ ЗИМУЕТ ВЕСНА».
Фotoочек Леонида ЖУХОВИЦКОГО и Владимира ЧЕЙШВИЛ

16 Повесть Евгения ДУБРОВИНА «ДИКИЕ ЗВЕРИ МИРА».

20 «БЕРЕНДЕЕВО ЦАРСТВО». Фоторепортаж
Бориса ДАНЮШЕВСКОГО и Сергея ПЕТРУХИНА.

22 ПРОШУ СЛОВА!
ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ О ЛЮБВИ И ВЕРНОСТИ.

23 ПОСВЯЩАЕТСЯ 60-ЛЕТИЮ ВЛКСМ.
КОНКУРС ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ
«ПОЮ МОЕ ОТЕЧЕСТВО».

24 РЕПОРТАЖ ОБ ИНТЕРЕСНОМ.
Леонид ПЛЕШАКОВ. «ТУЛЬСКИЕ СТВОЛЫ».

26 Братья ВАЙНЕРЫ. «ГОРОД ПРИНЯЛ!..» Повесть.

28 МАРТОВСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ.
Обзор зарубежной печати.

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. АБАШИН, Б. Л. ДАНЮШЕВСКИЙ,
А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора),
Г. Л. НЕМЧЕНКО, В. Г. ПОБЕДОНОСЦЕВ (ответственный секретарь),
Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ,
В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. В. СЕМЕНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник),
Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник С. П. Тюнин. Технический редактор Л. И. Курлыкова.

Издательство «Правда», «Смена», 1978 г.

ВЫСОКИЙ СЧЕТ САМОТЛЮРА

Владимир ГЛЕБОВ,
буровой мастер

Нижневартовского управления буровых работ,
член ЦК ВЛКСМ, делегат XVIII съезда ВЛКСМ.

Когда мы недавно отмечали пятилетие бригады и меня спросили, какой год из этих пяти можно назвать лучшим, не сразу я смог ответить. Помнится и первый год, первая скважина, которую мы, молодежь, собранная из других бригад управления, пробурили на три дня раньше срока. Помнится и следующий год, когда значительно перевыполнили план. Но, откровенно говоря, нам благоприятствовали условия, и состав бригады был уже испытанный... Пожалуй, больше по душе пришелся год минувший. Дело, несмотря на то, что бригада намного обновилась, спорилось. Должны были пробурить 50 тысяч метров, а сделали 60 тысяч. Аварий не было. Лиши однажды осенью случилась заминка. Возвращаюсь из отпуска, а бригада «отдыхает»—не подготовлена новая буровая. Потом вопрос встал так: или «отдыхать» дальше, или переезжать на другой «куст» в самую грязь, распутицу. Ни у кого двух мнений не было, мы знали: надо спасать свои обязательства. Правда, выполнили их на день позже обещанного, но в тех условиях и это было победой.

В новом году, юбилейном для комсомола, родилось новое движение: наш коллектив начал соревнование за право нести почетную вахту по добыче миллиардной тонны сибирской нефти. Вот к какому рубежу подходят уже тюменские нефтяники!

В институте нас многому учили: разбираясь в технике, чертежах, формулах. На буровой мне пришлось осваивать еще одну науку—постижение человеческих характеров. Ведь техника у самотлорских буровиков одинаковая, район бурения хорошо освоен, геологические «сюрпризы» здесь редки, значит, успех или неуспех зависит исключительно от людей. Знание техники не поможет мастеру в трудную минуту, если нет знания людей, сильных и слабых сторон каждого члена бригады. Четыре вахты—и все такие разные...

Бурильщик Нургали Ахметшин—один из старожилов бригады. У него, пожалуй, самая сильная вахта, но и у Ахметшина и у его помощника Рима Юлдашева многое зависит от настроения. Бывает, хандра найдет—не узнать наших

асов бурения. Но это ненадолго. Как пошло дело, да еще похвалят за что-то—тут уж их не остановишь.

Вахта Линера Галимова. Может, чуть менее опытная, зато берет другим: стабильностью, высокой организованностью, железной дисциплиной. Галимов и сам отличный работник и очень требователен к другим. Строг, вахту «держит в руках». Но и справедлив—никаких обид на него не бывает. Все здесь комсомольцы, а Галимов—комсогр бригады. В соревновании, которое было посвящено 60-летию Октября, именно эта вахта стала победительницей.

Иркат Миннигалеев... Этот больше всего на свете любит бурить. Тут он в своей стихии. Если принимает вахту в момент бурения—едва ли плечом не отталкивает предыдущего бурильщика, так ему не терпится. Но вот другую работу—скажем, спуск, подъем инструмента—недолюбливает... Ему сейчас потруднее, чем другим: не так давно принял двоих новичков.

У Володи Филиппова лучшие показатели по проходке среди вахт. Бурильщик грамотный, со средним специальным образованием. Хочу только, чтоб одно до конца понял: в бурении не только метры проходки, все вспомогательные работы одинаково важны.

Вот такие разные характеры, такие трудовые пристрастия. Но в бригаде ребята хорошо дополняют друг друга. Интересно работать, когда одна вахта непохожа на другую, каждая требует иного к себе отношения. И если уж быть до конца точным, я бы так сказал: во всех наших достижениях есть доля труда буровиков бригады Героя Социалистического Труда Анатолия Дмитриевича Шакшина. Шакшины, как более опытные, объявили: берем коллективное шефство над бригадой Глебова. Известно, каждый коллектив бурильщиков живет своей напряженной жизнью, чем же практически он может помочь другой бригаде? Но Шакшин не из тех, кто бросает слово на ветер. Официального договора у нас не было, о нем в тот момент никто просто и не подумал.

Я давно знаю Анатолия Дмитриевича. Еще студентом работал в его бригаде на практике, а после института—помбумом. Потом, когда стал мастером, принял бригаду, не раз наведывался к Шакшину, благо наши буровые часто находились поблизости.

многое другое. Главным научным «полигоном» были объявлены две бригады—Виктора Китаева из УБР-1 и наша.

Вскоре мы узнали, что соседнее управление получило от института новые, хорошие долота. Мы же не получили ничего и стали выяснять почему. Как раз в то время молодому инженеру Володе Баранову предстояла командировка в Москву. Мы поручили ему зайти в наш институт. Баранов «выбил» 12 долот—и на том все шефство кончилось. Ничего из записанного в договоре не было осуществлено. Мне, конечно, трудно судить обо всех причинах, повлекших провал полезной идеи, и все-таки кажется, что главная—не какие-либо совершенно непреодолимые трудности (в таком случае можно было прямо сказать о них), а отношение к своему слову.

...Вот я сказал: лучшим годом для бригады был 1977-й. Но все, говорят, познается в сравнении, и если сравнивать не с плохим, а с тем, как должно быть, то есть у нас и серьезные проблемы. Стоит одному человеку уйти в отпуск или заболеть, как всю бригаду начинает лихорадить. Что прикажете делать, если отсутствует бурильщик? Острой нехватки кадров вроде нет, но нет и никакого резерва. В бригаде 26 человек, значит, постоянно кто-то в отпуске и постоянно мастер нервничает: удастся найти замену или нет?

Темпы развития Самотлора таковы, что нам уже нельзя уловить только на приезжие кадры, надо готовить свои собственные. Но мало того, что мы испытываем нехватку буровиков,—сама система их подготовки явно отстала от современных требований. Есть в управлении учебные курсы. Новичок зачисляется на эти курсы и одновременно работает на буровую. Месяца три до экзаменов работает как бы незаконно, поскольку не имеет права и близко подойти к буровой, пока не сдал экзамены на разряд.

Однажды сделали иначе. Освободили на неделю группу новичков от работы, они поднажали на учебу и сдали все экзамены. Но о каком качестве подготовки здесь говорить? Тем более есть с чем сравнивать. У нас работают несколько ребят, выпускников Саратовского технического училища,—совсем другой уровень подготовки. А в Нижневартовске, городе со стотысячным населением, нет ни одного ПТУ! Слышал, планируется ввести одно—строительное, но разве нефтяному центру Сибири не нужны свои нефтяные ПТУ? Базовым предприятием могло бы стать любое управление буровых работ.

В городе 11 средних школ. Значит, ежегодно прибывает несколько сот выпускников. Меньшая часть поступает в институты. А остальные? До 18 лет они не могут работать на буровой—стало быть, выпускников школ мы теряем. А если уж очень сильно желание попасть в буровики—человек должен где-то год «перекантоваться» или учиться в другом городе. Не слишком заманчивая перспектива. Для скольких ребят создание профтехучилища в Нижневартовске было бы идеальным выходом из положения!

Наše управление шефствует над школой № 6. Перед Новым годом комитет комсомола устроил выставку рисунков школьников. Почти на каждом рисунке—буровые вышки, газопроводы... Нарисовано весьма грамотно, недаром мы возили своих подшефных на экскурсии в бригады. Через два-три года они закончат школу. Представляете, как было бы здорово организовать бригаду из коренных низневартовцев! Но для этого уже сейчас пора думать, как помочь ребятам, чтобы они вскоре смогли прийти на буровую не экскурсантом—настоящими рабочими.

Молодые города

Генрих ГУРКОВ,
специальный корреспондент «Смены».
Фото автора.

СИБИРЬЮ АТТЕСТОВАННЫЕ

Лва шустрых, чумазых до изумления колбака — щенки неопределенной масти и породы, мельтеша хвостиками, отчаянно и самоотверженно нырнули в монументальную лужу, плотно заблокировавшую улицу перед аккуратным деревянным домом — гостиницей «Кедр». Горделиво и степенно, щеголяя мощью и дизайном, прошелепал по глиняному половодью новохонький, с иголочки, красавец «Кировец». Из приоткрытых окон музыкальной школы доносились звуки фортепиано. Солнце растворилось в небе, напоминая, что белые ночи не единоличная привилегия Ленинграда...

— У нас говорят: июнь — еще не лето, июль — уже не лето.

Секретарь стрежевского объединенного комитета ВЛКСМ Павел Романов, подтянутый парень с осанкой сверхсрочника и лихими гвардейскими усами, ткнул пальцем в сторону чахлых веточек, высаженных рядком вдоль забора.

— Вот видите, никак они силы не наберут. В прошлом году на субботнике посадили — и до сих пор такие они жалкие. Прямо как предупреждение нам всем: трудно здесь приживаются деревья. Беречь надо те, которые природы вырастила.

Навстречу шагал молодой человек, довольно причудливо экипированный. На нем была пущистая меховая шапка, весьма популярная в здешних краях, черный костюм с белой рубашкой и феерическим галстуком. Брюки были заправлены в резиновые болотные сапоги с отворотами — практичность для таежного города этой детали одежды дискуссий не вызывает. Но самое неожиданное: в руках человек нес огромную охапку ярко-красных, образцово-показательной красоты и свежести тюльпанов.

— Свадьба сегодня в кафе «Сказка» — перехватив мой взгляд, сказал Павел. — А о цветах ребята из КМСУ-1 позаботились. У них своя оранжерея...

Поясню непосвященным: КМСУ — это значит «комсомольско-молодежное строительное управление». А что такое КМСУ-1 и какое место оно занимает в жизни Стрежевого — это разговор особый...

Сколько в годы пятилеток появилось на карте Советского Союза городов, которые могли бы называться «Комсомольск»? Биография страны и история комсомольских ударных строек неразделимы, и Стрежевой — пример тому. Не случайно центральную улицу города лаконично и строго украшают гигантских размеров буквы — ВЛКСМ.

Я сказал: город. Не прошу прощения за оговорку. Правда, пока еще, согласно официальному административно-территориальному статусу, Стрежевой — поселок, однако не нужно быть провидцем, чтобы разобраться: переход в «городское состояние» неизбежен. Он, в сущности, уже произошел. Столица

томских нефтяников — вот реальный сегодняшний и завтрашний статус Стрежевого.

Я уж давно и навсегда бродяга.
Но верю крепко: повернется жизнь,
И средь тайги сибирские Чикаго
До облаков поднимут этажи...

Стихотворение замечательного русского поэта Павла Васильева «Сибирь» датировано 1927—1928 годами. К тому же приблизительно времени имеют отношение другие строчки — уже не лирика, а статистика: «В 1926—1927 годах общая добыча нефти в СССР достигла 10,2 миллиона тонн; уровень 1913 года был превышен» (Большая Советская Энциклопедия, т. 23, стр. 530).

Подсчитано: к 1980 году добыча нефти в районах, базирующихся на Стрежевом, перешагнет 10-миллионную отметку. Много это или мало? В тридцать раз меньше, чем будет добывать в это время соседняя Тюмень. Столько же, сколько добывает в год Великобритания. Больше, чем годовая добыча ФРГ, Франции и Италии, вместе взятых.

Впрочем, последнее слово не сказано. Первыми в Западной Сибири бурильщики из Стрежевого начали «промышлывать» палеозойские отложения на глубине от трех до пяти тысяч метров. Из скважины на Калиновом месторождении в бассейне реки Васюган получен фонтан палеозойской нефти — об этом сообщил XXV съезду КПСС президент Академии наук СССР академик А. П. Александров.

Это — нефть. Но ведь есть еще запасы газа. Энергичные прочерки сквозь бесконечность таежных болот — нитки нефтепровода Александровское — Анжеро-Судженск — газопровода Нижневаргашевск — Томск — Кузбасс. Ключевая позиция при той и другой трубе отведена Стрежевому.

Теперь о КМСУ-1. Его «фронт работ» — все жилые дома, заложенные или запланированные в Стрежевом. Все. Да еще полностью соцкультбыт: школы, детсады, больница, кинотеатры, дома культуры... Иными словами, КМСУ-1 поручено строительство Стрежевого. Комсомольско-молодежное строительное управление строит комсомольско-молодежный город...

Огромный, в два этажа плакат. Текст до предела будничный: «При запахе газа звоните 1-04». Запах газа — здесь, на газовом море. Как-то неожиданно звучит... Рядом с плакатом — скромная дощечка: «Первый дом будущего города Стрежевой заложен 23 июля 1966 года студенческим строительным отрядом «Нефтяник» г. Томска».

Командиром того отряда был Женя Медведев. Сегодня — Евгений Артемович Медведев. Начальник КМСУ-1.

— Женя — натуральный строительный фана-

тик, — громогласно произнес гость из Томска — инженер Марк Каган, в недавнем прошлом — мэр Стрежевого, а десять лет тому назад — комиссар студенческой коммуны, и, блеснув глазами из-под неистового чуба, обернулся к другу — Роковой мужик. Скольких он этой своей сумасшедшей оголтелостью заразил...

Медведев — худощавый, узколицый, молчаливый. Неброская интеллигентность. Похож скорее на сельского учителя, чем на предводителя таежных строителей — людей и в деле и в слове жарких и неукротимых. Дотронулся пальцем до дужки очков, улыбнулся мягко, тепло.

— Скажешь ты, Марк...

— Или вот еще тип, — продолжал Марк и положил руку на плечо соседа — крепко сбитого, с озорными, дерзкими морщинками в уголках пронзительных глаз, — Валька Агафонов. Куркулья хватка плюс высшее образование. Плотник божьей милостью. За два месяца со своей артелью двухэтажный дом рубленыйставил. А сегодня — начальник участка. Еле уговорили его после окончания ТИСИ, Томского инженерно-строительного, податься в руководство.

Беседуем в небольшой комнатке, рабочем кабинете шефа — Медведева. Заглядывают время от времени ребята — загорелые, с продубленными ветром лицами. Короткий обмен репликами. Вопрос — ответ, просьба — решение.

И продолжается разговор. О том, как было, как стало, как будет в Стрежевом. Вспоминают о прошлом без nostalгического надрыва: слишком оно живое, молодое и недавнее — прошлое. «Отцы города» — здесь понятие это имеет вполне конкретный смысл: те, кто начинал, кто уложил первые стволы в лежневку, вбил колышек для первой палатки, срубил первый дом... Все «отцы», все «патриархи» — моложе сорока. Почти у каждого одинаковая строчка в биографии: «студенческий строительный отряд».

Любой мальчишка в Стрежевом знает: в шестьдесят шестом студенты из Томска, пришедшие по Оби, разбили на берегу палатки и подняли транспарант: «Прохожий, стой! Сними шляпу: здесь начинается Нефтеград!» Не было прохожих — откуда им взяться? Не было и города. Стал. Уже в первое лето, свидетельствует хроника Стрежевого, студенты построили: девять восьмиквартирных и три двухквартирных дома, общежитие на 58 мест, два километра ЛЭП, два моста, 600 метров лежневки, тринадцать нулевых циклов для многоквартирных домов...

Энтузиазм сочетался с неопытностью. Строили яростно — и допускали неразумные вещи. Тайга начинается у порога. Богатства лесные — на тысячи и тысячи километров. И, бывало, не раз и не два мелькнет эта таежная залихватская небрежность: «Что, лес? Уж чего-чего, а этого-то добра вокруг предостаточно...» Когда опомнились, сообразили, поздно было. В таежном городе возникли унылые, облысевшие

пустоши. И дома, появившиеся там, где с размашистостью недалековидностью погуляла пила, запросили зелени.

— Сегодня иначе строим, — сказал Медведев. — Ни одно дерево без надобности не рушим.

Я видел. Деревья возле новых, еще не обжитых корпусов больницы. Деревья возле девятиэтажных стрежевских «небоскребов», ими застраивается третий микрорайон. Шагнут в тайгу четвертый и пятый — и когда знакомишься с их планами, видишь: не формально, а по существу, «по делу», как говорится, реализуется строчка Конституции: «Граждане СССР обязаны беречь природу, охранять ее богатства». Не битва с природой, а сотрудничество с ней. Она не враг, которого нужно одолеть, а друг, с которым жить. Кто-то из зарубежных ученых назвал Сибирь «зелеными легкими земного шара». Преувеличение? Но взгляните на карту, ощутите глобальную нескончаемость этого края!

Да, именно так: зеленые легкие земного шара.

Мне всегда казалось, что и лет через сто люди будут открывать Сибирь. Для себя — и для нее. Дело не в том, конечно, чтобы выстрелить на газетные и журнальные страницы или обрушить на головы друзей и знакомых известное количество восклицательных знаков. Сегодня куда важнее, вероятно, вопросительные...

Помню письмо с БАМА, которое прислала в нашу редакцию работающая в Тынде молодая журналистка. Смысл: ради бога, не превращайте нашу великую и неимоверно трудную стройку в некую, как она выразилась, «засахаренную жар-птицу». Письмо не против поэзии и романтики, оно против сусальности.

В Стрежевом стихи и читают и пишут. Какие? Ну, например...

*Я не люблю романтики дешевой,
Когда, задорно слгатывая пыль,
Перекусив в бревенчатой столовой,
Поспешно судят: вот она, Сибирь!*

Это из цикла «За шестидесятой параллелью» журналиста и поэта Сергея Заплавного, одного из составителей и авторов интересного сборника «Стрежевой».

Героизм и комфорт? Так сказать, комфорtabельный геройзм? Кто-то, быть может, и ухмыльнется над этим словосочетанием, наслаждаясь вечерком всем «дженртменским набором» городского уюта. Кто-то, но, думаю, не сибирики.

Стрежевская реальность выглядит, к примеру, так...

Буровая в тайге. Расстояние — километров 50–60 от города. Дорога не асфальт. Зимой снежные заносы. Часто пурга. Летом раскисшая глина посреди бездонных топей. Вертолет долетит. Вахтовый «Урал» пробьется — не всегда, правда. И еще одно трудно заменимое в здешних широтах средство передвижения — вездеход «Ураган». Шоферу можно не знать дорогу: у него же есть компас. Определил направление — и пошел...

Температура зимой нередко за 50. Разумеется, здешние ребята в один голос твердят: «Мороз сухой, легче, чем на западе 15–20». Запад — это не только, скажем, Минск или Запорожье, это и Уфа, и Пермь, и Свердловск. «Далее везде»... Они правы, ребята. И все-таки 50 есть 50. И при таких градусах работа «на свежем воздухе» приобретает известную проблематичность.

Так вот, куда возвращаться с таежной вахты? В безликую неуютность торопливо сколоченного общежития, где тесно, как в автобусе в часы «пик», и где обычна формула времяпрепровождения, увы, более чем незатейлива и к отдыху отношение имеет весьма косвенное? В Стрежевом считают: чем труднее и сложнее работа, тем комфорtabельнее должен быть устроен человек. Героизм и комфорт — между этими понятиями нет противоречия. Элементарно? Но разве везде утвердила себя эта простая истинка?

Штурм нефтяных и газовых богатств Западной Сибири будет производиться в основном вахтовым методом. В том числе так намечено осваивать месторождения в районе реки Васюган. Вахты будут доставляться за 300 километров самолетами. Появятся вахтовые городки. Специалисты тщательно проштудировали отечественный и зарубежный опыт. Есть интересные идеи, как сделать не хуже, а кое в чем существеннее и лучше, чем делалось до сих пор...

Но вахтовый городок — это, так сказать, линия окопов. Тыл — Стрежевой. Здесь — дом. Здесь — все, что связывается с этим. Дом...

Утопия — пытаться строить города с современной инфраструктурой возле каждого нефтепромысла или каждого леспромхоза. Реальность — создать города, откуда люди будут ездить (или летать самолетами) на работу, возвращаясь отдохнуть, провести время с женой и ребятишками, заняться всеми теми делами, которые находятся за пределами работы. Таким

САША ФИЛАТОВ, МАСТЕР КМСУ-1, КОРЕННОЙ СТРЕЖЕВЧАНИН.

ТАЙГА — У ПОРОГА.

**НЕФТЬ — СТРАНЕ,
ЧАС ЗА ЧАСОМ,
ТОННА ЗА ТОННОЙ...**

МОЛОДЫ ЗДЕСЬ УЛИЦЫ,
МОЛОДЫ ЛЮДИ...

ИСТОРИЯ СТРЕЖЕВОГО
СТРАНИЦА БИОГРАФИИ КОМСОМОЛА

СЕВЕРНЫЙ СЮЖЕТ.

МЕДВЕДЕВСКАЯ ПЛАНЕРКА.

городам требуется, естественно, весь комплекс удобств, созданный современной цивилизацией.

Одно немаловажное обстоятельство. Вахтовый метод дает огромную экономию. Так, в 1976 году с помощью вахт в Томской области было заготовлено 1,6 миллиона кубометров древесины. Чтобы получить в год такое количество леса традиционным способом, нужно было бы построить четыре леспромхоза, затратив 60 миллионов рублей. Разработка нефтяных месторождений на западе области вахтовым методом позволит сэкономить 200 миллионов рублей. Экономическая целесообразность и человеческие потребности не расходятся. Что и требуется. Здесь. Везде.

В Стрежевом ставят сейчас «девятивэтажки» мурманской серии. Материал — кирпич. Утолщенные сте-

ны. Улучшенная планировка квартир. Элегантные орнаменты вдоль карниза. Кладка первоклассная. Печерк КМСУ-1...

Среди адресов Стрежевого — улицы Нефтяников, Строителей, Дорожная, Студенческая... Визитная карточка, лаконично и исчерпывающе вместившая в себя биографию города. Наверное, по справедливости, должна еще появиться улица, название которой воздаст должное армии: большинство нынешних стрежевчан выбрали для себя эту точку на карте в годы солдатской службы. Приезжали с выпиской из приказа о демобилизации и с комсомольской путевкой в кармане.

— Паша, тут тебя один малый с Тихого океана разыскивает, — сообщил Романову рыжий бородач с детской коляской, мы его встретили на подступах к стройплощадке КМСУ-1.

«Малый с Тихого», или, говоря иначе, матрос Краснознаменного Тихоокеанского флота, как выяснилось, встречался с Павлом в те годы, когда комсомольский вожак Стрежевого сам носил гимнастерку. Бородач познакомился с «малым» в Новосибирске, куда летал навестить родителей и где в отпуске, предоставленном за отличную службу, находился несколько дней тот матрос. В какой-то компании оказались вместе, слово за слово, и мелькнула в разговоре знакомая обеим фамилия.

— Он на своей посуде где-то в океане в газете статью про Стрежевой прочитал и о тебе спрашивал. Я ему сказал: «Приезжай». Говорит: «Мне еще год. А там — погода». Я адрес дал, он тебе собирается письмо писать...

Что ж, быть может, Стрежевой станет «портом приписки» еще одного хорошего парня — они так нужны здесь. Людей не хватает. Матушка-нефть создает надежный финансовый фундамент для бурного развития сибирского Севера, еще до конца не изученного, не разведенного. То, что появятся новые находки, сомнений не вызывает.

Приглашает Стрежевой. Ждет. И, думаю, для многих весомее северной надбавки окажется другое, что встречает человека в этом городе: неподдельный интерес к его житейским проблемам, товарищеское доброжелательство. Это проглядывается в самых разных черточках быта. В чистоте и опрятности рабочих столовых «Северянка» и «Брусничка». И в «городском», не поселковом ассортименте магазинов — продуманно и заботливо составленном. И в том, что на улице с тобой здороваются незнакомые люди. Мозаика добрых черточек... Говорить о ней можно без конца.

Саша Филатов, мастер КМСУ-1, добродушный скандинав по внешности, серебряный медалист школы, выпускник Днепропетровского инженерно-строительного института, объездил со студенческими строительными отрядами полстраны, обосновался здесь, в Стрежевом. Почему?

— Хотите, расскажу вам один эпизод? Я тогда еще не определился окончательно. Может, это смешным покажется, но для меня тот эпизод последней каплей стал: да, Стрежевой! Так вот, захожу в магазин «Новинка». Там как раз хорошие костюмы «выбросили», покупают бойко. Стоит один парень и продавщицу уговаривает: оставь, пока я деньги организую. Она говорит: «Через час не придете, продадим». А он, чувствуется, не успевает. И костюм так ему нравится, что из рук выпустить боится. Тут какой-то человек из очереди к нему обращается: «Тебе сколько? Сто? Держи. Потом занесешь. Я там-то живу...» Мне кажется, главное в стрежевском «микроклимате» — готовность друг другу помочь. Не раз в этом убеждался...

Саша не рассказывал, я слышал об этом от других — ему пришлось однажды убедиться в серьезности, с которой относятся здесь люди к ситуациям, требующим помощи. К любым, самым драматическим. Когда начальника штаба комсомольского оперативного отряда Стрежевого Александра Филатова ударили ножом пьяный подонок, случайные люди, оказавшиеся в больнице, немедленно предложили кровь. Группа крови совпадала в двух случаях — и доноры торопили медсестру: «Скорее, скорее...»

В «Сказке» три дня подряд аншлаг. Администратор кафе, добродушная, по-домашнему неторопливая женщина, дала справку: «Накрываем столы на 100 мест сегодня, 120 завтра, 110 послезавтра. Да, комсомольские свадьбы...»

Еще цифры, узнал их от секретаря объединенного партийного комитета Стрежевого Юрия Данчева (в прошлом тоже студента-стройотрядовца). За год в Стрежевом рождается 400—420 детей. Процент вну-

КРОИЯ

1
Литва для меня начиналась у Кройи...

...В речушке, как звезды, мерцала плотва.
А звезды казались далекой плотвой.
Отсюда и так начиналась Литва.

Казалось, не речка, а кто-то огромный
Ворочает мельничное колесо.
И звезды он мелет, а вовсе не зерна.
Да что там — казалось! Я видел его.

Но звезды всегда становились мукою,
Мука превращалась в горячий ломоть.
С почтением глядел я на кроткую Кройю —
Опять великаны смогла побороть.

Краюху жую. Звезды плавают рядом,
Меж тем как рыбешки блестят в небесах.
Чего ж не хватает? Чего еще надо?
Но ржет у крыльца жеребенок Легас.

Но вот приближается и нарастает
Какой-то прекрасный и праздничный шум.
Соловушка щелкает. Хрупает аист.
И палочкой машет наш фавн Алелюм.

2
Спасибо, Кройя,
За воду, хлеб,
Спасибо вдвое
За чудный плеск,
За эту странную
Меж туч плотву.
За безобманную
Твою Литву...

3
Спасибо вам, пращуры, сковавшие лемех и меч,
Спасибо за каждую каплю крови и пота.
За то, что Кройю сумели прозрачной сберечь,—
Не самая легкая это была работа...

Спасибо, деды, — были и вы храбрецы:
Свое наследство хранили зорко и строго.
Спасибо за эти храмы, за эти дворцы,
За гордые взлеты готики и барокко...

Спасибо, отцы, и вы не жалели труда,
И вы поднимали порой неподъемные глыбы,
Спасибо за фабрики, спасибо за города,
За все, что оставили нам, спасибо...

Спасибо...

4
Такого богатства, конечно, с лихвой
До смертного часа хватило бы. Но

Моя-то Литва начиналась у Кройи,
Я кройский, хотя не живу там давно.

А это само по себе означает,
Что буду достаток беречь и растить,
Пока не заплещет у'мглистого края
Короткая Кройя — мой будущий Стикс.

Я вырос, как деревце, возле речушки
И чувствую, как мои корни чисты.
Гожусь я на доски, на планки, на стружки.
Желанья и мысли, как листья, просты...

Скрестились над кроною молнии-сабли,
И долго катился встревоженный гром...
Из дерева сладили ходкий кораблик —
Такой, чтобы в небе рыбачить на нем...

И вот я стою с головою седою.
И каюсь, что многих могу я назвать,
Кто больше и лучше любил мою Кройю...
Как Трою, клянувшись я ее защищать.

5
В бою прикрою
Ее струю,
Пролью за Кройю
Всю кровь свою,

За великана,
За колесо,
За шум, за фавна,
За всех, за все...

6
Если б любовь измерялась какой-нибудь мерою,
Ее, словно хлеб, можно было бы взвесить
И точно установить: вот это — самая верная
И стоит ровно пятьсот, а вот эта — две тысячи.

Но любовь, к сожалению, не хлеб и не обручальное
Кольцо или вилла с кустами сирени,
А нечто совершенно нематериальное,
Не существующее в вещественном выражении...

7
Литва для меня начиналась у Кройи...
И вот уже стала моя голова
Бела, как декабрь. И, наверное, вскоре
Должна для меня завершиться Литва.

Но лишь для меня.

Я спокоен за Кройю —
Она побежит себе дальше, звена
Прозрачной, как синее небо, струю.
Я в этом уверен. Есть сын у меня.

Перевел с литовского Леонид МИЛЬ.

Рисунок Игоря СУСЛОВА

шительный, значительно выше, чем по стране в целом. Я наблюдал: детская коляска и вахтовый «Урал» — самые распространенные виды транспорта в Стрежевом.

— Открыли в прошлом году три детских сада по 280 мест, — сказал Данчев. — Удачный проект — солнце с трех сторон попадает в окна. Строило КМСУ-1. Кто же еще?

И он начал чертить на листке бумаги хитроумно расположенные кубики, которые до краев заполняются таким образом здесь солнечным теплом. Проходя накануне мимо этих кубиков, я обратил внимание: на одних по серому кирпичу красным были выложены петухи, на других лисицы...

— В проекте не было, — пояснил Данчев. — Это Хоменко придумал. Тоже один из медведевских ребят.

Николай Хоменко, бывший десантник, бригадир (непринужденная стойка «вольно», прищуренные внимательные глаза), от «авторских прав» на петухов и лисиц насторож отказался:

— Я, что ли, один их сочинял? Просто прикинули, что ребятишкам симпатичнее будет в такой дом идти, который понаряднее выглядит, ни и сделали...

Никакая живность на фасадах сметами предусмотрена, естественно, не была. Но денежная математика в КМСУ-1 хотя и в почете, только отнюдь не та, заглавное «уравнение» которой — скомканная пятерка из кулака в кулак.

Тяжбы с бухгалтерией или руководством по поводу лишнего отработанного часа? Такого не помнят. А вот сурвый и злой разговор о часах вынужденного простоя — это бывает.

Еще не до конца освободилась от льда Обь, а уже идут к Стрежевому баржи, груженные кирпичом, цементом, стеклом, всем прочим, без чего нет стройки. Но до обидного коротко время, когда открыта река. «Июнь — еще не лето, июль — уже не лето...» А самолетами возить кирпич накладно. Случилось так, что в конце зимы семьдесят седьмого остался без кирпича Стрежевой. Плановики и снабженцы получили свои выговоры. А на стройплощадках застыли краны. И ждали, ждали бригады КМСУ-1, заполняя время второстепенным делом.

Потом началось. Ведь планы есть планы, и обязательства здесь не привыкли на ветер бросать.

Оно было очень жарким, «лето — не лето» семидесят седьмого...

Всесоюзной ударной комсомольской стройкой объявлено обустройство нефтяных месторождений Александровского и Каргасокского районов. Это значит, что еще чаще будет слышать страна о Стрежевом. В год 60-летия ВЛКСМ, в год комсомольского съезда, — новые инициативы. Ударный ритм. Спрессованное время.

Вступает в строй новая нитка нефтепровода.

Трудно она давалась, эта нитка. «Интересные болота», — услышал я от строителей. Действительно, ничего не скажешь, «интересные»... Глубина — до девяти метров. В мороз не страшно. Пускают по промерзшей хляби тяжелую технику, утрамбовывают то, что еще вчера было жутким засасывающим месивом, — и вот она, сибирская «автострада».

Живут строители в вагончиках. Как всегда? Да не совсем. Разве были прежде цветные телевизоры на трассе? Теперь есть. Смотрели ребята хоккей из Канады в натуральных тонах и полутонах...

«Борьба за наивысшую производительность неразрывно связана с заботой о человеке труда» — этот тезис из Письма ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ о развертывании соцсоревнования в 1978 году реализуется в конкретной практике и здесь, на томском Севере.

Поднимаются краны над тайгой. Растут микрорайоны Стрежевого. В семьдесят седьмом построено 16 тысяч квадратных метров жилья. В этом будет сдано 45 тысяч.

— Продолжим летом наши студотрядовские традиции, — сказал первый секретарь обкома ВЛКСМ Юрий Сажнев. — В «комсомольский год» две тысячи студентов будут работать на новостройках Стрежевого. От желающих отбоя нет...

«Сибирью аттестованные парни»... Слова эти из стихотворения Виталия Панюхина, дизелиста стрежевского управления буровых работ. Услышал их в Доме культуры, на конкурсе художественной самодеятельности. Тоненькая школьница в «мини», с золотой косой и смешными веснушками, читала:

Окончен день рабочий, и домой
Спешит «Урал», раздув брезента парус...

Все-таки хорошо, когда людям хочется писать стихи о своей работе.

В Стрежевом многие пишут стихи.

атка! Никак Натка! —ахнула, останавливаясь у калитки, немолодая женщина. Коротко звякнули дужками ведра, поставленные на землю, глухо тукнулось коромысло, на ходу прислоненное к забору.

— Я, тетя Стеш, я,—припала к ее плечу Наталья Ивановна.

— Мать вспомнила... И то—шутка ли! —два года пролетело. Аккурат сегодня два и исполнится... Уж не потому ли ты? Да чего стоишь? Иди в избу-то, я сейчас.—Тетя Стеша наклонилась к ведрам.—А сынок? Где ж Саня-то? Никак с кем оставила?!

— Нет, тетя Стеш, он еще с детсадом на даче. Пятнадцатого вернутся... Вот я пока и выбралась.

— На да-аче,—неопределенно протянула тетя Стеша и заторопилась:—Ну и ладно, ну и хорошо. Да проходи, тебе говорят, в избу-то.

— Я потом, сначала... к ней...

— Ну-ну, иди, Натка,—пристало взглядываясь в лицо Натальи Ивановны, чуть ли не сурово произнесла тетя Стеша,—заждалась она.

На кладбище Наталья Ивановна пошла огородами—не хотела кого-нибудь видеть. Шла, не замечая частого и злого, сыпавшего в лицо дождя, шла, глядя прямо перед собой невидящими глазами, стараясь сохранить, сберечь в себе ту боль, ту горечь позднего—за два года ни разу не выбиралась!—раскаяния, то яростное—как никогда раньше—сознание невосполнимости утраты и вместе с тем горькую радость предстоящего свидания с материнской могилой...

Очень скоро деревня осталась позади. Прервавшись было до узкой тропки, за

непширокая, на трех березовых, все еще белоснежных ножках скамейка. Разросшийся за два года сиреневый куст с уже побуревшими листьями и такими же бурными, оставшимися от соцветий метелками выглядел жалостливым и озабоченным. На свежесыпанной желтым песком могиле—видно, тетя Стеша и тетя Поля, подруги и соседки матери, еще вчера побывали здесь—стоял простой деревянный крест. Под крестом, на песке, лежало умытое дождем крупное яблоко, точно такое же, какое Наталья Ивановна заметила у ног матроса над братской могилой.

— Прости... что так долго,—прижалась к груди мокрые ветви калины Наталья Ивановна, и сердце под ними замерло, невольно затихло.

Она положила ветки на песок, машинально подняла со скамьи ржавый, плотно прилипший к ней дубовый лист, но не бросила его, а села и начала отыскивать глазами дерево, с которого тот слетел. На краю обрыва, совсем недалеко от материнской могилы, она и в самом деле заметила небольшой, но крепкий и еще зеленый дубок.

«Зачем же ты раньше других?»—с неожиданной болью подумала Наталья Ивановна и отчего-то положила листок в карман.

Ей вдруг стало неловко, что думает не о том, о чем следовало бы здесь, на дорогом ей кладбище, думать, и она, опершись руками о мокрую скамью и опустив плечи, замерла, глядя на могильный холмик...

Она потянулась рукой к могильному холмчику, провела по холодной траве и вдруг откинулась спиной на решетку чужой изгороди и, запрокинув голову, горько заплакала...

Гелана ТОНИНА

ВОЗВРАЩЕНИЕ

РАССКАЗ

перелеском дорога вновь расширилась. Была она песчаная и оттого сухая,—лишь потемнела от дождя. Ярко поблескивали на сырьем песке мокрые осенние листья. Уже белел вдали памятник над братской могилой, а за нею чернел неровный частокол кладбищенских крестов.

Мать не раз рассказывала Наталье Ивановне, еще девочке, какое множество заледенелых трупов перевезли они, бабы, на санях к этой братской могиле в том «растеклятии» сорок первом году: «Возим-возим, а им, веришь, конца нет!..» А она, Наташа, родившаяся в том же «растеклятии», так никогда и не увидевшая—пропал без вести в сорок втором—своего отца, помнит лишь торжественное открытие белого памятника на этой братской могиле.

Было это ветреным майским днем в десятую годовщину Победы. В ярком свете, у самых глаз, трепетал и рвался повязанный поверх пальто красный галстук. Впереди собравшихся застыли не по-весеннему—все черное—одетые женщины. Среди них была и мать Наташи. Чужой, остекленевший взгляд, иступленно сжатые у горла темные руки. Может быть, в этот день она хоронила, наконец, своего мужа, а может быть, снова молила его вернуться домой, пожалеть ее избогающейся сердце.

Отзвучали торжественные речи, уехало районное начальство, а расшумевшееся под обрывом озеро еще долго старалось перекрыть причитания и стоны оставшихся у могилы женщин. И было жутко: пронзительно-синяя высь, весенние цветы вокруг, гуляющий в солнечном свете ветер, но под всем этим—скорбный, рвущий грудь вой.

В тот день Наташа впервые серьезно задумалась о судьбе своего отца, а после нередко прибегала к братской могиле с букетом то полевых цветов, то садовых, а то и просто с охапкой еловых веток. Вот и сейчас, подходи к кладбищу, Наталья Ивановна заметила сочные гроздья калины и остановилась возле нее наломать для двух могил—для могилы матери и для той, братской.

Все так же развеивались ленты матросской бескозырки на белом, из гипса, памятнике, и все так же поверх автомата спокойно лежали руки матроса. И показался он Наталье Ивановне очень родным, очень близким,—только вроде бы стал он теперь почему-то чуть меньше ростом.

Вот так же. подумала Наталья Ивановна, где-то на своей, на чужой ли земле лежит солдат-пехотинец Иван Строгалев, ее отец, и незнакомые люди приходят поклониться ему, как приходит сюда она.

На кладбище держалась чуткая, печальная тишина. Только за высоким обрывом, где похоронена была мать, тяжело дышало непокойное сегодня озеро. Трава на кладбище, еще совсем зеленая, густая и высокая, полегла от дождя волнистыми прядями—резиновые сапоги Натальи Ивановны сразу же засверкали густым черным блеском. Она шла, стараясь не наступить на почти сровнявшиеся с землей могильные холмики. Впервые за много лет Наталья Ивановна с удивлением отметила, что не только на этих, без крестов, заброшенных и забытых по давности лет могилах, но и на поздних, с деревянными, промокшими и оттого черными крестами и металлическими памятниками, не было привычных кладбищенских табличек с именами и двумя через черточку написанными датами. Но и без них, без табличек, Наталья Ивановна все равно узнавала иные холмики. Вот под тем, что за голубой оградкой, похоронен дед Анисим, который когда-то плел для нее, для девчонки, замечательные лукошки и лапотки для самодельной ее куклы, а там, под рябиной с еще бурными гроздьями, лежит лучшая подруга ее матери—тоже вдовы, похороненная лишь на год раньше матери. Сколько песен они вместе спели, сколько слез пролили!

Попадались таблички с простыми, бесхитростными словами: «Дорогому папе от сына Анатолия»; «На вечную память дорогой маме от детей Шуры, Гриши, Оли, Нисы». И, читая их, Наталья Ивановна почему-то думала не об умерших, что лежали в земле, а о живых, горестных и притихших, что провожали их когда-то в последний путь.

Могилу матери Наталья Ивановна узнала издали—рядом с нею стояла

В деревню Наталья Ивановна возвращалась высоким и крутым берегом озера. Неприветливое, густо-серое, казавшееся в тумане необычным, оно глухо волновалось внизу. Здесь, наверху, тянулись рыжеполосые, уже склоненные поля, а вдали, за неплотной дождевой завесой, угадывался лес. Глубоко вдыхая влажный воздух, взглядываясь в родные места, Наталья Ивановна только сейчас, наконец, поняла, как не хватало ей всего этого в Москве. И захотелось в сухой уют материнского дома, захотелось горячего чая, захотелось чьего-то—она и сама не знала, чьего,— участия, чьих-то простых и душевных слов.

Она невольно заспешила, но вдруг вспомнила, что не раскрыла пока заколоченных ставней дома, что в нем держится, должно быть, нежилой и холодный дух, и невольно опять зашагала медленней.

А дождь все сыпал и сыпал. Она уже вымокла и теперь ежесекундно ощущала его назойливость, и мысли—все невеселые,—мешаясь и перебивая друг друга, теснились в ее голове. То она вспоминала о своем неудачном—слава богу, теперь все кончено!—и поспешном замужестве, которое для себя объяняла теперь страстным своим желанием работать в театре, то, горестно вздыхая, думала о том, что сын ее, шестилетний Сашка, растет без отцовской,—да что греха таить, по сути, и без ее, без материнской,—ласки. Надо бы, ох, как надо подольше бывать с ним вместе, да только как это сделаешь?.. Никак она не может устроить свою жизнь, а ведь через месяц ей исполнится двадцать восемь.

Мысленно переносилась Наталья Ивановна в свое детство, но и оноказалось ей сейчас безрадостным и холодным. Вспомнила, как по ночам нередко просыпалась от страшных материнских рываний, как, не в силах шевелнуться, лежала еще некоторое время, потом, не помня себя, вскакивала, по холодным, обжигающим босые ноги половицам подбегала к матери, просила:

— Не надо, мамочка... не надо! Страшно, ох, стра-а-шно... не надо... мамочка!..

Вспомнились ей и другие бесконные ночи, с разучиванием—после стирки и домашних хлопот—так и не съгранных до сих пор ею ролей, а потом она вновь обращалась мыслями к матери, к ее последним дням, и тогда навертывались на глаза жгучие слезы и трудно становилось дышать.

Возле самой деревни Наталья Ивановна спустилась к озеру, прошла, оставляя глубокие следы, наискось по его песчаному берегу и остановилась у самой кромки. С озера дул ветер, швырял в лицо колючими дождевыми брызгами. Изжелта-серые волны с грязно-белыми гребнями лизали у ног песок, оставляя непрочный кружевной узор из пены. Не пряча лица от ветра, Наталья Ивановна еще долго стояла так, прислушиваясь к шуму озера. И, странное дело, однообразный шум этот будто успокаивал ее. Словно растворяясь в нем, бесследно исчезала горечь недавних слез.

Она огляделась. Вправо и влево от нее, насколько хватало глаз, широкой полосой тянулся пустынnyй берег. Знакомая с детства тропка узкой змейкой убегала вверх, к перелеску. За ним—деревня.

Недалеко от себя Наталья Ивановна увидела косо торчащее в прибрежной осоке колесо от телеги.

«Как будто штурвал кто потерял,—подумала она и вдруг улыбнулась.—Нет... не я! Это не я!»

Чувствуя прилив уверенности, вслух повторила:

— Не я!.. Не я!

И с разбегу взбежала по крутой тропке.

Не снимая с себя промокшей одежды, Наталья Ивановна прежде всего разыскала в чулане топор и, прихватив с собой табурет, пошла открывать забытые ставни. Осторожно сошла с крыльца, промокшего и охлажденного, и медленно пошла вокруг дома, взглядываясь в него пристально, как после долгой разлуки в лицо близкого человека. А он, старенький, посеревший и сгорбленный, вдруг словно улыбнулся ей своими белыми—лишь кое-где облупились краска—наличниками и сразу же похорошел. Что-то быстро-быстро над самым

ухом прошептала ей и смолкла береза. Наталья Ивановна на миг задержалась возле нее, погладила по стволу, глянула на огород.

Неистово и разбойно там царствовала крапива — жирная, темно лоснящаяся, по грудь высокая. Вокруг огорода, привалившись, словно от усталости, к густым зарослям лобазника, едва стояла передевшая изгородь. «Ничего,— подумала Наталья Ивановна,— вот выберусь весной хоть на недельку...»

Она уже и не помнила сейчас, что в поезде окончательно решила договориться с тетей Стешей насчет продажи дома...

В избе, скинув с себя мокрую одежду и набросив на плечи найденный ею на пачи с пыльной ситцевой занавеской старенький материнский туалет, Наталья Ивановна настежь распахнула все окна. Под двумя из них мокла — так и не успели они с матерью перестелить крышу — забытая дранка. Свежие запахи набухшей древесины, мокрых трав и земли ворвались в избу. И Наталья Ивановна подумала, что это и есть запахи осени.

Протирая пыль, она надолго задержалась у стены. В простой деревянной рамке, грубо покрашенной в коричневый цвет, теснились под стеклом семейные фотографии. Одна из них, наклеенная на толстый серый картон, расположенная в самом центре, выделялась своею четкостью. На стуле с высокой спинкой сидела молодая большеглазая женщина, а рядом с ней, неловко облокотясь на эту высокую спинку, стоял такой же молодой мужчина. Женщина в платье с большим белым воротником была гладко причесана. Она не улыбалась, но в темных глазах ее было столько тепла и спокойной уверенности, а во всей ее позе столько естественной простоты и достоинства, что, глядя на нее, невольно думалось: конечно, это очень счастливая женщина. В крепкой и стройной фигуре мужчины, в повороте его светловолосой головы чувствовалась некоторая напряженность, даже настороженность, но в глазах его светилась плохо скрытая мальчишеская удаль.

«И это мои родители! — с удивлением подумала Наталья Ивановна. — А что я знаю о них — тех?...»

Можно сказать, всю жизнь мелькала эта фотография у нее перед глазами, а она только сейчас ее и рассмотрела. Точно впервые увидела...

Наталья Ивановна смахнула набежавшие слезы, прочла карандашную пометку: «4 октября. 1940 год». «Боже мой! — ужаснулась. — А всего через год с небольшим она овдовела!» Сколько же нерастреченою любви склонила мать в своем сердце?

Наталья Ивановна вдруг припомнила давно забытое: но увиденное сейчас совсем в ином свете...

Ей было тогда лет одиннадцать, не больше. Возвращались они с матерью с воскресного базара из дальнего, хотя и соседнего, села. Шли лесом. Цвела черемуха. Совсем рядом, за деревеньку, тоненько вызывал ручей, но сквозь звенящую эту песенку слышно было, как там, за поворотом, видимо, переливавшись через какую-то преграду, он будто всхлипывал. В нагретой солнцем траве густо пестрел марьянник. Где-то впереди работяга-дятел вел свой безответный перестук. Увидев поваленное дерево, мать вдруг остановилась:

— Отдохнем чуточку.

Она поставила в густую зелень пустой бидон, старую-престарую кошельку и, развязав на голове концы белого платка, присела на траву. Наташа, скинув с плеч полупустой рюкзак, заспешила к ручью. Наклонилась над ним, быстро умылась, а потом еще долго рассматривала камешки на его ярко-оранжевом дне. И вдруг услышала:

Позаастали стежки-дорожки,
Где проходили милого йожки...

Голос был неокрепший, то и дело рвался, и Наташа не сразу признала в нем материнский. Но вот он неожиданно набрал силу, вырвался на свободу, обретая живую плоть, и незнакомой мукой отозвался в ее сердце:

Позаастали мохом-травою,
Где мы гуляли, милый, с тобою...

Наташа замерла, ожидая продолжения, но мать молчала. И так тревожно сделалось ей, что захотелось плакать, и она горестно и тихонько всхлипнула.

Когда Наташа вернулась, мать стояла возле куста черемухи и, пригнув к лицу цветущую ветку, старательно разглядывала ее.

— Ты что, дочурка? — притянула она к себе Наташу. — Глянь вокруг — красота-то какая! — Большие, всегда печальные глаза матери вдруг ожили и заискрились. — Ох, дочурка, с открытым сердцем жить надо!..

Сказала и погладила ее по волосам.

Наталья Ивановна словно ощутила сейчас эту материнскую ласку и вдруг почувствовала, как что-то тяжкое отпускает грудь.

«Ты простила?! Простила?» — в благодарности задыхнулась она, отыскивая глазами последнюю фотографию матери. Сняла ее со стены, припала губами к холодному стеклу: «Ты прости!..»

В старой фуфайке, с темным платком на голове мать сидела, устало привалившись к изгороди. Печально и строго было ее лицо. В горестном изгибе губ затаилась привычная боль...

Наталья Ивановна долго гляделась в родное, запомнившееся именно таким, как на этой фотографии, материнское лицо, и ей вдруг показалось, что глаза матери потеплели и губы дрогнули...

«С открытым сердцем жить надо», — вновь вспомнила Наталья Ивановна, и слова эти наполнились для нее новым смыслом.

Хлопнула наружная дверь, кто-то, торопясь, прошел по сеням, толчком распахнул дверь в горницу. Держка в руках мокрую тряпку, Наталья Ивановна обернулась.

— Пойду, думаю, на Наталью взгляну да покличу — чаво к Стеше не идет?.. Ну, выди суда — обоймемся. Похудала ты чаво-то, девка! — выпалила с порога невысокая и ладная женщина с немолодым, но еще приятным, очень подвижным лицом.

— Тетка Поля, ты! — оставив тряпку и на ходу откладывая со лба волосы, заспешила к ней Наталья Ивановна.

— Ну-ка, ну-ка! — оторвалась от Натальи Ивановны и хватровато прищурила глаза тетя Поля. — Повертишься-ка, повертишься — покажись, какая ты теперь есть. Так ты теперича артисткой?

— Артисткой! — засмеялась Наталья Ивановна. — А ты все такая же, ничуть не постарела.

— Ну, будто! — довольно улыбнулась тетя Поля. — Женишка вот нет, а то в хозяйстве бы чаво подмогнул, — совсем, глядишь, молодкой бы обернулась... А

чистоту-то, чистоту-то навела! — осмотрелась она. — И «голанку», глянь, протопила. — И посеребрела. — Как при Аннушке, царствие ей небесное...

Помолчали, потом тетя Поля спросила:

— Надолго ли?

— Завтра двенадцатичасовым уеду.

— Во-она как!.. — вздохнула тетя Поля. — Маленько ж ты! — И заторопилась: — Да чаво ж я, старая, топчусь?.. Стеша к себе кличет! Посидим, Аннушку помянем...

— Здесь вот и помянем, — твердо сказала Наталья Ивановна. — Только пол вымою. — И словно спохватилась вдруг — голос у нее сделался мягче: — Я быстро, тетя Поля... Я быстренько!..

Когда соседки пришли к ней, Наталья Ивановна уже накрывала на стол.

— Ну вот, и дождалась избы хозяйки, — облегченно вздохнула тетя Стеша. — Любо-дорого поглядеть! Ожила избы, вздохнула...

— И я говорю, — похвалила тетя Поля, пристраивая на столе принесенные с собой миски с солеными груздями и огурцами, вареными яйцами и творогом.

— И хорошо, Натка, сделала, что сюда позвать нас решила, — сказала тетя Стеша. — Ой, дочурка, и то правда, нешто ты не домой приехала?

Первую стопку выпили, не чокаясь, — помянули Анну Григорьевну.

— Царствие ей небесное, — почти одновременно сказали обе соседки.

Все трое помолчали.

— Ну, чаво примолкли? — словно сердясь, тихо, но напористо первой заговорила тетя Поля. — Закуси-ка, Наталья, огурчиком. В городе-то таких не сыщешь.

— Да, в городе таких нет, — слабо улыбнулась Наталья Ивановна и взяла огурец. — Да вы сами-то ешьте... прошу вас.

Сказала и отчего-то покраснела.

— У-у-у-у, ку-у-ры, до-мой! — раздалось за окном.

— Бабка Мания! — узнала Наталья Ивановна. Только она, однажды разъединившая на всю деревню, собирает так своих кур. Значит, жива еще?

— У-у-у-у, ку-ры, до-мой! — вновь послышалось с улицы.

— Да уж не та стала, — с опозданием откликнулась тетя Стеша. — Годы...

— Да, годы, — в раздумье повторила Наталья Ивановна. — Годы...

— А только о хорошем человеке и годы памяти не стирают, — опять сказала тетя Поля, словно строжась. — Нешто я забуду, сколько Аннушки, царствие ей небесное, мне добра переделала? Да что мне? Любому на выручку спешила. Бабка Мания — уж на что чуть жива, а до сих пор, как зайдет об Аннушке разговор, час вспоминать начнет, как она ей Федора выходила. Так и говорит: «Сынка мово Аннушка на ноги поставила...»

— А у самой еще Натка махонькой была, — с готовностью откликнулась тетя Стеша. — Господи, а сколько меня она выручала? А мое хозяйство на себя сколько раз принимала? И просить не прошу. Скажу только, что письмо из Саратова прислали. Сама спросит: «Опять захворал Веняка-то? Так чего ты? Присмотри. Езжай к внучку-то». У самой коровушка, а тут еще и моя. Легко ли, известное дело. А еще и на ферме — только успевай поворачиваться...

— Светлая душа была, — смирила подружку тетя Поля. — Горе у ково какое — щас к ней тянутся. Слушать она умела. Будто бы и сказать ничего не скажет, а посидишь возле нее — вроде и полегчает.

— А уж рукodelная! Полдеревни, почитай, обшивала! — Тетя Стеша бережно оправила воротник платя. — До сих пор вот ношу...

Наталья Ивановна жадно слушала женщин, и чувство дочерней гордости, смешанное с горьким раскаянием, переполняло ее сердце.

— Спасибо вам! — произнесла она медленно, с расстановкой. — Спасибо, что мать помните. Что могилу ее навещаете, что сюда пришли...

Хотела еще что-то сказать, но голос ее дрогнул, и она, мучительно покраснев, смолкала.

— Чего уж там — спасибо, — отмахнулась тетя Стеша. — не чужие, знать...

Тетя Поля привычным движением поправила платок на голове.

— Ты лучше, Наталья, про себя что скажи: как живешь-можешь, как сына ростишь?

— И то, дочурка, — подхватила тетя Стеша. — смотрю на тебя, молодая ты, красавица... Неужто мужика себе не найдешь?

— Да все некогда, — отшутилась Наталья Ивановна.

— Ну, а с этим, — ох, и быстро это у вас, молодых, — с этим-то чего у вас вышло? — Тетя Поля подперла сухими кулачками щеки, приготовилась слушать.

— Да что о нем говорить, — невесело усмехнулась Наталья Ивановна. И задумалась. — Писала я тебе, тетя Стеша...

Она вздохнула, обвела взглядом горницу, улыбнулась тихо.

— Хорошо дома-то. С вами хорошо... И вот что я вам... что сказать хочу. На артистку надо учиться, а я ведь провалилась тогда...

— Ну! — разом акнули обе.

— Только два тура и прошла, — засмеялась Наталья Ивановна. — А их три. Конкурс был. — И, заметив недоуменные взгляды, пояснила: — Ну, соревнование такое. Из многих отбирают лучших. Самых способных. Вот на третьем-то я и застрияла...

— А дальше? — строго спросила тетя Стеша.

— Дальше? Что ж дальше? Мать решила не огорчать. Вы же помните, как ей хотелось, чтобы я... А она тогда уж прихварывала. Да и стыдно было ни с чем возвращаться. — Она усмехнулась. — Как же: первая артистка во всем районе! И вдруг — на тебе! Провал. Как вернуться? — Она вздохнула. — А тут вдруг случайно узнаю, что один из театров объявил конкурс во второй актерский состав труппы. Не в главный, значит... А пойдет дело хорошо — потом уж переведут в основной. Вот я и подалась...

— Ну, зачислили, стало быть? — нетерпеливо спросила тетя Поля.

— Зачислили бы — конкурс-то я выдержала. Да только прописки у меня не было.

— Батюшки, как же ты? — заволновалась тетя Стеша.

— А никак! Сижу в фойе и реву. — Она улыбнулась. — Размазываю по лицу слезы, а все думают: от счастья свихнулась — ведь приняли! Вот тут-то он и подошел... Приметный такой, участливый... Администратором он в этом театре работал.

— Директором, что ли? — не поняла тетя Стеша.

— Да нет, — покачала головой Наталья Ивановна.

И тетя Стеша покорно откликнулась:

— Ох-хо!..

— Я ему даже благодарна в конце концов, — сказала Наталья Ивановна. И запнулась. — Вот только Сашок... — Помолчала, вскинула голову: — Но как же я театр люблю! Сейчас вот роль большую подготовила, показать должна...

— Кому показать-то? — поинтересовалась тетя Поля. — Начальству, что ль?

Рисунок Вениамина Костицына

— Начальству,— серьезно кивнула Наталья Ивановна.— Только это не главное...

— И откуда что в тебе, Наталья, взялось?— задумчиво произнесла тетя Поля.— Видно, не зазря девять верст туда, девять обратно, да во всякую непогодицу в клуб-то свой топала. Видно, каждому свое.

— Нелегко тебе, Натка, да знаю, выдюжишь, потому что ты в Аннушку,— ребром ладони поглаживая стол, тихо сказала тетя Стеша.— А врать-то... могла бы написать после похорон...

— Ну, ладно, ладно,— сверкнула на нее глазами раскрасневшаяся тетя Поля.— Вот и давай еще по глоточку. За то, чтоб к Наталье нашей успехи, значит... Да за Аннушкино желание, чтоб оно до конца исполнилось... Помню, собрались мы как-то... может, и ты, Стеш, помнишь? Собрались бабки одна другой моложе. Табачная Саша еще жива была.

— Какая?— не расслышала Наталья Ивановна.

— Да помнишь, на том краю бабка-то с сыном жила, да ну, с Володькой-то?

— А-а,— догадалась Наталья Ивановна,— та, что табакнюхала?

— Ну-ну. Оттого и табачная... Сидим, значит, разговариваем. А Аннушка вдруг ни с того ни с сего: «А что, бабы, быть моей Наталье артисткой...» Удивились мы тогда. А я-то, признаюсь, подумала: «И что за занятие?» Было-было,— замахала она на улыбнувшуюся и готовую что-то сказать Наталью Ивановну.— А вона, по-ейному и вышло.

— Пока что не вышло,— поправила ее Наталья Ивановна.

— Выйдет, Натка...

— У тебя выйдет!..

Утром Наталья Ивановна открыла глаза и улыбнулась: совсем еще летнее небо приветливо синело за окнами. В солнечных лучах ожила и повеселела комната, а на стене подрагивала тонкая и золотая паутинка света.

Сунув ноги в туфли, Наталья Ивановна подошла к окну и распахнула его. Утренняя свежесть обдала ее, словно умыла. Наталья Ивановна поежилась, но окна не закрыла.

Долго стояла так, смотрела на густую синеву леса, на оживавшую все больше светлую полосу неба...

Kомсомольский прожектор"... Сейчас о его работе знает каждый. Тем более, что роль штабов «КП» на предприятиях, стройках, в учебных заведениях велика. И то, что сейчас в Свердловской области, например, более 60 тысяч молодых дозорных, тоже говорит о многом. Оценка эффективности рейдов «Комсомольского прожектора» в рублях исчерпывающей не является. И все же... На Нижнетагильском металлургическом комбинате устранение недостатков, выявленных «прожектористами», только за три первых месяца 1977 года позволило сэкономить 196 тысяч рублей.

Можно было бы много рассказывать об активной деятельности молодых дозорных, их творческом подходе к порученному делу, поиске. Но в жизни возникают проблемы, продиктованные временем, новой требовательностью к методам и уровню работы «прожектористов». Всего шесть лет назад на «Уралмаше» в группе «прожектористов», проверявших использование станочного парка в цехах, не было ни одного комсомольца, имеющего образование выше среднего. В мае 1977 года на заводе проходил такой же рейд. Среди его участников не было ни одного человека, имеющего образование ниже среднетехнического. «Прожекторист», не имеющий технического образо-

положение не сможет. И тогда с особенной силой требуются от «прожектористов» принципиальность, бескомпромиссность, уверенность в своей правоте. Это вообще фундамент успешной работы «КП». Но обойтись без творчества, или, как говорят, гибкости в работе, нельзя. О каком творчестве мы говорим?

На небольшом разъезде неподалеку от станции Егоршино, километрах в ста от Свердловска, произошел такой занятный случай. На станции, в домах жителей которой было преимущественно печное отопление, среди бела дня шло негласное узаконенное воровство. Когда останавливался состав с углем, многие жители забирались на вагоны и сбрасывали уголь вниз. Потом, после ухода поезда, уголь уносили к себе домой и топили им печи. Нужно было навести порядок. Для предотвращения воровства организовали дежурство «прожектористов». В первый же день один из них задержал за воровство угли и привел, несмотря на сопротивление, к начальнику станции... свою жену. Чем он руководствовался? Принципиальностью, бескомпромиссностью, уверенностью в своей правоте, силах? Именно теми качествами, о которых мы говорили выше, называя их фундаментом успешной работы «КП»? Но какую-то непривычную окраску приобрели они в данном случае. Ведь «прожектористы» даны права не только уличать и добиваться кары

никакими положениями о работе штабов «КП». Добавим, что, например, над комсомольцем, поймавшим во время рейда свою жену, просто смеялись. Смешно было и нам—до тех пор, пока мы не узнали одну маленькую деталь. Впрочем, вот что говорит он сам:

— Нас в рейд вышло шестнадцать человек. На одном составе мы задержали девять человек. Уже приготовились вести их к начальнику станции. Вдруг руководитель нашей группы говорит мне: «Николай, беги к третьему вагону — там кто-то уголь бросает. Задержки и приведи сюда». Я пошел. Там оказалась моя жена. Это вскоре увидели все. Кто-то из задержанных сказал, что, мол, жену свою я отпусти — своим все можно. Тогда я повел и ее. Как я должен был поступить?

Что ответить Николаю? Пусть на этот вопрос он ответит сам. А мы лучше продолжим разговор о проблемах «КП» и расскажем о том, как шло

УКРОЩЕНИЕ «СТРОПТИВЫХ»

на одном из свердловских заводов. Случай этот был причиной долгих разбирательств, на помощь «строп-

Валерий
КРАСНОВ

РЕЙД БЕЗ КОМ

вания, сегодня просто ничего не поймет, проверяя цех, где стоят станки с программным управлением. Но это только одна, и то не самая большая проблема. Много других, чисто морального характера. О них и хотелось бы сегодня поговорить.

Итак, начнем разговор с того, что

«ПОЛОЖЕНИЕМ» НЕ ПРЕДУСМОТРЕНО

Очередной рейд штаб «КП» Карпинского хлебозавода проводил по заранее составленному плану. Проверялось соблюдение трудовой дисциплины. А точнее, опаздывают или нет работники завода на смену. Рейд, настолько обыкновенный, наверняка не стал бы предметом нашего разговора, если бы в списках опоздавших «прожектористы» не внесли... одного руководителя завода. Причем руководителя, тесно связанного по роду своих служебных обязанностей с работой штаба «КП». Мы даже можем сказать, что дозорные учили в опоздании своего пустяк и не прямого, но шефа. Возникла конфликтная ситуация. Как быть? Обвиненный в опоздании руководитель никаких объяснений «прожектористам» давать не пожелал, он и в дальнейшем просто не стал с ними разговаривать. Все опоздавшие в тот день по сигналам «прожектористов» были наказаны. Все, кроме одного. Фамилию этого опытного и уважаемого на заводе руководителя мы не называем по той причине, что наказывать его было не за что. По роду работы ему часто приходится уходить с завода в другие организации для решения многих вопросов. Так случилось и в то утро, когда был рейд «КП». И если бы комсомольцам все так и объяснили, то никаких недоразумений не возникло бы. Но случай приобрел скандальную окраску по той причине, что руководство завода в прямой и косвенной форме начало доказывать «прожектористам», что их право распространяться только на пекарей, слесарей, грузчиков и так далее, но не выше рядового рабочего. Любой руководитель завода для них неприкосновенен. Участников рейда это объяснение не устроило, и начались поиски правды, в которые включился и горком комсомола, а затем по письму из Карпинска и я.

Подобная ситуация не предусмотрена в различных инструкциях и положениях о «КП». И вообще случается в жизни так, что ответить на возникающие вопросы

для виновного. Он еще и воспитатель. Как раз свои воспитательные права он до злополучного случая и не потрудился применить. А тут, если можно так сказать, человек переусердствовал.

К чему, собственно, спросит читатель, нужно было приводить пример, который вряд ли когда еще повторится? Да, такой случай — редкость, если даже не исключение. И все-таки подобных можно привести десятки. Ведь династиями на заводах сейчас никого не удивишь. И вот приходит в цех группа «прожектористов» для проверки. Отец, брат, сестра или какой-нибудь другой родственник одного из участников рейда работает в этом цехе. Если особых замечаний нет, то все обходится без конфликта. А если брат выпустил бракованную продукцию? И снова возникает острые ситуации. Снова предстоит решить вопрос, не предусмотренный никакими инструкциями. Как его решить?

На строительстве Сухоложского цементного завода действовал один из лучших в области штабов «КП». Однажды на строительной площадке дозорные во время рейда обнаружили «залихи» битого кирпича, блоков, арматуры, брошенное оборудование. Выпустили «молнию», потребовали от начальника участка устранить недостатки. Тот на еженедельном заседании штаба сообщил, что недостатки устраниены. «Прожектористы» проверили и убедились, что все осталось по-прежнему. Снова «молния», письмо начальнику участка, и снова заверения, что все исправлено. Так повторилось раза четыре. Наконец, не выдержав, «прожектористы» пошли на такой шаг. Один из них, специально изменив голос, позвонил начальнику участка от имени одного из руководителей треста «Сухоложжстрой» и пригласил его на строительную площадку, к тому месту, где «залих» было особенно много. Начальник участка пришел, походил вокруг битого строительного материала, даже взобрался на одну из куч, но, естественно, ни с кем не встретился. Ушел раздосадованный, не зная, что стал «героем» фильма, который сняли любительской кинокамерой «прожектористы» из окна строящегося помещения.

Через два дня на заседании в штабе после дежурных заверений начальника участка, что все сделано, они выключили свет и прокрутили плёнку. Действенность была высокой.

Итак, три примера из работы «прожектористов». Внешне они как будто не связаны между собой. Однако все они о ситуациях, не предусмотренных

титивом» пришли городской и областной штабы «КП». Но лучше по порядку.

Вряд ли найдется человек, который любит, когда его критiquют. Но все воспринимают критику по-разному. На «Уралмаше», например, начальнику завода штаба «КП» Юрию Попову даже грозили судом, если он и дальше «будет совать нос куда не следует». В данном случае один из главных специалистов расценил критические материалы рейда как оскорблениe в свой адрес?! Некоторое время спустя двух «прожектористов» лишили премий. Те не придали этому значения. Другие обратили на случившееся внимание и написали в редакцию письмо.

Началось все вот с чего. На заводе проводился рейд по проверке использования электроэнергии в цехах. Участок проверяли работающие там токарями два «прожекториста» — Николай и Виктор. Вот выдержка из их отчета: «...Во время обеденного перерыва не были выключены и работали вхолостую два станка, у 20 станков не выключено местное освещение, горели лампы на участке (общая мощность двигателей и лампочек 8 киловатт)... После окончания смены оставлено включенными 11 лампочек местного освещения, З электродвигателя мощностью 2 киловатта 100 ватт».

Может быть, этот отчет и не стал бы причиной скандала, если бы в конце его работы не дописали: «Перерасход электроэнергии огромен. А по всем документам она экономится».

Отчет с этой пропиской появился в многотиражной газете завода буквально на второй день после того, как за большую экономию электроэнергии начальник участка был поощрен. Главный энергетик завода пригласил его к себе и попросил дать объяснения по поводу расхождения официального отчета с отчетом «прожектористов».

Через месяц начальнику участка дали указание подготовить списки на премирование работников по итогам квартала. Участок небольшой, и в списки на премирование были внесены все. Все, кроме Николая и Виктора. Им ничего не объяснили, а сами они сочли нескромным спрашивать, почему их лишили премии.

Шли дни. Первым не выдержал начальник участка. Он подошел к Николаю и спросил:

— Тебя не удивляет, что тебе премию не дали?

— Не дали, значит, не заслужил, — ответил, теперь уже начиняя удивляться, Николай.

— А ты подсчитай еще, сколько в нашем цехе в обеденный перерыв горят лампочки, и вообще

никакой премии не получишь. Так что делай выводы.

Николай выводов не сделал и горячо начал доказывать, что, проводя проверку, он помогал руководству завода. И тут ему был дан урок экономии. Оказывается, экономить электроэнергию даже при работающих вхолостую электродвигателях очень даже просто. Экономия заложена не только в нормах расхода, но и в системе подсчета электроэнергии. В начале года подсчитывается мощность всех электромашин, лампочек, приборов и так далее, а затем все это множится на количество смен в году — и норма расхода готова. Сегодня не вышли на работу три токаря. Прогуляли, например. Три станка простояли всю смену. «Сэкономлено» почти 300 киловатт-часов электроэнергии. Можно еще зимой выключить мощные электровентиляторы. От них одна простуда. Пусть люди дышат загазованным воздухом, зато тепло. Опять-таки экономия.

Зачем мы рассказываем об этом подробно? Да потому, что в нашем примере стоит обратить внимание не только на моральный облик начальника участка (которого все же наказали за зажим критики), а на качество рейда. Посудите сами, «прожектористы», как говорят, «сшибали верхушки», считали лампочки, пройдя мимо большой и очень серьезной проблемы, решение которой принесло бы значительно больше пользы, нежели решение той, которую подняли дозорные. Им не хватило пытливости, умения вести поиск на главном направлении, замечать самое существенное. А без этого «прожекторист» не может выполнить свою основную задачу.

С одним из комсомольцев, который, по моему мнению, является настоящим «прожектористом», мне

Суходольского цементного завода и в цехе широкополочных балок Нижнетагильского комбината, на прокатном стане в Нижних Сергах и в цехе Т-1 Северского трубного завода. И всюду на мой дежурный вопрос: «Как поживаешь?» — он отвечал:

— Ничего. Только вот с начальником поругался. Я здесь избран в штаб «Комсомольского прожектора» и вот недавно иду, значит, на работу...

И Виктор пускался в длинный рассказ о причинах своих разногласий с бригадиром или прорабом.

«Виной» неизменно была его инициатива. Обломили однажды монтажники на «широкополке» угол у железобетонной плиты. Бригадир, пока не видно начальства, принимает решение «примазать» уголок своими силами и поскорее поставить плиту на место. Виктор, видя такое дело, усился на то место плиты, где был обломлен угол, и закурил:

— Не дам «примазывать».

С плиты его столкнули, и Виктор побежал в штаб строительства к Дмитрию Кузнецovу.

Он хватает его за пиджак, уговаривая скорее идти на «место преступления», а иначе там «может произойти ужасное».

Короче, поругался он почти со всей бригадой.

— Кого ты учишь, мальчишка? — укорял его бригадир. — Может быть, раздашь нам всем по трояку, которые мы потеряли из-за твоей дурной сути?

В сущности, мы ведем разговор об инициативе, об активных людях, которые неравнодушны не только во время рейда, а всегда. Если по цеху идут с проверкой по ранее составленному плану пять-шесть «прожектористов», то все это воспринимается работниками цеха как официальное мероприятие, что-то важное, авторитетное. И даже на идущего в группе своего товари-

Алексей СОФРОНОВ

Моя боль — Чили!

Открыть дверь —
пинком ноги,
выломать калитку —
тряхнувши кулачицем,
искорёжить ворота —
сжимая их мозолистыми пальцами...

К этому они привыкли...

Дверь, дрожа, сама распахивается,
калитка в ужасе раскальвается,
ворота заржавленно сгибаются —
идет песня!

Песня,
рожденная растоптанными пальцами...

Пальцами перебирая
струны на гитаре,
пел Виктор Хара:
«Моя боль — Чили...»

Вскидывается
в революционном салюте
сжатая рука
Че Гевара...

Спокойно и торжественно
прислушался на миг,
с автоматом в неумелых руках,
Сальвадор Альянде...

Приподнял
голову
смертельно больной Пабло Неруда,
заскрипели его хмурые глаза...

Улыбнулся
сурою бровями
измученный болью сердца
в солнечной Болгарии
младший Луис Корвалан...

Песня,
рожденная
растоптанными пальцами,
гримела:
«Моя боль — Чили!...»

Ужасно
хотется иногда
вскочить,
пружиня ногами —
как славный ковбой
на круп
бешено скачущего дикого
мустанга —
на порхающую снежинку,
резко подстегнуть ее
и умчаться туда,
где рождается северное сияние...

Рисунок
Владимира СВЕТЛЯНОВА

ПРОМЫСЛОВ

доводилось встречаться несколько раз. Он оставался «прожектористом» и

В ПРОМЕЖУТКЕ МЕЖДУ РЕЙДАМИ

Человеком ершистым Виктор Говорухин прослыл еще тогда, когда учился на монтажника в суходольском ГПТУ-43. И вот что странно: никто не мог вспомнить, чтобы Виктор сделал что-нибудь бесчестное, вредное, но его опасались. Опасались, что он снова сделает что-нибудь не так. Неудачи просто преследовали его. Поэтому ему всегда твердили: не лезь ты со своей инициативой, делай только то, что тебе велят.

Виктор решил послушаться совета. И дело дошло до анекдота. Вскоре он на концерте художественной самодеятельности пел песню. Руководитель коллектива, дирижировавший оркестром, еще раз (как и на репетиции) попросил Виктора следить за движениями его рук и только по знаку начинать новый куплет.

Пел Виктор самозабвенно. Но третий куплет он не запел. Играла музыка, из зала внимательно смотрели на солиста, а солист смотрел, как дирижер вынимает из кармана платочек, вытирает им пот со лба и снова прятет в карман. Солист, как они и уговорились с дирижером, ждал сигнала, и, конечно, номер прошелся.

Недавно во время нашего разговора с Виктором я спросил его:

— После того знаменитого выступления прошло почти пять лет, и теперь ты мне можешь, наверное, сказать, почему так произошло?

— Да нарочно я. Знал заранее, что ерунда получится. Саныч наш дирижером был никудышным: во время концерта то утирается, то пиджак застегивает. Этим и воспользовалась я. Зло взяло, что меня все к порядку призывают, велят все делать только по инструкции да по знаку.

Теперь Виктор монтажник. После окончания училища его направили работать в трест «Уралстальконструкция». И тут он в общем-то впервые узнал, что есть такой «Комсомольский прожектор», где очень требуются люди, проявляющие инициативу. Но ссыпалось с «прожектористами» треста ему сразу не удалось, а затем беспокойная судьба монтажника мотала его по разным стройкам области. Мы встретились с ним на строительстве крупного автогаража

еща по работе смотрят с опаской: он может заметить нарушения. Но если этот же самый товарищ по работе сделает, как «прожекторист», замечание не во время проверки, а просто так, в обыкновенный рабочий день, от него могут отмахнуться, попросить не учить...

Мне ни разу не приходилось столкнуться с таким фактом, чтобы незапланированную проверку провел один «прожекторист». Сейчас, например, на сотнях предприятий прошли и проходят рейды «КП» по проверке расходования электроэнергии. Раз в месяц группа «прожектористов» пройдется по цеху и подсчитает, сколько в дневное время горят лампочек. А потом представит руководителям отчет, мол, в такой-то день в таком-то цехе горело столько-то лампочек. Но лампочки горели без надобности целый месяц до проверки. Видели это работающие в цехе «прожектористы», но ничего не предприняли. Поодиночке они, видите ли, не имеют полномочий. Вот, мол, подойдет по плану штаба срок, объединимся мы в группу и тогда дадим жару нарушителям. Будто от этого восполнят потери. Нет, просто получится то же самое, что случилось с Виктором Говорухиным, когда он внимательно следил за палочкой дирижера. Там он, строго соблюдая указания, опоздал запеть, а здесь, неукоснительно придерживаясь графика, позволили потратить зря тысячи киловатт-часов электроэнергии.

Не так давно, во время нашего разговора с Виктором, он предложил мне вспомнить как можно больше тематических рейдов «КП», о которых приходилось писать или просто слышать.

— Экономия материалов, энергоресурсов, использование рабочего времени — перечисляя я, — затем порядок в общежитии проверяют, посещаемость в школах...

В общем, набрал я всего восемь тем. Тысячи штабов и постов «КП» — и на всех восемь тем. А ведь многие обходятся двумя-тремя. Неужели это замкнутый круг, из которого нет выхода?

Сегодня мы поговорили о некоторых проблемах «КП», в частности о стиле работы его штабов. Но разговор, несомненно, должен быть продолжен: ведь «Комсомольский прожектор» сейчас — одна из важнейших форм участия комсомольцев в управлении производством. Деятельность «КП» рождает множество организационных, воспитательных, нравственных вопросов, решение которых позволит поднять на новую ступень, активизировать, наполнить боевым и интересным содержанием жизнь комсомольских организаций.

Леонид ЖУХОВИЦКИЙ.
Фото
Владимира ЧЕИШВИЛИ.
Специальные
корреспонденты Смены.

Где з весн

Помню, в детстве, еще дошкольником, я углядел на карте страны золотистое пятнышко—Ленкорань. Я уже знал, что Кавказ—это юг, солнечный, цветущий, экзотический. Но оказалось, у этого юга есть еще свой юг. Именно в связи с Ленкоранью впервые вошло в мое сознание загадочное слово «субтропики».

Сейчас, вернувшись из этих теплых краев, я снова смотрю на карту. Страна необъятна—огромный Кавказ в ее масштабах, как человеческая ладонь. А Ленкорань—солнечный зайчик на ладони...

Шоссе от Баку идет на юг. Слева равнина сине-фиолетовая: море. Справа равнина зеленая: земля. В отдалении неровной полоской—горы. Окрестность скромна: пляжи узки, кустарники колючие, трава низкоросла, в проплешинах песка и солончаков. Природа, начинившая недра запасами высококачественных нефти, не слишком позаботилась о крыше над кладовой.

Но уходят назад километры, набегают под колеса новые—и неуловимо меняется что-то вокруг: пейзаж становится теплей, светлей, приветливей. Все бога-

СБОРЩИЦЫ ЗНАМЕНИТОГО АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЧАЯ.

че зелень, все пышней кустарник. Курчавые горы придвигаются ближе, а пляж под берегом тянется такой, что знаменитым болгарским «Золотым пескам» уступит разве что названием.

Вот пошли вдоль дороги чайные плантации—невысокие кусты с густой, сочной, словно лаковой листвой. Не растение—чудо природы! В дело идет не плод, не корень, а лист—богатая зелень, тут же отрастающая вновь. Сто лет живет чайный куст! Может, сейчас вас бодрит и радует куст, посаженный вашим прапрадедом.

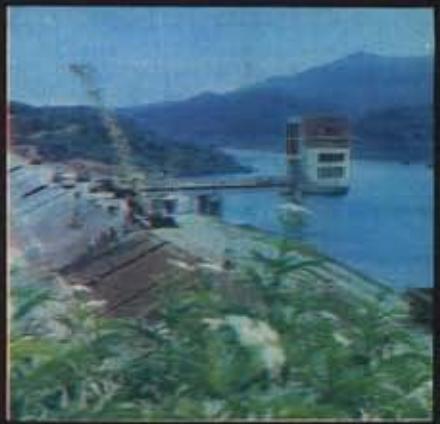
Вот начались леса—немеренные гектары великолепного ленкоранского дуба. Они тенисты и чисты—прелый лист лежит на земле ровным слоем, мягко и аккуратно, будто кто специально уложил.

Вот появилось на склонах железное дерево—ценное и редкое, растущее лишь в нескольких местах на земле. Древесина его прочна и тяжела—отломанная ветка тонет в воде. Но домой ее не везите, не надо. Оторванная от родного леса, высохшая, она теряет свою

зимует а

РЫБАКИ КАСПИЯ.

ВОДОЗАБОР В ДОЛИНЕ
ХАНБУЛАНЧАЙ.

уникальность и плавает в ванне, как какая-нибудь щепка сосны.

Вот небольшая плантация не сливы, не груши, не яблони, а фейхоа. Слыхали? Некрупный плод покрыт плотной кожицеей серо-зеленого цвета. Плод как плод, всякие бывают. Но откуда у японского фрукта вкус лесной земляники? Лишь в Ленкорани, нигде больше, варят и пускают в продажу варенье из фейхоа.

А еще здесь в начале января висят на деревьях с яблонью ростом живые, яркие, подлинные мандарины. Словно на новогодних елках...

Первоклассник, и тот знает безошибочно: на зиму многие птицы улетают в жаркие края. Улетают, куда им деться! Торопятся, пока не накрыли и не закутали белые простыни зимы.

Ну, а где они, эти жаркие края? Один могу назвать сразу: Ленкорань. Невелик размерами, не слишком богат людьми: сто сорок тысяч на весь район, в Мытищах, небось, живет больше. Зато осенью на влажные низины Ленкорани и мелководные, поросшие камышом заливы Каспия опускаются семьсот тысяч птиц. Самый крылатый район страны...

Замечательный азербайджанский поэт Наби Хазри сказал про эти места: «Здесь зимует весна». Строчка—под стать Ленкорани—крылатая.

Есть названия, которые рождаются вместе с городами. Скажем, Кронштадт. Или Бразилия. Или молодой современный Дивногорск. Построили—назвали. Есть города, которые куда старше своих имен. Город Пушкин прежде долго был Царским Селом, Горький—Нижним Новгородом.

С Ленкоранью—по-иному. Имя намного старше города! Того еще и в помине не было (ему всего лет двести), а название уже существовало. В шестнадцатом веке встречалось, даже в пятнадцатом.

Что означает это красивое слово? Есть три версии—и все интересны...

Говорят, что в этом слове слились два, означавшие на местном наречии «пристань» и «якорь». Может быть: еще в давние времена здесь охотно останавливались купцы, плывущие с Волги и северного Каспия на юг, в Персию. Красивая версия—в ней море, ветер и паруса.

Говорят, что в этом слове слились два, означавшие, однако, иное: «основка» и «караван». Может быть: не только морем ходили с Волги на юг и с юга на Волгу бывалые, дерзкие, предпримчивые люди, торговавшие разными заморскими товарами. Тоже хорошая версия—в ней дорога, вечерняя усталость и родник у подножия зеленой горы.

Говорят, наконец,—и это, пожалуй, всего достоверней—что слово это родилось опять-таки из двух и означало «дома из камыша». В самом деле, камыша вокруг было полно, его плели, обмазывали глиной, и получались стены хоть куда! Дома из камыша были теплы зимой, прохладны летом. К сожалению, и в январе и в июле они прекрасно горели, в результате чего ленкоранцы спрямляли новоселья гораздо чаще, чем им хотелось.

Эта версия кажется самой достоверной: у нее привкус истины...

Ленкорань стоит на берегу моря и на берегу реки. Небольшая Ленкоранчай довольно мирно течет по песку и камням, но широко развинутые берега настораживают: так вот на каком пространстве шумела когда-то эта коварная тихоня! Теперь уже не пошумит—построенная в предгорьях плотина водозабора регулирует и сброс воды.

Мост через речку ведет в деревню Сутамурдов. Он, как пуповина, связывает ребенка с матерью. Причем мать—деревня. Она стояла задолго до того, как на левом берегу реки появились первые городские дома.

Сутамурдов стоит на достаточно высоком, красивом и сухом месте. Но—что делать!—тесновато стало деревне. Пришло понемногу осваивать низину за рекой. На новом месте селились, как правило, цехами—угольщики с угольщиками, каменщики с каменщиками. Кстати, уже тогда кирпич тут обжигали на славу—с гарантами на несколько веков.

Были кварталы медников—они делали казаны, чеканили подносы и блюда, кварталы кожевников, изготавливавших чарки. Эта обувь была проста, но красива—до сих пор мода то и дело возвращается к их загнутым носам, к длинным ремешкам, поднимающимся по ноге чуть не до колена. Старики и сегодня донашаивают теплые, мехом внутрь, куртки—дубленки прошлого века. А еще кожевники делали работу тонкую и почетную—обложки для корана.

Отдельно в новом городе размещались ювелиры. Помимо бус, колец и больших, со звонкими подвесками сережек, они изготавливали особое украшение: маленькие золотые сундучки. Такой ларчик носили на шее, часто запирая на ключ. Что в нем хранилось? Разное. И прядь волос любимого человека, и завещание, и даже долговые расписки...

От детских лет Ленкорани—тогда здесь было не слишком могучее, но все же ханство—осталось две постройки. Время было беспокойное, место беспокойное, и оба сооружения служили обороною: круглая крепость красного кирпича и дозорная башня, служившая также маяком. Ныне море отшло, и маяк стоит на привокзальной площади, вызывая у приезжих сперва недоумение, а потом грустные мысли о превратностях судьбы.

Впрочем, почему грустные? Когда оборонительное сооружение переходит из военного ведомства в туристское—это событие радостное...

Раньше здесь был остров. Потом через мелкий пролив протянули дамбу. И по этой новой дороге едет на молодой полуостров наш «газик».

Мелеет Кастий. Отмели выходят из воды. Вот стадо растянулось в низине: морды в зелени, копыта в воде. Не коровы—буйволицы.

Их много здесь, местные крестьяне издавна держат этих грузных, мощных тихоходов. Молока буйволицы дают немного—полторы, от силы две тысячи литров в год. Куда им до коров! Зато жирность буйволиного молока чуть не второе выше. С некоторой натяжкой можно сказать, что буйволицы доятся сразу сливками...

Кончилась дамба. Остров. Ограда. Дальше пускают лишь по специальному разрешению. Только на трети территории Ленкоранского района хозяиняет человек. Две трети принадлежат природе. Это заповедники. Два на один район. Причем тот, куда мы едем, Кызыл-Агачский—огромный, союзного значения, почти девяносто тысяч гектаров. Именно сюда слетаются на зиму утки, лысики, нырки, чирки и прочие водоплавающие. Здесь зимует и серый гусь, гордая, красивая птица, которой не очень повезло в поэзии—подпортил репутацию толстый и ленивый домашний родственник.

Здесь, наконец, находят пристанище

виды редкие, ценные, порой даже занесенные в «Красную книгу СССР»: лебедь, стрепет, тура, серо-серебристая сultанская курица и аристократ здешних мест, длинноногий, изысканный розовый фламинго. Эта диковинная, прекрасная птица зимует у нас только в Ленкорани. А если зима холодная и заливы заповедника замерзают, фламинго улетают дальше на юг, в Иран. В самые щедрые годы прилетает около тысячи птиц. Всего-то! Увы, слишком долго человечество относилось к природе, как к покоренному городу, отданному завоевателям на разграбление на одну шальную ночь...

Комплексное, многоотраслевое, налаженное хозяйство природы здесь непреклонено. Не только птицы—комары, лягушки, шакалы, волки, кабаны спокойно живут своей жизнью. Вредных животных нет—все полезны, все нужны, все охраняются, все передают потомству свой опыт, свои особенности, свой неповторимый генетический код. Нам с вами не нравятся комары и шакалы? Согласен—без этих тварей вполне бы обошлись. Но и они нужны природе—для сохранения и поддержания баланса.

По сторонам дороги непролазные заросли ежевики, ветви спутались и переплелись, рост—в полтора человеческих. Дальше—камыш, камыши.

Впереди водосброс, вода прямо через дорогу протекает в залив. И на дороге, по колено в этой бегущей воде, стоят спокойные, вдумчивые, тяжеловато-грациозные цапли.

Наш «газик» входит колесами в воду, становится почти амфибией. Цапли не торопливо, не поступаясь достоинством, взмахивают крыльями и поднимаются в воздух. Их полет флегматичен, лишен всякой суеты—словно там, на залистой дороге, не додумали некую мысль и страшатся потерять ее в полете...

С детства знал, что цапля длиннонога. Но понятия не имел, что она так красива и величава. Крылья летящей птицы подрагивают, и вся она чуть покачивается, колышется, как разморенный солнцем пловец, блаженствующий на теплой волне...

Ежевика кончилась—и открывается глазам ровная, как билльярдный стол, равнина. Она то зеленая, то коричневая, то лаково-черная, то цвета морской волны. Где зеленая—там зелень, где коричневатая—камыш, где черная—богатые заводы. А цвет морской волны—морская волна.

Вода в заводях «живая». Снует всякая водяная мелочь, плывут, причем довольно быстро, черепахи, бьют по воде рыба. Ее тут множество. Осетр, севрюга, каспийский лосось, кутум. В изобилии щука. Рыбаки уверяют, что эта наглая хищница порой по непонятным причинам массами выходит за границы заповедника, в людные места, и тогда, привыкшая к безнаказанности, жадно клюет и на живца, и на блесну, и на червя, и на голый крючок, и на оборванную леску, и на конец удлища, и даже на опущенный в воду палец. Хотите верьте, хотите нет. А рыбаки, как известно, врат не любят...

Поразителен заповедник на рассвете. Птицы крики и посвисты—странно!—не нарушают тишину, а как бы становятся ее частью, вышивкой на ткани. Под красным небом лежит спокойное красное море. Розовые отсветы на траве, на воде. Обычные белые цапли сейчас смотрятся, как фламинго.

Днем и ночью, зимой и летом заповедник, как Ноев ковчег, плывет сквозь время, неся на борьбу всех своих чистых и нечистых, добрых и злых, больших и маленьких—неся прошлое в будущее, оставляя за тварями живыми возможность плодиться и размножаться.

Кто знает—может, когда-нибудь и розовые фламинго широко расселятся по Земле?

У ущелья есть свое название. И у поселка, лежащего на склоне. И у совхоза. И у санатория, чьи домики за зе-

ленью почти не видны. Но любой ленкоранец все, расположенные в этой местности, объединит одним именем: Истису.

Что это такое—Истису?

Это кипящая вода. Бьющий из земли источник. Название неофициальное. Далеко отсюда, в горах, есть знаменитый азербайджанский курорт с таким именем. Прочим источникам даны иные наименования—ведь как иначе различить их, ну хотя бы в специальной литературе? Но народ, незнакомый со специальной литературой, в разных местах республики бесхитростно называет кипящую воду кипящей водой. И если ленкоранская Истису известна больше многих, то, вероятно, лишь потому, что бьет она из земли в одном из красивейших мест Закавказья.

Курорт создается на наших глазах. Но люди лечились здесь водой и сто лет назад. Вырыли квадратную яму глубиной в метр с небольшим, поставили стены, накрыли крышей... Что и говорить, «ванный корпус» был спартански скромен—зато больные, привезенные сюда родственниками, уходили на своих ногах.

В небольшом Ленкоранском районе—целая коллекция климатов: от полноценного субтропического у моря до довольно сурового в горах. Истису—предгорье, тут легко дышится даже в июле.

жалеют времени. Поллитровка в подворотне на троих короче, но вряд ли привлекательней.

Да, здесь произносят речи в честь всех присутствующих. А если человек тебе не нравится? Обычай не нарушишь—сиди, думай, готовься к тосту, иди в нем светлые чарты. Нет же людей без достоинства! Вот и добирайся до них, отбросив заведомую недоброжелательность. Кстати, недурная школа объективности. Плохое в человеке так и лежит в глазах. Умей разглядеть хорошее!

Между прочим, в Ленкорани, районе, в частности, и винодельческом, я не увидел ни одного пьяного. Даже в праздничные дни!

Думаю, это не случайность. В ленкоранском застолье главное не бокал, а тост. Направляясь в гости или ожидая гостей, человек думает не о том, что выпьет, а о том, что скажет. Здесь серьезно и вдумчиво подходят к выбору тамады (кстати, ленкоранцы утверждают, что слово это азербайджанское и означает «полноправный отец стола» или что-то вроде этого). Рюмка от рюмки отделена не только закуской, но и продолжительной, красивой, остроумной речью. Пьяному за таким столом делать нечего: набор бессвязных фраз или торопливое «Вздрогнем!» не вызовут у сопротивников ничего, кроме жалостливого презрения.

А вот непьющему за этим красивым столом интересно. Утверждают со знанием дела—сам так...

Могу сказать даже более определенно: лучше бы совсем без спиртного! Но, боюсь, в ближайшие годы эта радикальная идея вряд ли воплотится в жизнь. А если уж поднял рюмку, так лучше до-

Кто же это сказал: «Умный любит учиться, дурак—учить»? Очень точное наблюдение...

Я долгое время тоже был дураком—объяснял всем и каждому, чем плохи кавказские застолья. Аргументов имелось достаточно. Во-первых, бесмысленная траты времени: из-за длинных тостов сидят за столом часами. Во-вторых, беспринципность: в честь каждого из присутствующих говорятся похвальные речи, а люди-то разные... И дальше в том же роде.

Но когда я высказал нечто подобное одержимой искусством, утонченной интеллигентной бакинке, она мне горячо возразила:

— Ну, что вы! Вы совершенно неправы. Наши тосты—прекрасная вещь. Я люблю многих своих коллег, многих друзей. А когда я могу им сказать об этом? На собраниях мы друг друга ругаем, в компаниях острим. Разве что юбилеи... Но ведь человеку не каждый год исполняется семьдесят лет!

Ошеломленный ее напором, я отрекся от всякой предвзятости и в Ленкорани сделал для себя несколько не глупых, но важных открытий.

Да, кавказские застолья длины. Но за счет чего? Еды? Питья? Нет! Они длины за счет общения. Люди встречаются, чтобы поговорить, и на это не

стойно и красиво, не теряя человеческого лица, остроумия и доброты...

Такие приблизительно мысли вызвали у меня субтропические застолья.

Спасибо за науку, Ленкораны!

Где быть плотинам, решают не историки, а инженеры. Однако магистральные дороги гидротехники и пути истории могут иногда совпасть. Именно так получилось в Ленкорани: плотина водозабора построена как раз у подножия самой известной в округе горы.

Гора эта не слишком высока и вполне доступна пешеходу. Она поросла колючим кустарником, железным деревом и дубом так же, как ее более массивные соседки. Ну что в ней особенного?

Особенное есть.

И соседние горы и эту одинаково бьют ливни и точит ветер. Но там обнажается камень, а здесь кирпич: на этой горе одиннадцать веков назад стояла крепость Бабека.

В прошлом человечества не много было личностей ярче. Сейчас уже трудно определить, что в его облике принадлежит истории, что поэзии, что легенде. Наверное, немало и вымысла, но ведь и яркость отблесков свидетельствует о мощи огня.

В те времена Закавказье было побеждено арабскими завоевателями. Побеждено, но не покорено. Против огромного, могущественного, воинственного и жестокого Халифата встал восемнадцатилетний мальчик, погонщик верблюдов, сын бедняка и сам бедняк. Двадцать лет шла народная война, двадцать лет одно из самых грозных государств эпохи ничего не могло сделать с бесстрашными отрядами Бабека.

Кончилось все низменно и трагично: предательство, плен, казнь.

Властители Халифата воевать умели, но казнить умели еще лучше. Прежде чем убить Бабека, ему отрубили руки. Он сказал:

— Они и отрубленные смогут держать меч.

Из ран хлестала кровь, Бабек смочил ее лицо.

— Я никогда не побледнею перед врагом!

Говорят, это были его последние слова.

Крепость Бабека захватчики разрушили. Но с самим Бабеком время и за тысячу лет не справилось. Гора, я думаю, всегда будет называться горой Бабека.

зять человека с самой привлекательной стороны, выделить из массы. Все друг друга знают, известно, кто чего стоит, и если, например, считают тебя лентянем и дураком, от унылой этой репутации кармашками и «молниями» не отбешься...

Но значит ли это, что ленкоранцы равнодушны к красоте?

Вдоль моря вытянулся совхоз — не очень большой, всего 80 га, но производит товарной продукции почти на миллион рублей в год, и половина этих рублей идет в чистый доход совхоза.

Хожу по территории, смотрю продукцию.

Вот метров на двести тянется гряда, зелено-красно-желтая. Тут все понятно — розы.

А как зовут эту ковровую дорожку, цвета и оттенки которой перечислить при всем желании не могу? Оказывается, кольцелярия гибридная. Имя скучное, отдает алтекой — но до чего же хороший цветок!

Дальше опять знакомое: георгины, гвоздика, петуния. Набирают силу флоксы. А через дорожку — родственники лука репчатого: гиацинты, нарциссы, тюльпаны, гладиолусы. Два миллиона цветочных луковиц в год отправляют совхоз по разным адресам — от Амстердама до Улан-Батора, от Калининграда до Магадана.

Еще совхоз производит семена. Тут счет идет не на тонны. Семьсот килограммов за год — только и всего. Ослик довезет, если тележка как следует смазана.

по имени Мирза Алекпер Таирзаде вырос тихим, покорным, из рядовых рядовым. Большая бедная семья отца, традиционное мусульманское воспитание, тупой и жестокий молла, собственная семья — тоже большая и тоже бедствующая, наконец, опасная и тягостная болезнь...

Но поразительно, с каким упорством молодой, а потом и не слишком молодой шемахинец тянулся к любому источнику мысли и света, пока сам не стал источником света, едва ли не самым ярким в азербайджанской поэзии двадцатого века.

Сабир-сатирик начал печататься в сорок три года — возраст, когда большинство стихотворцев уже опускает перо. Жить ему оставалось пять лет. Для бессмертия этого оказалось достаточно.

Все-таки талант — загадочная вещь. Немолодой, болезненный, измученный нищетой и порядком уставший от жизни человек — и вдруг такой всплеск великолепной, слепящей-ядкой, снайперской точной иронии! Стихи нового сатирика по форме были сложны и совершенны, богаты звукописью, пронизаны внутренними рифмами. Ханжи, фанатики, торговцы, сластолюбцы и властолюбцы не успевали увертываться от богатырских пощечин Сабира. Восток традиционно славен остроумием, но такое было редкостью и на Востоке...

Революция 1905 года шла на убыль, а революционная поэзия Сабира шла на подъем. Грамотные и неграмотные ходили над его стихами, заучивали наизусть. Рисло число почитателей, еще быстрее увеличивалось количество врагов.

Стихи стихами, но и жить было надо. Дети хотели есть каждый день.

Поззия денег не давала — сатирик овладел ремеслом. Год за годом великий Сабир варили мыло на продажу, но моллы грозили небесными карами и тем, кто читает стихи Сабира, и тем, кто покупает его мыло. Он менял подписи, прятал фамилию, но куда было спрятать талант? Руку сатирика врачи узнали по строке, по пятну от пощечины, по окну от хлыста.

Из школы, где Сабир учительствовал, запуганные ханжами родители забирали детей. Круг бедствий сужался. Недуг — болезнь печени — резко обострился. А лечиться было не на что.

Лишь в одном удача не оставляла Сабира — строчки на бумагуложились одна другой совершенней...

В конце концов круг замкнулся: большой и нищий, великий шемахинец вернулся умирать в Шемаху.

Он писал, пока рука держала перо. Умер Мирза Алекпер Таирзаде в 1911 году, летом. Ни одну свою книгу он не увидел напечатанной.

Мирза Алекпер Таирзаде пришел к читателю под псевдонимом. Какое литературное имя выбрать сатирику? Бестрашный? Яростный? Неноктунный?

Сабир был и бесстрашен, и яростен, и неподкупен. Но, кроме того, он был гений. В его псевдониме заключены в равных долях и оптимизм, и горечь, и каменное упорство, и трезвое, без всяких иллюзий понимание своей судьбы. Он слишком хорошо знал, какое качество сатирику всего необходимей. И потому выбрал имя Сабир.

В переводе на русский оно означает терпеливый.

В Ленкорани пьют чай вприкуску. Пусть варенье, пусть мед, пусть весь набор знаменитых восточных сладостей — на столе непременно стоит и вазочка с колотым сахаром.

Откуда в сладких субтропиках эта рязанско-тульская манера?

По этому поводу рассказывают следующее.

Чай в Закавказье пришел давно — сахара тогда еще не было в обиходе. Так как спиртное запрещалось кораном, чай был в застольях основным питьем.

Как ни странно, этот сугубо мирный напиток играл существенную роль в

борьбе за власть, в родовой вражде, служил орудием мести и зависти. Местные интриганы использовали чай так же, как флорентийские Медичи вино: в чашку с золотистым напитком подсыпали яд.

С появлением сахара задача отравителей сильно осложнилась: выяснилось, что если в чай с ядом опустить кусочек сахара, его белая поверхность мгновенно меняет цвет: яд дает свой оттенок!

Теперь даже нищий дервиш постоянно таскал на груди спасительный мешочек, охраняющий владельца надежней любой святыни. В опасном доме осторожный гость благодарили за чай, затем окунал в него сладкий камушек, который держал затем в руке несколько секунд, а уж там решал, как быть: пить или уносить ноги.

Нынче в Ленкорани отравителей нет. Но чай по-прежнему пьют вприкуску. Мертвия традиция?

Нет! Оказывается, цвет осадка на искрящейся грани сахара говорит не только о наличии либо отсутствии яда, но и обуважении к гостю! Да, да. Бывший ленкоранец, проделав тот же несложный анализ, тут же поймет, когда заварен чай: только что, или полчаса назад, или вчера, или... Или чай этот будет пить сам хозяин.

Впрочем, такие случаи исключительны: в Ленкорани считается постыдным подать гостю чай, заваренный не специально для него...

Чайные фабрики района в сезон работают вовсю: шестнадцать процентов всесоюзного сбора дает Азербайджан, и почти весь этот чай — ленкоранский. С мая до осени собирают пахучий лист. Сортов много. Лучший «Экстра»: выше первого и выше высшего. Но есть еще один сорт, который лучше лучшего. Для него подходят только самые нежные листики, собранные только ручным способом и только с пятнадцатого июля по пятнадцатое августа, то есть в идеальную — солнечную и жаркую — погоду. Так получается знаменитый «Букет Азербайджана».

К чудесам и диковинам Ленкорани я бы рискнул отнести и ленкоранский театр.

Идея создать в небольшом городке профессиональный коллектив была встречена иронически. На пятьдесят тысяч жителей театр? Кто будет в нем играть? Кто будет ставить спектакли? А самое главное — кто будет их смотреть? Запасы зрителей истощаются быстро...

Выживет ли этот ребенок?

Понадобилась вся яростная, фанатичная энергия первого секретаря горкома партии Исы Алиевича Мамедова, чтобы театр все же поднял занавес...

Помимо пристрастия к сценическому искусству, Мамедовым руководило и одно вполне практическое соображение. Чтобы люди по-настоящему хорошо работали, требуется не только зарплата, не только квалификация, не только организация труда. Нужно еще одно — они должны очень любить свой город! Да, необходимо жилье, новый рынок, четкая работа транспорта. Но нужна и скульптура на площади, и масовые праздники, и цветущая акация вдоль улиц, и театр...

Сейчас ленкоранскому театру четыре года. Но уже ясно — здоровье у малыша богатырское. В его репертуаре восемнадцать спектаклей, многие прошли уже по сто с лишним раз. Русская, зарубежная, национальная классика, современная драматургия. Диапазон — от комедии до трагедии. Сейчас репетируют «Грозу».

Посещаемость? Девяносто с лишним процентов. Зал на 420 мест почти всегда полон. Финансовый план перевыполняется столь регулярно, что слово «премия» звучит привычно, как «репетиция» или «прогон».

Вам это не кажется чудом? Тогда поговорите с любым периферийным администратором...

Продолжение на IV обл.

У народов, умевших бороться за свободу, крепкая память...

Облик Ленкорани приятен, но скромен. В густой зелени прячутся домики, лишенные всяких архитектурных излишеств. И люди на улицах выглядят так, будто не было семилетней войны «мини» и «макси», будто не промаршировали по улицам всех мировых столиц победные джинсы с их кармашками, строчками, «молниями» и широкими поясами, будто само слово «мода» вдруг разом выпало из словарей.

А ведь Ленкорань не бедна, заработки здесь хорошие. Так в чем же дело, почему так неброско ее лицо?

Это не сккупость — это философия жизни.

Ленкоранский дом строится не для услады глаза прохожего, а для удобства тех, кто в нем живет. От дома требуют не оригинальности фасада, а иного: чтобы зимой в нем было тепло, летом прохладно и чтобы любому гостю всегда нашлось место для ночлега.

И мода здесь, в маленьком городе, лишается своей привычной цели: показа

А красивая кольцелярия дает в год всего два килограмма семян. Стоит ли упоминать? Стоит. Ибо цена каждого килограмма — шесть тысяч рублей.

Дорожки посыпаны песком, вдоль дорожек — сирень, сирень...

— А эта, махровая, куда идет?

Директор совхоза Ханали Багиров мотает головой:

— Это так, озеленение территории. Для себя...

Цветов, как и счастья, никогда не бывает слишком много.

Центральная библиотека Ленкорани носит имя Сабира.

Он родился не здесь, умер не здесь, и формально его жизнь почти не связана с Ленкоранью. Но имя библиотеке дал не случай — дала читательская любовь и справедливость, к сожалению, посмертная.

В богатейшую историю азербайджанской словесности поэзия Сабира вошла строчкой огненной, жизнью Сабира — строчкой пепельной. Талант народа, трагедия народа, оптимизм народа сплелись и сплавились в его горькой и славной биографии.

Кажется, эпоха сделала все от нее зависящее, чтобы мальчик из Шемахи

Евгений ДУБРОВИН

'дикие звери мира'

ПОВЕСТЬ

III

Мать дала бы денег на «Диких зверей мира». И Зайду бы дала... Она никогда не была жадной... Теперь же рассчитывать приходилось лишь на себя. Добыть такие большие деньги можно было лишь одним способом: украдь и продать большую ценную вещь, пользующуюся сиюминутным спросом, то есть если притащить эту вещь на базар, ее должны схватить сразу же.

Друзья мысленно перебрали все домашние вещи, но эти вещи не представляли никакой ценности, попросту говоря, вещи были бараклом. И тогда Юрик вспомнил о сундуке. Это было, конечно, нечестно, подло, низко, но иного выхода не виделось. Архип Пантелеевич сделает себе другой сундук, а звери могут потом больше никогда-никогда не приехать. Конечно, будет страшная порка, возможно, Юрика даже выгонят из дома, но он все-таки увидит живых африканских зверей. И птиц. Птицы, конечно, не так интересны, как звери, но все же в виде добавки, приятного довесочка к диким зверям они пройдут.

Тетка и Архип Пантелеевич работали далеко и никогда не приходили домой обедать, так что мальчишкам никто не помешал. Они погрузили на тачку сиявший под солнцем сундук и повезли на базар. У ворот Заяц струсил.

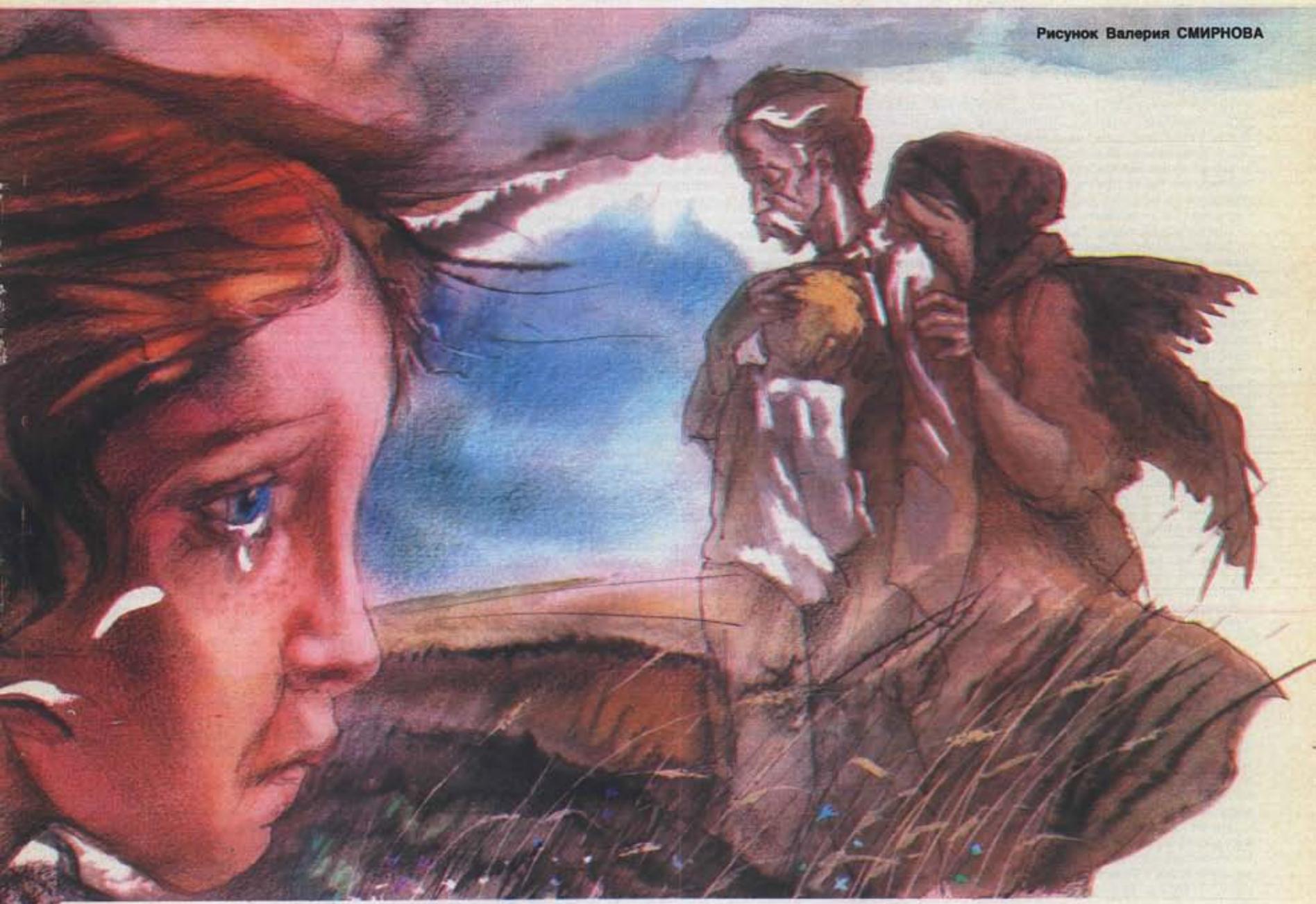
— Ну их к черту, этих диких зверей! — сказал он. — За это знаешь что будет? Это ведь настоящий грабеж.

— У своих не грабеж, — успокоил его Юрик. — Просто непослушание. Высекут, и все...

Но сомнения были посеяны. На полу пути струсил и Юрик. Он представил себе разъяренного Архипа Пантелеевича, плачущую тетку и уже начал было поворачивать тачку назад, как вдруг опять увидел крадущегося тигра: плакат успели уже наклеить и на улице. За тигром наблюдали обезьяны, за обезьянами — удав, а дальше прыгала, кралась, выглядывала многомордая масса. И сердца мальчишек не выдержали. Они не устояли перед гипнотизирующими взглядами диких зверей.

Сундук не пришлось довезти даже до базара. Встретившиеся цыгане налетели на него, стали хватать, цокать языками и взяли за триста рублей.

Окончание. Начало в № 2.

Целых триста рублей! Это были большие деньги, это были сумасшедшие деньги. За них можно было купить три буханки хлеба! Но на этот раз ни Юрик, ни Заяц даже не подумали о хлебе. Звери мира совсем заглушили чувство голода. Ведь ни Юрик, ни Заяц в жизни не видели диких зверей. Правда, Юрику они иногда снились во сне. И усатый тигр и лохматый лев. Они гнались за Юриком в непроходимых зарослях, а Юрик удирал от них со страшной скоростью, с такой жуткой скоростью, что даже взмывал от этой скорости вверх и летел над деревьями. Из-за этого полета Юрик любил видеть во сне диких зверей. Может быть, и в жизни с ним что-то случится, когда он увидит диких зверей. Что-то сладко-страшное, что-то невероятное...

Какая была свалка! Боже мой, что им пришлось выдержать, чтобы завладеть двумя синенькими билетиками! Да и это понятно. Все мальчишки поселка стремились увидеть зверей мира. Пришло даже много взрослых.

IV

И вот они с Зайцем сидят в третьем ряду — самом лучшем ряду, на самых лучших местах и не сводят глаз с бархатного плешишего, побитого молью занавеса, закрывающего их маленькую, затоптанную и усыпанную подсолнечной шелухой сцену, над которой прибит написанный неумелой рукой — черной тушью по желтой, засиженной мухами бумаге — плакат: «Смерть фашистам!»

— Смотри! — прошептал Заяц и впился пальцами в руку Юрика. Он был очень впечатлительным, этот Заяц, еще более впечатлительным, чем Юрик. Он аж побелел, у него даже веснушки исчезли, так хотелось ему увидеть диких зверей всего мира.

Вдруг изъеденный молью занавес зашевелился. Кто-то с той стороны сцены искал в занавесе проход. В зале наступила мертвая тишина. С той стороны явно тыкалась чья-то морда. Мертвая тишина превратилась в жуткую. Неужели дикий зверь?.. Неужели его выпустили так, без привязи, без клетки? В задних рядах заплакала маленькая девочка. Ей отклинулся мальчишеский, только что прорезавшийся бас в другом углу.

Но зверь никак не мог найти проход, как ни тыкался в разных местах. Наконец, он догадался поднять мордой занавес снизу. Плешиший бархат пополз вверх, и на сцену вышел большой небритый мужчина в мятом черном костюме и сапогах.

— Черт, — сказал мужчина, — запутался. — И добавил громким шепотом по-матерному.

Наверно, это был дрессировщик. На всем облике дрессировщика лежал отпечаток той опасной жизни, которую он вел. Его глаза были воспалены, голос сорван, поперек щеки тянулась глубокая свежая царапина, в волосах кое-где виднелся пух, наверно, диких птиц. Его слегка покачивало. Еще бы! Каждый день рисковать жизнью!

— Здравствуйте, ребята! — сказал дрессировщик, достал железную расческу и попытался расчесаться, но волосы слишком свалились, и даже железная расческа их не взяла.

— Здрасты! — грохнул зал восторженно.

— Вот мы и прибыли... К вам... Примите от нас и от наших зверей сердечный привет! Физкульт-привет! Физкульт-привет! Физкульт-привет! — закричал дрессировщик.

— ...в-т-т-т!.. — радостно завопил зал. Такое начало ему нравилось. Вот это дрессировщик! Настоящий дрессировщик!

Дрессировщик помахал сразу обеими руками, успокаивая зал.

— Дорогие товарищи! Этот показ диких зверей мы посвящаем нашим доблестным воинам, которые... бьют фашистского зверя в его логове! Первый номер — показ тигра. Тигр — опасное и дикое... э-э... животное. Очень опасное... Как фашистский танк «королевский тигр».

Дрессировщик нырнул под занавес, заиграл аккордеон. Занавес дрогнул и слегка раздвинулся на две половинки. У каждой половинки появилось по паре стоптанных ботинок, и в этих ботинках половинки ушли в разные стороны. На сцене стояла обернутая таким же, как и занавес, побитым молью бархатом клубная трибуна, с которой говорили речи во время праздников и торжественных собраний.

Вдруг аккордеон замер. Послышалась барабанная дробь, и под эту жуткую, леденящую душу, пробирающую до самой печени дробь, под которую обычно в кино фашисты расстреливают наших партизан, из-за трибуны высунулась устая тигриная голова с выкаченными стеклянными глазами. Голова разинула до ушей красную плюшевую пасть и сказала сорванным человеческим голосом:

— Р-р-ы-ы-ы... Р-р-ы-ы-ы...

Это был голос дрессировщика.

Клуб замер от неожиданности. Наверно, в зале не было ни одного человека, который бы не замер от неожиданности.

— Р-р-р, — повторил тигр и яростно замотал головой.

Тигостная тишина продолжалась, потом кто-то неуверенно свистнул. Но тигриная голова не исчезла, не растворилась, как мираж. Она продолжала реально существовать, мотала головой и рычала сорванным, хриплым голосом.

И тут началось! Свист, улюлюканье, крики!

— Живого! Давай живого! — вопил зал.

«Тигр» продолжал мотать головой, даже высунулся из-за трибуны по пояс, пытаясь запугать публику, но публика бушевала все больше и больше.

Тогда из-за кулис спокойной походкой вышла женщина в черном длинном, тоже мятом платье и укоризненным голосом завуч на классном собрании, негромко сказала:

— Дети. Тише.

Зал сразу сник.

— Дети, — продолжала женщина. — Что это такое? Вы плохо себя ведете. Кто же так себя держит на концерте? Концерт посвящен воинам Красной Армии, а вы? Нехорошо, очень нехорошо. — Женщина погрозила пальцем. — А сейчас следующий номер — пантера! И чтобы тихо у меня!

Из-за трибуны высунулась длинная плюшевая морда с пришитыми ушами и точно так же, как «тигр», произнесла:

— Р-р-ы-ы...

Но тут пантера закашлялась. Пантера кашляла долго и трудно, отхаркивалась, отплевывалась, а потом заплакала. В зале установилась страшная тишина, еще более страшная, чем тогда, когда вместо натуральной тигриной головы высунулась плюшевая. И в этой тишине, всхлипывая, плакала пантера.

Из-за кулис выбежала женщина в черном платье, но теперь у нее не было вида завуча, это была просто растерянная, испуганная женщина. У обоих половинок занавеса появились стоптанные башмаки и побежали, спотыкаясь, пугаясь в складках, к середине сцены...

Потом все наладилось, пришло в норму, и концерт пошел своим чередом, и они с Зайцем честно досмотрели всех плюшевых зверей до конца. И было бы вроде даже ничего, в отдельных местах даже здорово, и если немного напрячь воображение и увеличить мысленно плюшевые морды до нормальных размеров, то можно было сказать, что ты видел настоящих, живых зверей, но все равно это были не настоящие живые звери, и, когда они с Зайцем очутились на улице, Юрик чувствовал такую обиду, какую никогда до этого не чувствовал. У него даже сначала сами собой потекли слезы, но потом он остановил их, он умел останавливать слезы, это не так трудно, как кажется.

Потом, когда Юрик стал взрослее, он понял того мужчину, и чем взрослея становился, тем больше понимал, почему заплакал он тогда на концерте. Наверно, тот человек был несчастным человеком, презирающим себя за то, что он вынужден был обманывать ребят. Наверно, ему было стыдно рыгать из плюшевой морды в набитый голодными ребятами зал. Наверно, он был больной или раненый. Наверно, у него был большой план выручки, да к тому же доктор прописал есть мед, яйца и говядину, только поэтому человек пошел на обман. Все это Юрик хорошо понимал. Понимал, жалел и сочувствовал. Но простить не мог. Если бы такое случилось чуть позже, может быть, он и простил бы этого человека, но в восемь лет такие вещи не прощаются.

Может быть, потом, уже совсем потом, когда Юрик познал по-настоящему, что такое боль, смерть, любовь, радость, он бы все-таки простил того мужчину, потому что редко, очень редко, хотя иногда и бывает, человек проносит обиду через всю жизнь. Если бы он проносил обиду через всю жизнь, то ничего бы хорошего из этого не получилось, человек не познал бы тогда радости, счастья, умиротворения, и жизнь превратилась бы для него в муку; если бы он накапливал обиды, он сам бы себя наказал, а не своего обидчика. Хотя, конечно, есть и такие, которые накапливают обиды всю жизнь.

Но Юрик все-таки бы простил небритого мужчину, то есть как простил? Просто тот не стал бы Оленьеву вспоминаться, просто он забыл бы про несчастный показ диких зверей, показ диких зверей начисто выветрился бы из его головы, и Радов хоть раз в жизни, а сходил бы в кукольный театр, а ведь он так ни разу в жизни не ходил в кукольный театр.

Он простил бы этого небритого мужчину за его обман голодных пацанов, если бы на следующий день не погиб Заяц. Добрый, умный, взбалмошный Заяц с мягким знаком на конце. Он был очень своеобразным, его друг Заяц, и, наверно, вырос бы интересным человеком, каким-нибудь бы оригинальным инженером, может быть, даже художником или писателем, а возможно, он стал бы просто водителем троллейбуса, но все равно обязательно своеобразным человеком.

Это он придумал фокус с бомбой. У них за школой лежала бомба. За школой у них находился глубокий овраг, заросший лопухами и бузиной. Потом этот овраг постепенно переходил в балку, а еще дальше в лес. Это было просто здорово, что он переходил в балку, а потом в лес. Ни один бы учитель в мире, даже военрук, не смог захватить курящим пацаном в этом овраге, переходящем в балку, а затем в лес.

— Шухер! — кричит кто-нибудь сверху, и цигарки летят в кусты, и все сидят просто так, готовятся к уроку, зубрят немецкий, например. А почему бы и не позубрить немецкий на свежем воздухе? Теоретически это вполне возможно. Ну, а если военрук решит во что бы то ни стало захватить хоть одного курильщика «живьем», если он долго прячется в кустах, ползет по-пластунски по пересеченной местности, таится в старых окопах, если он неожиданно, как чертик из коробки, выпрыгивает из кустов и наваливается на курильщика, даже тогда, даже в этой редкой, почти невозможной, но все же в школьной истории зафиксированной ситуации, даже тогда есть шанс на спасение, если курильщик, конечно, не растеряется, если не остановится у него сердце, не размякнут от страха мускулы, если он найдет силы оторвать от себя цепкие руки военрука и рвануть со скоростью полуторки, рвануть через кусты, рыхвины, окопы, ручей в балку, а потом углубиться в лес, а там ищи-свищи в лесу... Конечно, если опять же в лесу он не потеряет бдительности, если он не разляжется в тени первого же дуба, не соблазнится свежестью первой полянки, а будет петлять, как заяц, путать следы, пока не уйдет в огромное кукурузное поле за лесом. Вот там уж действительно иши-свищи. Только в кукурузном поле можно передохнуть, потому что военрук наверняка пойдет по твоему следу и будет идти долго и настойчиво, но в кукурузном поле он все равно потеряет след; ни один человек в мире не может найти след в кукурузном поле.

На самом дне оврага, переходящем в балку, а затем в лес, лежала бомба. Огромная, наполовину вросшая в землю авиационная бомба. С этой бомбой им тоже здорово повезло. Даже если в овраге сырь после дождя, все равно можно приятно проводить время. На бомбе умещалось несколько человек. Сиди себе на прекрасной, округлой, чуть шероховатой поверхности, отполированной множеством задов, кури и болтай ногами. Если сесть вплотную, то на бомбе вполне могло уместиться человек десять, сиди, кури, болтай ногами. Кругом сырь, все размокло, над раскисшей землей, над крапивой рыскают мокрые злые комары, с кустов от птиц ссыплются противные капли, а ты сидишь себе на бомбе, куришь и болтаешь ногами.

Все так привыкли к бомбе, что если бы ее вдруг не стало, для мальчишек исчезла бы половина прелестей жизни. Да и для военрука тоже: какой интерес вылавливать мальчишек из полуразвалившейся уборной? Скучно и противно. То ли дело — страстные погони по оврагу, распутывание следов в лесу или чувство бессилия перед безбрежным кукурузным полем! Наверно, в моменты погони военрук молодел телом и душой, вспоминал своих фронтовых товарищей,очные вылазки за языкком — военрук был на войне разведчиком, демобилизованным из-за контузии головы, — он отдавал ловле курильщиков все свое свободное время, всю энергию, и если бы мальчишки вдруг все бросили курить, военрук, наверно, умер бы с горя.

И вот в ту весну бомбы не стало. Вернее, она по-прежнему лежала на дне оврага, но теперь она была недоступна: ее на почтительном расстоянии обнесли забором. Однажды после сильного дождя бомба ожила. На большой перемена толпа, как всегда, побежала к бомбе и вдруг остановилась, пораженная. От бомбы шел пар. Он вился тоненькой струйкой над землей и уползал в кусты, словно прятался от военрука.

Спустя несколько часов прибыли военные, осторожно осмотрели бомбу и обнесли ее забором — извлечь такую машину из оврага, наверно, было трудным делом даже для саперов, а их тогда очень не хватало. Прозвучало малопонятное слово «кислотный взрыватель». Подходить к забору было запрещено строго-настороже, но все, конечно, подходили. Курили теперь возле этого забора. Курили и поглядывали в щель на бомбу. Бомба потихоньку пускала тоненькую струйку пара, такую тоненькую, что она тут же растворялась в испарениях оврага. Иногда, преимущественно в пасмурные дни, струйка становилась потолще и вилась крендельком. В сильный же дождь прежнюю мирную бомбу было не узнать. Она походила на сибирского кота, приготовившегося к прыжке. Пушистый хвост метался по мокрым кустам, само тело обволакивалось вязьбленной белой шерстью — это испарялся дождь, ударившись о горячее тело. Такое зрелище жутковато, и мальчишки под дождем удирали назад, в надежное кирпичное здание школы, бывшее во времена Петра Первого пороховым складом.

Не боялся бомбы один Заяц. А может быть, и боялся, этого никто никогда не узнал. Но Юрику, во всяком случае, он говорил, что не боялся. Еще Заяц говорил, что якобы он может всегда узнать, когда бомба взорвется, и поэтому не боится ее. Он вообще был немного не в себе, этот Заяц. Однажды после скандала в семье Юрика им пришлось заночевать на гороховом поле, в конне старой соломы. Заяц остался ночевать в конне из-за солидарности, и вот тогда Заяц сказал Юрику странные вещи. Можно сказать, раскрыл душу. Необычная какая-то душа оказалась у Зайца. Например, Заяц сказал, что он колдун, что сейчас, в этот момент, он, например, чувствует, что на гороховом поле сидит один волк, две лисы и пять зайцев. Более того, Заяц догадывается, о чем эти все звери думают. Все эти звери думают о них — о Юрике и Зайце. Они их боятся. И еще, сказал Заяц, я могу приказать им уйти с поля; тут он что-то прошептал и объявил, что теперь на поле нет ни одного зверя.

В ту ночь Заяц вообще разоткровенничался и рассказал, что его слушаются даже вещи, что он знает, о чем они думают. «Неужели вещи думают?» — удивился Юрик. «Конечно», — без тени сомнения ответил Заяц.

Он поведал, что каждая вещь думает о своем, что вещи, как люди, бывают добрыми и злыми, что они или помогают людям, или им мстят. Бомба ненавидит людей и хочет им отомстить за то, что люди заставили ее лежать мертвей в овраге так долго, — бомба ведь живет лишь тогда, когда убивает.

Но он, Заяц, не боится бомбы. Он умеет читать ее злобные мысли и знает, когда она наметила взорваться.

Вот какой человек был Заяц, лучший друг Юрика. В школе его не любили, побаивались и часто поколачивали.

Зайца били почти каждый день, после уроков. Не то чтобы уж по-настоящему били, а так, гоняли сумками по школьному двору, преимущественно старшеклассники. Догоняют, врежут полевой сумкой с книгами и тетрадями между лопаток и опять гоняют. Очень уж интересное зрелище представлял собой бегущий Заяц, прямо как настоящий заяц: ноги задираются чуть ли не до головы, живот втянут, уши большие, вместо зубов резцы торчат. И потом Заяц сам был виноват: он дразнился.

— Медведи жирные! — оскорбляя старшеклассников. — Ученые медведи!

Ему не надо было дразнить старшеклассников. Конечно, старшеклассники были действительно важными медведями, считали себя очень умными, солидными, учеными, но ведь на то они и старшеклассники, Заяц, конечно, со временем стал бы таким. А может быть, и не стал, слишком уж был Заяц подвижным, слишком задиристым, быстрым, хищным.

Когда силы Зайца иссякали, он нырял в проделанную в заборе дыру, сбегал в овраг и усаживался на бомбу.

— Ну что, слабо? — кричал он и делал всякие обидные жесты. — Слабо, ученые медведи?

«Ученые медведи» позорно жались по ту сторону забора.

— Идите сюда! — звал их Заяц. — Идите, хватайте меня, я не буду убегать. Дрейфите бомбочки? А? Я чихал на нее. Смотрите!

И Заяц принимался плясать на бомбе. Старшеклассники не выдерживали.

— Эй, дурак! — кричали они. — Кончай, а то взорвется! Мы не будем тебя трогать! Иди сюда!

— Нет, вы идите сюда! Ну скорее! Я жду! Здесь тепленько! Подтопите немножко свой жирок! Ну, медведики! — Заяц соскачивал с бомбы, пинал ее ногами, бросался на нее со всего размаха и проезжал на животе с одного конца на другой.

Старшеклассники уходили с руганью, незаметно оглядываясь, стыдясь того, что оглядываются...

— Дурак психованный! — ругались они. — Нашел с чем играться.

Вот каков был Заяц, лучший из лучших друзей Юрика.

V

На следующий день после представления с дикими зверями шел сильный дождь. Не то чтобы сильный, но крупный, ровный. Он начался еще ночью и не думал останавливаться. Все небо было обложено белыми, словно высвеченными изнутри тучами, отчего они были похожи на тонкий, поставленный напротив света фарфор. Дождь был холодный, и, когда друзья выбежали босиком на улицу, мокрая трава обожгла подошвы.

— Заходи слева, — скомандовал Архип Пантелеевич, — и они от нас не уйдут.

Тетка, как квочка, кудахчала, подбрав юбки, кинулась им наперерез, сам Архип Пантелеевич старался отрезать дружину дорогу к калитке. В руках у Архипа Пантелеевича был увесистый дрючок. Этим дрючком он хотел отчасти вознаградить себя за безвозвратно утерянный сундук с жар-пицей-курицей. Юрик не ожидал от Архипа Пантелеевича такой прыти. После показа диких зверей Юрик пошел ночевать к Зайцу, надеясь, что гнев тетки и Архипа Пантелеевича за ночь несколько остынет и лучше будет явиться с повинной к вечеру, когда к чувству гнева примешивается беспокойство за пропавшего бесследно дальнего родственника. Однако они с теткой сообща за ночь сообразили, где искать похитителя сундука, и нагрянули к Зайцу рано утром. Приятели едва-едва в одних трусах успели выпрыгнуть во двор через окно.

Мать Зайца работала грузчицей на железнодорожной станции, и Юрик ее почти никогда не видел, так как составы с грузом приходили в основном по

ночам и мать все ночи работала, а днем она спала, закутавшись с головой одеялом.

Поэтому Заяц и Юрик расположились в доме с полным комфортом. Они наварили на плите картошки, кроме того, в чугуне оставалось еще немного овсяной каши, а в горшке кислого молока, и пир получился на славу.

Потом друзья потушили свет и легли спать — Заяц уступил гостю свою кровать, а сам залез в материну постель. Они думали, что после страшных волнений этого дня сразу заснут, но сон почему-то не шел, и друзья проговорили почти всю ночь до утра. Говорил в основном Заяц. Он говорил и говорил, как заводной. Просто удивительно. На Зайца что-то нашло, словно он чувствовал, что это его последняя ночь. А может быть, и не чувствовал, а просто ему наконец-то удалось заполучить такого спокойного, не нервного слушателя, каким оказался Юрик.

В основном Заяц рассказывал о своем удивительном умении понимать все. Об этом Юрик уже слышал тогда в копне соломы, но не очень-то верил во все это колдовство.

Этой ночью Юрик впервые немного усомнился в том, что его приятель, мягко говоря, большой фантазер. Этой ночью Заяц рассказывал в основном про отца. Заяц сказал, что хорошо помнит отца и не верит, что тот убит, хотя и на отца пришла по всей форме похорона.

И Заяц рассказал Юрику совсем уж удивительную вещь. Оказывается, Заяц — это отец, а отец — Заяц. То есть Заяц чувствует себя погибшим отцом. Он слышит все, что отец говорит, видит все, что тот делает. Заяц уверен, что погибший отец переселился в него, Зайца. Юрик слушал этот бред почти со страхом. Но Заяц говорил так уверенно, так горячо, что Юрик опять заколебался. Может быть, это все правда? Может быть, отец в самом деле после смерти переселился в сына и учит его всему, подсказывает, ведь недаром Заяц самый умный, самый смелый, самый талантливый парень в их классе. Пусть учится он неважко, но разве все дело в учебе? В нем есть самостоятельность и какая-то взрослость. Наверно, и учится он поэтому неважко, что слишком уж самостоятелен, часто не согласен с учителями, доходит до всего своим умом, а вполне дойти у него не хватает ни времени, ни сил: Заяц почти всегда помогает матери разгружать вагоны.

В эту ночь Заяц рассказал, что вагоны ему помогают разгружать отец. Он вроде бы кидает сам мешки с цементом, и поэтому Зайцу совсем не тяжело.

— Значит, ты уверен, что отец придет? — спросил Юрик.

— Он уже пришел, — ответил спокойно Заяц. — Я и есть отец.

Юрику стало как-то не по себе, и он постарался переменить тему.

— Тебе нравится какая-нибудь девчонка? — спросил он.

Юрик подумал, что Заяц начнет ругать девчонок, как все мальчишки делали в их классе, но Заяц просто сказал:

— Нравится.

— ...Кто?

— Вышка...

Юрик замер от удивления. Вышка... Самая некрасивая девчонка в их классе, которую все побаивались. Высокая, нескладная, конопатая, резкая на языке. Мало кто решался связываться с Вышкой, а если кто и связывался, то получал немедленный грубый отпор, а то и увесистый удар крепким кулаком. Больше всего доставалось Зайцу. Зайца так и разбирало поддразнить Вышку. Подходит он, допустим, на перемена и спокойно так говорит:

— В коридоре лампочка перегорела. Кто вывернет? Только чур без стола.

Все смеются и смотрят, конечно, на Вышку. Рыжая девчонка хватает портфель (вернее, полевую сумку, тогда портфелей не было, а были полевые офицерские сумки и сумки от противогазов) и кидается на Зайца. Заяц скачет по партам. И пошло-поехало! Прямо настоящая охота!

Или в другой раз, допустим, на контрольной по русскому при всеобщей тишине раздается голос Зайца:

— Марья Иванна, как пишется «вышка»? Через «и» или «ы»?

Взрыв хохота. Красная как рак Вышка бросается через весь класс и вцепляется в волосы своего обидчика. Бизг, свалка, первые выкрики учительницы.

Ободранного, всклоченного, но торжествующего Зайца выдворяют за дверь. И вот неожиданность — оказывается, Зайцу нравится Вышка...

— А за что она тебе нравится? — спросил Юрик, опомнившись от удивления.

— Она очень хорошая, — ответил Заяц убежденно. — Честная, добрая. Она будет отличной женой, матери.

Юрик онемел. Что такое Заяц мелет? Какая жена, какая мать? Никто в классе никогда не вел подобных разговоров.

— Неужели... неужели ты уже сейчас думаешь об этом? — прошептал Юрик.

— Сейчас самое и думать, — назидательно сказал Заяц. — Сейчас время есть, а потом закрутиться на работе. Кроме того, выбирать лучше всего жену, когда она еще маленькая, не научилась притворяться. Потом, когда ей замуж пристичт, начнет строить глазки, улыбаться, то-се... До нутра ни за что не докопаешься.

Ну, Заяц! Ну, хитер! С виду совсем еще зеленый, а воинственным думает!

— А если она за тебя не пойдет? — спросил Юрик.

— Пойдет, — убежденно ответил Заяц.

— Она же тебя ненавидит.

— Если бы, — вздохнул Заяц. — Именно ненависти я и добиваюсь. Как только я увижу, что это дело произошло, я тут же ей признаюсь в любви. И дело в шляпе. От ненависти до любви один шаг. Видел в кино?

— Видел.

— Вот так я и сделаю. Думаешь, зря я ее дразню?

Ну, Заяц! Ну до чего же хитер! Просто сил никаких нет!

— По-моему, ты уже добился своего.

— Не-е... Она пока еще не сказала. Как только скажет... Тогда я ей и признаюсь... Дни два попсихует, а потом тоже полюбит. Я про такие дела много слышал. А ты?

— Я тоже.

— До свадьбы дружить будем. Я ей помогать по хозяйству стану, а то у них крыша совсем худая и забор повалился. Без мужика плохо. А она моей матери постирушка делать поможет. Одна она совсем зашивается. Мешком натаскается, а потом засыпает у корыта. Ну, а потом, когда вырастем, конечно, поженимся. Я сына хочу. Чтобы после смерти в него переселиться. Как отец в меня.

Ну, Заяц! Ну дает! Сам еще пацан, а уже о сыне думает!

Много еще о чем говорили Юрик и Заяц той ночью, и Юрик окончательно убедился, что его друг — человек необыкновенный и что мир еще услышит о Зайце.

— Мир еще услышит обо мне. — Так и сказал Заяц, уже засыпая. — Я очень сильный и люблю работать. Я стану или инженером, или агрономом. Я изобрету

или сталь, которая не истачивается, чтобы лемехи у плугов вечными были, или выращу такой сорт пшеницы, чтобы каждый колос по полкило весил.

— Ну? Полкило? — не поверил Юрик.

— Полкило. А может быть, и больше, — убежденно сказал Заяц. — А потом я стану известным ученым и начну путешествовать. Проеду по всему свету. Я хочу увидеть всех диких зверей мира. Представляешь? Всех до одного! Я страшно хочу увидеть этих зверей. Они мне просто не дают покоя. Снятся по ночам.

— Мне тоже хочется увидеть диких зверей мира, — сказал Юрик.

Заяц заскрипел кроватью.

— Нет, тебе не так хочется. Может, и хочется, но не так, как мне. Я бы с ними разговаривать научился. Я бы узнал, что думают слон, рысь, удав, какой-нибудь там лемур. Я бы стал их другом.

— Они тебя бы съели.

— Я невкусный, одни жилы и кости, — пробормотал Заяц и заснул.

VI

— Левей, еще левей, — говорит Архип Пантелеевич. — И они наши!

Но в это время Заяц приседает, делает отчаянный прыжок, и вот он уже на заборе и протягивает руку товарищу.

Скорей! Скорей! Ну и Заяц! Настоящий Заяц, настоящий друг! Чего ему-то бежать? Он сундука не крал, ему трепки достанется совсем мало, а может, и совсем не достанется, но Заяц все равно бежит рядом из чувства солидарности.

Они бегут по улицам еще спящего поселка. Впереди Заяц, за ним Юрик, за Юриком Архип Пантелеевич, за Архипом Пантелеевичем тетка. Идущие на базар люди смотрят с любопытством за этим живым кинофильмом, но не особенно уж с большим любопытством, поскольку такие «живые кинофильмы» довольно обычное дело.

Они бегут не спеша, экономя силы, зная, что путь предстоит длинный: Заяц впереди, за Зайцем Юрик, за Юриком Архип Пантелеевич, за Архипом Пантелеевичем тетка. Архип Пантелеевич бежит уверенно. Он знает, что победа будет за ним. Мальчишки бегают быстро, но они совершенно не выносливы, взрослые бегают медленно, но зато на длинные дистанции. Сейчас они все бегут на длинную дистанцию, и взрослые, конечно, победят.

Впрочем, расстояние было приличное, и, возможно, какая-нибудь случайность помешала бы взрослым настичь мальчишек, но тут прямо посередине дороги оказалась Вышка. Она шла, наверно, на базар, с кошелькой, в косынке, мокрая, нескладная, большая.

Увидев друзей, Вышка уставилась на них.

— Куда бежите? — спросила она.

— Прочь с дороги, рыжая крыса! — крикнул Заяц.

Но Вышка и не думала убираться. Наоборот, увидев, что за мальчишками погоня, она вся растопырилась, явно намереваясь помочь задержать беглецов.

Заяц со всего маху налетел на Вышку. Та поскользнулась и упала. Враги забарахтались в траве, на обочине дороги.

— Пусти руку! — кричал Заяц.

— Берите его! Я держу! — вопила рыжая.

Архип Пантелеевич приближался с торжествующим топотом.

— Пусти, крыса!

— Сам ты хорек!

— На вот тебе! Получай!

— Бери сдачи!

Наконец, Зайцу удалось освободиться. Архип Пантелеевич был совсем близко.

— Удирай! Я его задержу! — крикнул Заяц другу.

— Бесполезно, не успею... — сказал Юрик упавшим голосом.

— Тогда за мной! Я кое-что придумал! — Заяц рванулся в сторону, оттолкнув противную с целью захвата руку Вышки. Рука ударила о бедро с обидным шлепком. Заяц засмеялся.

— Я тебя ненавижу! — сказала Вышка.

— Наконец-то! — воскликнул Заяц, размазывая по щеке грязь. — Я на тебе женюсь! Мне сейчас некогда... Ты подумай до завтра, а затем скажешь, ладно?

Вышка, опешив, таращилась на своего давнего врага. Руки у нее бессильно висели. Кошелька упала в грязь. Заяц еще что-то хотел сказать, но сзади уже заходил, растопырив руки, как василиск, Архип Пантелеевич. За ним тяжело шагала, месила грязь, как утка, тетка.

— За мной! — крикнул Заяц, уворачиваясь от растопыренных кровожадных рук.

Неожиданно Заяц ныряет в кусты оврага, за Зайцем ныряет Юрик, за Юриком Архип Пантелеевич, за Архипом Пантелеевичем тетка. И они бегут по дну оврага. И тут Юрик догадывается, куда они бегут. Они бегут к бомбе. Конечно, куда же они могут еще бежать? Только к бомбе. В любом другом месте их настигнут тетка вместе с Архипом Пантелеевичем, и будет трепка. Возле бомбы трепки не будет. Возле бомбы ни один человек не посмеет устроить трепку.

По дну оврага бежать трудно и противно. Ноги разъезжаются, мокрые ветки хлещут по рукам и лицу. В довершение всего дождь стал крупнее, не сильнее, не чаще, а просто его капли увеличились в объеме. Лучше бы он шел гуще, но мельче.

И вот показалась бомба. Она вся была окутана паром. Заяц нырнул в это облако.

Архип Пантелеевич остановился, увидев бомбу. Потом ноги непроизвольно отнесли его на несколько шагов назад.

— Юр! Сюда! — кричал Заяц. — Знаешь, как здесь тепло! Здесь тепло и сухо! А какая она горячая! Сила! Иди сюда.

— Назад! — закричал Архип Пантелеевич. — Сейчас же иди сюда, стервец!

Юрик Радов остановился. Сердце его бешено колотилось.

Архип Пантелеевич налетел сзади, схватил племянника в охапку и потащил за груду битого кирпича, сваленную на дне оврага. Самому ему было удирать стыдно, поэтому он сделал вид, что спасает Юрика. Вид у Архипа Пантелеевича был бледный. Будешь бледным с непривычки при виде такой штуки. Юрик же с Зайцем на нее насмотрелись. И все же бомба сейчас была какая-то не такая, как всегда. Какая-то серьезная.

— Вернись! — кричал Архип Пантелеевич. — Я не буду вас бить! Я прощаю!

— Правда, Заяц, иди сюда! Ну ее, смотри, как раздымилась! — присоединился Юрик.

— Сейчас. Я с ней попрощаюсь только. Сегодня она взорвется. Видишь, как зловитись! Иши стерва! Из себя прямо выходит. Как она нас, вражина, ненавидит! На войне не удалось убивать, так она сейчас... Сегодня ей конец... И здесь станет очень чисто и сухо! А мы поедем к диким зверям!

И тут стало очень светло. Так светло, как никогда еще не было в жизни...

Борис ДАЮШЕВСКИЙ.
Фото Сергея ПЕТРУХИНА.

ЛЕГЕНДА О ШАСТКО

Теперь будем ездить в Кострому только зимой. Да притом постараемся подгадать так, чтобы путешествие пришлось на конец февраля, на последнее его воскресенье, когда по установившейся уже традиции Кострома—да что там Кострома!—все население области от мала до велика торжественно и весело отмечает смену времен года—проводит зиму и встречает весну.

С самого утра по улицам в сторону раскинувшегося на окраине города лесопарка едут кавалькадой—словно ладьи костромские плывут—разукрашенные автобусы и машины, собирают народ на праздник русской зимы.

Впереди колонны три былинных богатыря: Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алеша Попович—“млад со своей дружинушкой хоробрый”. А за ними—карнавальное шествие! Кого только тут нет: скоморохи-плясуны в разноцветных рубахах и кафтанах, в настоящих, по старинной костромской моде сделанных, лаптях, музыканты с рожками, барабанщиками и ложками, лешие и ведьмы во главе с Бабой-Ягой Костяной ногой, Змей Горыныч со зверем лесным, роженные всех мастей и званий...

Зазывалы, взобравшись на машины, громкими голосами выкрикивают, стираются:

Эй, народ разный,
сыль к нам на праздник!
Только надо торопиться,
а то без вас состоится!

Площади и улицы быстро заполняются костромичами, охочими к труду и веселыми в забавах, взрослыми и малыми, всеми, кто любит от души погулять—повеселиться. Даже заядлые домоседы не выдерживают, покидают свои квартиры и присоединяются к карнавальному шествию, которое медленно, но верно приближается к «Берендеевке»—центральной поляне парка, где должен происходить праздник.

«Берендеевка»—идеальное для народных гуляний место. На огромной площади среди могучих вечнозеленых елей выросло настоящее «Берендеево царство», точь-в-точь как в сказке А. Н. Островского «Снегурочка»: дворцы, избы, резные башни и вышки—все деревянное, с причудливо раскрашенной резьбой. Так и кажется, что вот сейчас выйдет из своего дворца царь Берендей, взмахнет рукой, и, повинувшись его приказу, появятся на поляне персонажи «весенней сказки»—Снегурочка, Весна-Красна, Мизгири, Лель со своей свирелькой, берендеи...

Так оно скоро и будет, а пока карнавальное шествие только приближается к «Берендеевке». Народу кругом уже видимо-невидимо, а гости все прибывают и прибывают. Идут костромичи в свой парк, идут ради веселья и общения, чтобы проводить зиму и встретить долгожданную весну. Они, конечно, знают и о том, какие к сегодняшнему празднику приложатся забавы и удовольствия...

Казалось бы, зима на дворе, а посмотришь окрест, и не верится: такое разнообразие цвета—красный, малиновый,

оказался под угрозой срыва. В штабе праздника думали-гадали: как-то завтра, не сыграет ли зимушка снова свою злую шутку, не разыграется ли так, что люди и на улицу-то не захотят показаться? В кабинете директора парка Е. Г. Есиной то и дело раздавались телефонные звонки, горожане спрашивали: «Будет ли праздник?» И Екатерина Гавриловна, главный инициатор и организатор подобных народных гуляний, на свой страх и риск отвечала всем: «Будет, непременно будет! При любой погоде!» А сама больше всего беспокоилась за своих артистов да за их костюмы: как-то они будут выглядеть, если снег так и не прекратится? Только скажилась зима, подарила напоследок дней своих погодку что надо: ни ветерок не пролетел, ни снежинки не упали, а солнце, праздничное и глазастое, палило так, что тепло от его весенних лучей пошло по всему парку...

И вот, наконец, зазвучало, расцвело само действие-представление.

И впрямь, как в сказке, склоняется крылечку дворца царь Берендей, приглашает народ честной на праздник. На высокой эстраде начинается театрализованное представление «Прощай, зимушка-зима!». Льется со сцены народная песня, и не успевает стихнуть последний ее аккорд, как взвиваются в огневом танце добры молодцы, а вслед за ними затейники потешают гостей шутками да прибаутками. Контакт с публикой идеальный: все, что происходит на сцене, тут же комментируется зрительскими репликами—смешными и веселыми, а стоило только ведущему объявить, что зрители приглашаются участвовать в конкурсе на самого сме-

лого и ловкого, как на деревянный помост буквально повалили желающие проявить свою удачу и получить в награду приз—миниатюрный тульский самовар.

Но это пока всего лишь пролог, разминка перед началом большого и веселого народного балагана. Из динамиков несется:

Взлетает песня птицей в поднебесье,
Веселый ветер вдаль ее несет...
Скорей сюда! В кругу всем хватит места,
Мы вас зовем в наш дружный хоровод.

А народ и звать не надо. Грязнула задорная плясовая, и люди сами включаются в веселый танец, вовлеченные и пощипывающим нос да щеки морозцем, и общим весельем, и радостью. Пустились в присядку и Баба-Яга с царем Берендеем, и девушки-веснянки с лешими под ручку, и ребятишки, и старики не удержались, закружились в общем хороводе по поляне. Те, кто в толпе остался, вытягивают шеи, смотрят—не наплюются на плясунов, сами на месте пританцовывают, ладонями прихлопывают. А молодежь-то расходилась:

Ну-ка, ряженый народ,
громче, громче хлопай,
Кострома плясать идет,
в тakt гармони топай.

Игрово выделяют лихие коленца кадрили скоморохи. Задиристо дробью каблучков проходят перед парнями разодетые в расшитые сарафаны, укрытые кружевными, нарядными шальми девчата. Разумянились от бурного танца, скоморошница, разъезжают под разу-

далую музыку, несущуюся по всей «Берендеевке».

А на затинном поле игрища разгулялись! Вот уж где и погреться можно и силушку показать! Парни в азарт вошли—бьются на «кулачках», а рядом, где канат перетягивают,—там и девчата участвуют. Ну, а зрители волнуются, болеют за «своих», подзадоривают.

Малыши про своих пап и мам позабыли, катаются с горок, кувыркаются, а кто постарше—штурмуют снежные городки-крепости. Уж такое гулянье развернулось, что и не поспеешь всюду. И царит кругом какая-то особая атмосфера радостной приподнятости, взбудораженности, русской лихости...

«Гвоздем» праздника стал традиционный номер, который, оказывается, существовал еще в Древнем Риме,—скижение на костре соломенного чучела Зимы. Затрещала, заполыхала солома, миг—и нет Зимы. Но не было на лицах людей грусти оттого, что уходит зима с ее морозными, светлыми днями, а только радость, потому что вступает в свои права неповторимая пора «весны таинственной и нежной».

Солнце все выше и выше карабкается на небо, царь Берендей представляется народу Весне-Красне, и праздник завершается. И кажется, что пришли все эти персонажи праздника из подлинной истории торговых волжских городов, где наряду с купчихами и приказчиками жили вольной жизнью веселые скоморохи, мальчики-удальцы, девицы-красавицы да музыканты, пришли из чудесной берендеевой страны на зимний праздник, чтобы громко спеть прекрасную песнь о великой силе русского народа, его поэтичной и широкой душе.

БЕРЕНДЕЙ И СНЕГУРОЧКА
ПРИВЕТСТВУЮТ
УЧАСТИКОВ ПРАЗДНИКА.

КУДА НИ КИНЬ ВЗОР—
ВСЮДУ ПЛЯСКИ, ИГРЫ,
ВЕСЕЛЬЕ ЗАБАВЫ.

золотой, синий, желтый,—будто все краски природы сошлись здесь вместе и расцветили зимний лес.

Сторицей отблагодарила погода всех, кто пришел в этот день в «Берендеевку». А ведь накануне день выдался холодный, неуютный. Зима напоследок, видно, решила «насолить» костромичам и вывалила на город столько снега, что его и на месяц бы хватило. Праздник

ПРОШУ СЛОВА!

«НЕУЖЕЛИ ВСЕ ПОТЕРЯНО?»

Дорогая «Смена»!

Признаюсь, я не постоянная читательница вашего журнала, но вот недавно увидела номер, в котором напечатаны статьи о любви, браке, семье, и очень захотелось написать.

После окончания финансового института я уехала по распределению в далекий сибирский город. Там познакомилась с очень хорошим, добрым человеком, который вскоре стал моим мужем. Там же родилась наша дочка Иринка — ей сейчас уже десятый год.

Все это время я считала, что счастливее меня на всем белом свете нет женщины. Со стороны мужа я всегда и во всем чувствовала поддержку, мы были с ним как бы одно целое.

Если он возвращался с работы пораньше, для нас с дочкой это были самые радостные и счастливые часы.

Для меня он был самым умным, самым красивым, самым ярким человеком на свете. Да и я в его глазах — я это знаю точно — была такой же.

За одиннадцать лет совместной жизни у нас не было ни скор, ни осложнений. Наша любовь напоминала сказку. Только сказки люди выдумывают, а у нас все было по-настоящему. Разве забуду я день, когда мне исполнилось 30 лет? В этот день муж подарил мне огромный букет алых гвоздик. Стояла ранняя весна, и я была без ума от счастья, от чувства благодарности, которые меня переполняли. В доме у нас был настоящий праздник.

А год назад произошло непоправимое. Мне, как всегда, дали отпуск летом, а ему нет, потому что трест, где он работает, должен был сдавать срочно какой-то объект. Чтобы не оставлять его одного, мы с Иринкой решили провести этот отпуск дома, никак не уезжать, хотя муж и противился нашему решению. А осенью за хорошую работу ему дали путевку в дом отдыха в Закарпатье. Впервые за 11 лет он уехал в отпуск один. Весь месяц, что его не было дома, я не находила себе места, и если бы не Иринка, которой надо было ходить в школу, я, наверное, все бросила бы и уехала к нему, так я скучала.

Прошел месяц, как муж вернулся из отпуска, и вот однажды я решила отнести летние вещи в химчистку. Естественно, заглянула в карманы его костюма и в одном среди каких-то справок о здоровье и прочих бумажек обнаружила письмо. Моему мужу писала какая-то незнакомая мне женщина. Я стала читать и не верила, что строчки эти вижу наяву: настолько тонкие и глубоко личные чувства связывали эту женщину с моим мужем.

Не буду описывать то, как происходило «выяснение отношений». Хотя муж и клялся мне, что это обычное, ни к чему его не обязывающее отпускное знакомство, я поняла, что должна уйти, скрепя сердце, покрыв все и сохранив только свое собственное достоинство. Не знаю, как поступила бы на моем месте другая женщина, но я поступила именно так.

Вот уже год, как мы не живем вместе. Ни он, ни я не делаем никаких попыток как-то поправить положение, хотя я и знаю, что он не женат. И все-таки что-то заставляет меня терпеть эту пытку.

Сейчас мне остается только одно: утешаться тем, что он иногда звонит нам по телефону и интересуется здоровьем и делами Иринки. Звонит, правда, все реже и реже, и я с ужасом ожидаю того момента, когда он вообще забудет наш номер. Что будет тогда со мной? Не знаю. Со страхом думаю об этом.

Дорогая «Смена», я, конечно, прекрасно понимаю, что глупо в моем положении просить помощи от посторонних людей. И я написала вам не поэтому. Просто мне непонятно, откуда в мужчинах такая жестокость и как можно так просто втотать в грязь самое дорогое — любовь, преданность, верность жены? А как хочется услышать и поверить в то, что и у меня еще не все потеряно для счастья и личной жизни...

R. S. Не знаю, будет ли опубликовано мое письмо, да это и не так важно, хотя очень хотелось бы знать мнение людей о нашей семье и нашем несчастье.

С уважением

Людмила Н., бухгалтер, Псковская обл.

«ЗА СЧАСТЬЕ БУДУ БОРОТЬСЯ!»

Уважаемая редакция!

Я никогда еще не писал писем в журналы, но сегодня у меня такое душевное состояние, что я должен обязательно с кем-то поделиться своим горем.

Понимаете, уж слишком часто приходится слышать, как молодые ребята и даже девушки, встречаясь в компаниях, толкуют о том, что, мол, сейчас нет ни настоящей любви, ни верности слову, долгу и что спутника жизни надо выбирать по расчету. Меня всегда коробят от таких утверждений, потому что произносятся они — я в этом уверен — людьми, никогда не любившими по-настоящему и не любимыми другими.

Хотя я еще не женат, но, как мне кажется, имею право на то, чтобы сказать всем: «Любовь — настоящая, искренняя, без оглядки на обстоятельства и достаток — есть!»

Мне сейчас 26 лет, работаю в типографии слесарем-наладчиком 6-го разряда. С моей Ниной я встретился давно, еще когда мы учились на третьем курсе полиграфического техникума. Жили в общежитии, часто ходили вместе в кино, на стадион, просиживали часами в парке. Чем дольше мы встречались, тем более я понимал, что Нина — это именно тот человек, которого я могу полюбить по-настоящему. И когда я однажды признался ей в своих чувствах, она улыбаясь и плача одновременно, сказала, что тоже любит меня. Я предложил сразу же подать заявление в загс, но потом мы вместе решили, что зарегистрируемся, как только окончим техникум. Как я теперь жалею, что не настояща тогда на своем! Может быть, сейчас бы у нас с Ниной все было по-другому...

Нам осталось до окончания учебы всего два месяца, когда Нина получила письмо от матери, которая писала, что очень тяжело больна, и просила Нину приехать. Конечно, Нина взяла академический отпуск и поехала, ведь, кроме нее, у матери никого не было.

«Семья находится под защитой государства. Брак основывается на добровольном согласии женщины и мужчины; супруги полностью равноправны в семейных отношениях» — эти строки из 53-й статьи новой Советской Конституции вызвали полное и единодушное одобрение и взрослых и юных граждан страны. И это вполне естественно: ведь в них заключены огромная забота и постоянное внимание, которые советское общество уделяет вопросам семьи и личного счастья людей.

Нравственная зрелость, высокий уровень культуры чувств и отношений, супружеская верность — вот та моральная основа, на которой строится советская семья. Но, к сожалению, многим молодым супругам оказывается не под силу преодоление тех трудностей, которые подчас встречаются на их пути. И тогда он и она, которые еще совсем недавно так любили друг друга, готовы пойти на разрыв. И часто, увы, очень часто идут на него. Поспешно, не подумав, не взвесив последствий. Потому что их никто и никогда не учил беречь любовь. Не внушил, как это не просто — любить.

Сохранить же семью не как формальный союз, а как источник радости и счастья — большое искусство. И зависит оно от нас самих. Об этом, думается, и два письма, которые мы публикуем сегодня под рубрикой «Прошу слова!».

У меня же получилось так: я окончил техникум и был призван в армию. Два года мы не виделись с Ниной, только переписывались. Но я знал, что моя Нина по-прежнему любит меня, думает обо мне, и это придавало мне силы.

Когда подошло время демобилизации и я прощался с товарищами, с которыми прошел военную службу, каждый спрашивал: «Ты куда едешь?» И я всегда отвечал: «Еду за счастьем». Потому что знал, что меня ждет моя Нина, ждет с нетерпением, с радостью. И я вправду ехал за счастьем.

Вот тут-то на нас и обрушилась беда. Нина работала линотиписткой в типографии. Работа интересная, но для девушки все-таки тяжелая. Однажды ей в глаза попал свинец. Врач сделал все возможное, чтобы спасти зрение. И все поначалу было хорошо. Но потом Нина стала замечать, что глаза все чаще и чаще слезятся, зрение ухудшилось, и притом значительно. Когда спохватилась, оказалось, болезнь уже настолько прогрессировала, что надо немедленно ложиться в больницу и делать операцию. А ведь мы уже строили планы на будущее. Представляете, вместо свадьбы — больница.

Нина сделали операцию, и когда она почувствовала себя лучше, врачи посоветовали ей поехать в санаторий, где лечат болезни глаз. Такой санаторий есть под Ленинградом. Снова разлука. Так в течение целого года большую часть времени мы были далеко друг от друга. В типографии, где я работаю, много молодежи, девушек, и некоторые даже недовольно намекают на то, чтобы я забыл Нину, мою Нину. А разве могу я ее забыть, если люблю и знаю, что ей сейчас очень плохо без меня?

Недавно я ездил к Нине, несколько дней мы были вместе, и я снова предложил ей зарегистрировать наш брак. Но она опять сказала, что надо подождать, потому что неизвестно, будет ли она теперь здоровым человеком. Я знаю, что она говорит так не потому, что не любит меня. Нет, в наших чувствах друг к другу и в наших отношениях ничего не изменилось. Но Нина, как мне кажется, после своей болезни живет во власти самоотречения и думает, что моя любовь к ней углегасла и что я просто жалею ее. Мне же хочется только одного: чтобы Нина стала моей женой и чтобы у нас была семья. Знаете, с какой завистью я смотрю на чужие семьи, на чужих детей...

Зачем я все это вам рассказываю? Не знаю. Но как представляю, что с Ниной может что-то случиться и что она посчитает себя не вправе принять мою любовь, мою помощь и заботу, так мир становится пустым, страх и боль пронзают всего. Нет, что бы ни случилось, она всю жизнь будет мной...

С уважением
ЧУМАКОВ Павел,
Белорусская ССР.

ОТ РЕДАКЦИИ. Два письма, две человеческие истории. Два рассказа об одном из самых важных человеческих качеств — верности, преданности в любви. Публикую эти письма, мы надеемся, что читатели не останутся равнодушными к судьбам их авторов и помогут им своим добрым советом и поддержкой. Ждем ваших писем, товарищи!

**Конкурс
одного
стихотворения**

ПОЮ МОЕ ОТЕЧЕСТВО

В начале этого года редакция журнала «Смена» объявила конкурс одного стихотворения — «Пою мое Отечество», посвященный 60-летию ВЛКСМ. Мы еще раз обращаемся ко всем пишущим стихи (не членам Союза писателей) с предложением принять участие в этом конкурсе.

Пишите обо всем, что живо волнует вас: о комсомольцах разных поколений, вписавших своими боевыми и трудовыми подвигами славные традиции в летопись Ленинского комсомола; о ваших трудовых успехах и держаниях; о романтике повседневного поиска, который открывает перед вами все новые и новые творческие горизонты; о замечательных людях, которые вас окружают; о красоте родной земли.

Пусть жизнь нашего народа, нашей молодежи, кицучая, многогранная, наполненная геройкой трудовых свершений, послужит той основой, на которой возникнут ваши стихи.

В письмах с пометкой «На конкурс одного стихотворения» должны быть указаны фамилия, имя, отчество автора, возраст, профессия, домашний адрес. Напоминаем, что присыпать вы должны только одно стихотворение.

Лучшие стихи мы опубликujemy на страницах журнала. Победители конкурса, итоги которого жюри подведет в июне 1978 года, будут награждены почетными дипломами и премией журнала «Смена».

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Анатолий АНСИМОВ,
гидротехник,
Ростов

Опустевшая голубятня

Что ушло — не вернешь обратно.
А вернешь, много ли толку в нем?..
Опустевшая голубятня
смотрит снизу на новый дом.
Ах, какие голуби были!
В ярко-алом свете зари
плыли — белые и рябые,
плыли — дутыши и сизари.
Под разбойничий посвист в небо
целый город с улыбкой глядел.
Голубятником тот лишь не был,
кто красы ценить не умел.
Гуля, гуля... Сего дня гуля
в голубятне гнезда не вьет.
Вместо голубя в небе с гулом
танет белый шлейф самолет.
Да, от века куда же скрыться?..
И, покорны новой судьбе,
по асфальту гуляют птицы,
чуть похожие на голубей.

Алексей ЗОТИКОВ,
учащийся,
Киев

Капелька

Закат приходит мягко и внезапно,
И наступает звездная пора,
Когда не спят лишь двое — я и капля,
Дрожащая на кончике пера.
Тогда меж временами я посыпник.
А капелька зовет меня, звена,
К цветам степным, единственным, последним,
Которые завянут без меня.
Слились в нее находки и утраты,
Минувшего соцветные слои,
Все прежние восходы и закаты,
Все прежние сомнения мои...

Раиса КОЛМАКОВА,
агроном,
Московская область

Сны

Ива — сизая в зимний день.
Туча — сизая в зимний день.
Сизый конь из протоки пьет,
А водица, как сизый мед.
Дали — сизые, в серебре.
Так положено в декабре.

В землю камень надгробный вбит.
А под камнем армеец спит.
По-солдатски он стрижен-брит.
Трижды лет беспорудно спит.
Спит армеец. И видит сны.
Только сны, как пожар, красны:
Ива — красная в зимний день,
Туча — красная в зимний день,
Пьет из Нары багровый конь,
И протока — живой огонь...

Только дали — черным-черны,
Почернели от долгой войны.

Вячеслав САФРОНОВ,
крановщик,
поселок Мезиновский
Владимирской области

Какое утро! Даль чиста,
Ни облака на небе ясном.
Все в жизни просто и прекрасно —
Роднят полет и высота.
Но, отрываясь от земли,
Не забывай — ты юно вскормлен.
Внизу оставшиеся корни
Хранят мгновения и дни.
А твой полет — всего звено.
Соедини в едином звенья.
Жизнь — и полеты и паденья,
Другого выбрать не дано.

Ирина НАБИЕВА,
учительница школы
рабочей молодежи,
Москва

Какая музыка и в пении берез,
И в споре птиц, и в фейерверке гроз...
Какая музыка и в звонком зимнем дне
И в царственной осенней тишине...
И в какофонии буранов и дождей,
И в пляске судеб и людских страстей.
Я неумолчный оркестровый слышу хор,
В котором сплетены мажор, минор...
Они звучат в душе на сотни голосов,
Как звук жизни и как вечный зов...
И каждый человек — миниатюра,
Природой созданная партитура...

Алена АНТОНОВА,
художник,
Симферополь

Графический рисунок

Ничего не надо,
только
лист туманного рассвета,
на котором тонко-тонко
очертанья верхних веток,

а чуть ниже — ствол березы.
Береста на нем темела.
Весь в коричневых бороздках
и грибах.

И я хотела
вороблев просыпать стайку
с крыши старенькой конюшни,
из которой — тоже старый —
выйдет конюх, улыбнувшись.

И чтоб каркали спросонок
две вороны на ограде.
С днем рождения, жеребенок!
Больше ничего не надо...

Александр РАДКОВСКИЙ,
проводник,
Московская область

Еще одна затяжка сиреневым дымком...
...еще одна затяжка... еще одна затяжка...
И кажется, что с болью почти что не знаком,
что дух почти спокоен, что жить совсем не тяжко.
И просветлела память, и стало острее слух...
И на мосток взбегает песчаная аллея.
И листья осыпаются, и обнажился сук,
и небо проясняется, среди ветвей синея.
Стучат по доскам воды прозрачного ставка.
И тополь поднял ветку, прислушиваясь к стуку.
И руку согревает горячая рука,
и нет в душе боязни, что ты отпустишь руку.
Мне кажется, что долго еще пробродим тут,
что нам дана под осень такая вот поблажка...
А дети на пригорке сухие листья жгут...
...еще одна затяжка...
...еще одна затяжка...

Леонид МАНЗУРКИН,
инженер,
Куйбышев

Журавлиные трубы

Кто,
зачем их придумали —
журавлиные трубы?..
Жил товарищ утромый,
тощий,
злой,
тонкогубый.
В доме — стильная мебель,
показатель комфорта.
В окнах доиста небо
влажной тряпкой протерто.
Даже солнце с востока
очень точно вставало.
Отработав,
спокойно
до утра пропадало!..
Но однажды, с работы
возвращаясь нормально,
человек мимоходом
в сад забрел машинально:
мокрой вишненки запах,
и черемуха — в губы,
и внезапно,
внезапно
в небе грянули трубы!..
И сверкнула тропинка
в море буйного хлеба
от домашнего,
синькой
подсолнечного неба...
Бродит парень по свету —
озорной,
белозубый...
Вот что делают
эти журавлиные трубы.

Виктор КОБИССКИЙ,
журналист,
с. Акша, Читинская область

Каменная книга

Как братья, горы вышли нам навстречу
в тяжелых шапках синих ледников.
Стоят, расправив каменные плечи,
ровесники промчавшихся веков.
«Молчит, как камень», — говорят порою.
Но у науки ключик к тайнам есть,
давайте вместе книгу промотрем
и попытаемся ее прочесть.
Увидим мы косой рисунок складки
и сложное сплетенье рудных жил.
Среди пластов —
как средь страниц закладки —
найдем мы древних листьев отпечатки,
где лес когда-то допотопный был.
И взорам нашим в предрассветной хмары

представятся картины дней былых:
чешуйчатые ветви сигиллярий
смыкаются над тишиной вод гнилых,
вода черна, течение лениво,
низки и топки речек берега,
у мелководья сонного залива
ждет стегозавр достойного врага,
и птеродактиль, словно черт хвостатый,
в закатном небе вычертит зигзаг,
и слышны грома тяжкие раскаты,
но то вулкан, а вовсе не гроза...
Стоят, расправив великаны плечи,
сверкая ледниками в облаках,
седые горы. И про юрский вечер
читаем мы на каменных листах.

До чего неистребима в человеке тяга к необычному! Еду в Тулу. Соед по купе, узнав, куда и зачем, с ходу начинает рассказывать полулегенду такого вот содержания.

Однажды Петр I, возвращаясь из Азовского похода, заехал в Тулу. На тамошнем базаре в ремесленных рядах царь хотел найти мастера, который бы взялся починить поврежденный в бою пистолль английской работы. Повстречался царю там наказистый такой мужичонка, повертел в руках заморскую вещицу.

— Будет сделано,—говорит и потрясся в топле.

Прошло, может быть, дня два или три. Царь уже беспокоиться начал: не пропала бы ценная штука, жалко. А тут как раз возмы и объяснив тот самый мужичок. Осмотрел Петр пистолль, пощелкал, пощелкал, остался доволен:

— Не оплошай ты, братец, против искусства английских оружейников: работают их листоль не хуже прежнего...

— Да вовсе и не их это вещица-то, царь-батюшка. Сам я сподобился ее сделать.

Посмотрел Петр внимательнее — и правда: другой это пистолет. Точь-в-точь английский, но другой.

Репортаж об интересном

Леонид ПЛЕШАКОВ.

Фото Сергея НИКОЛАЕВА.

Специальные корреспонденты «Смены».

ТУЛЬСКИЕ

НА СТЕНДАХ МУЗЕЯ
НЕМАЛО ЭКСПОНАТОВ,
О КОТОРЫХ ХОЧЕТСЯ СКАЗАТЬ:
ШЕДЕВРЫ.

И решил он тогда: раз в Туле есть такие мастера, построю-ка тут оружейный завод. В честь этого события в городе даже памятник Петру I поставили.

Подобная история,—возврашаю я,—произошла не с Петром I, а с генералом Платовым. Ее Лесков в «Левше» описал.

— В «Левше» блоху подковали, а тут все дело в пистолете...

Еще раньше я убедился: спорить на эту тему бесполезно. Стоило только кому из знакомых услышать о Туле, как сразу начинились вариации на тему о «Левше», подкованных блохах и сданных в ремонт английских пистолетах. Всякий раз новые детали, новые имена. Выходило, что тульские мастеровые только тем и занимались, что поджидали именитых гостей со сломанным оружием и механическими насекомыми. Первое подменяли своим, более совершенным, а вторые обували в стальные лапти с именными клеймами.

Легенды легендами, но на чем-то они должны основываться. В Тульском музее оружия я, кажется, нашел ответ. Среди множества выставленных там старинных фузей и современных ружей, скорострельных автоматов и миниатюрных (просто игрушечных, но по-настоящему стреляющих) винтовок есть

там такие экспонаты, что останавливают около себя даже в принципе равнодушных к оружию людей.

За стеклом — винтовка системы Бардана. На ней тончайшая рисунка словесная вязь о том, что 9 мая 1887 года императрица Мария Федоровна «съзволила» сделать на ее стволе оттиск с названием завода.

— Просто нажал она на педаль пресса, и тот оставил клеймо на стволе,—поясняет директор музея Гавриил Михайлович Чуднов.—А уж после к этому клейму приделали все ружье.

«Придельчев» мастер М. И. Степанов. И ушло на это три года работы. Все металлические части покрыл тонкой золотой чеканкой. Деревянные — паркетной инкрустацией. Ее затейливый орнамент так изящен, что невольно хочется сравнять с кружевом. Время поистерло в памяти истории имена многих царей и цариц. А вот дело рук мастера осталось, оно пришло к нам

через десятилетия и столетия, будет жить и после нас, рассказывая потомкам, на что способен человек...

...Слушая Валентина Ивановича Захарова, заместителя главного конструктора завода, я все время ловил себя на мысли: время старых мастеров прошло.

Валентин Иванович называл интересные цифры. Сейчас, например, знаменные «тульки» мы продаем в 57 стран, в том числе Канаду, Францию, Австралию, Финляндию.

Американские специалисты, люди, досягшие до всякого рода подсчетов, на основе потребительских запросов вычислили некое абстрактное, нигде и никем еще не изготовленное ружье, которое отвечало бы сразу всем требованиям покупателей. Вообще-то такого ружья не может быть, так как претензии к нему порой противоречивы и взаимоисключающие друг друга. Так вот, тульское «МЦ-21-12», согласно подсчетам американцев, по своим качествам и

ВОЗМОЖНО, С «ПРАДЕДА»
ЭТОГО ПИСТОЛЕТА
И ПОШЛА ЛЕГЕНДА
О ПЕТРЕ I
И ТУЛЬСКОМ УМЕЛЬЦЕ.

ХОРОШЕЕ РУЖЬЕ—
ПРЕЖДЕ ВСЕГО
КРОПОТЛИВЫЙ ТРУД.

НА ЭТУ РАБОТУ УШЛО ТРИ ГОДА ЖИЗНИ.

СТВОЛЫ

потребительским свойствам достигло уровня 95 процентов, в модель знаменитой итальянской фирмы «Беретта»—только 70, и добиться этого было совсем непросто.

Как и любое современное производство, изготовление ружей расчленено на множество операций, теперь ружье делает не один мастер, а целый коллектив рабочих, где каждый отвечает за свою операцию. В ружейном деле принято выделять такие профессии: стволщик, слесарь-сборщик, осадчик, гравер. Понятно, что изделие высокого качества получится только в том случае, если каждый работник в этой длинной производственной цепочке сделает свою часть работы на высоком уровне. Истина не новая.

Но это только одна сторона дела. Надежность и абсолютная безопасность, как всегда, основное требование. И новинке многое приходится испытывать. Будут тут и температурные перепады от

плюс 50 и до минус 50 градусов, и падения с пятнадцатиметровой высоты (проверяют, не сработает ли механизм от удара), и обязательные пятнадцать тысяч выстрелов, которые покажут выносливость ружья... Будет еще многое, что соответствует рекомендациям науки и требованиям современного производства.

Но безопасность и добротность, гарантированные работой многих, казалось, все дальше уводят от искусства отдельной личности, от таланта мастера-уникума, индивидуальность которого в общем-то должна раствориться в труде его товарищ, связанных с ним одной производственной цепочкой.

Валентин Иванович согласен не полностью. Сейчас, говорит, мастерство Левши разбито по профессиям. Пусть он не делает все от первого винтика до последнего, но на своей операции он может быть мастером-виртуозом, и его индивидуальность скажется на всем из-

делии. Оригинальное решение—что это? Работа рук или мысли? А опыт? И он рассказывает историю одного изобретения.

Охотниче и спортивное оружие сейчас уже настолько отработано, что внести какое-то оригинальное решение практически невозможно. И все-таки. В 1954 году мастер спорта П. Шептарский создал самозарядный малокалиберный пистолет для скоростной стрельбы по силузтам. Принципиально новым в конструкции было то, что ствол пистолета был расположен на уровне среднего пальца вытянутой руки. Это практически исключало «опрокидывающий момент» во время выстрела. Со своим образцом Шептарский обратился на завод, и тут группа конструкторов и слесарей-умельцев разработала замечательный пистолет «МЦ-3 Рекорд». Конструкция пистолета и его регулировка были отработаны настолько остроумно и с таким знанием дела, что исключалась возможность промаха. Конструктор-оружейник, Герой Социалистического Труда Иван Михайлович Лихачев, или, как его любовно зовут на заводе, дядя Баня, назвал «Рекорд» на оружии, а прибором для точной стрельбы. И правда, на международных соревнованиях в Будапеште в 1956 году, в канун Мельбурнской олимпиады, советский

его за работой, честно говоря, не сразу как-то и поверил, тот ли это самый Щербино. Стереотип представления о мастере рисовал этакого пожилого мудреца, у которого все особое, и осанка, и взгляд, и движения рук. А тут в тесноватой комнате—верстачок к верстачку—он ничем особенным не выделялся среди своих товарищей: ни возрастом, ни поведением, ни рабочим мастером. Может быть, это объяснялось еще и тем, что и остальные тут были спасами высшей квалификации. Острой стамбской он разрез бороздку на ларце орехового дерева. Бороздка как-то легко и споро бежала по намеченному ранее рисунку, а потому вся работа казалась простой и легкой. Я спросил Щербино, что будет дальше.

— Инкрустация серебром,—сказал он.

И, как бы предупреждая мой следующий вопрос, прокатал кусок серебряной проволоки в крошечных ручных вальцах и, когда она из круглой сделала плоской, стал аккуратно вгонять эту проволоку молоточком в бороздки. И побежали по ореховой крышки серебряные стебельки, лепесточки, завитки. Мастер молчал, за него говорили и объясняли его руки, неторопливые, но какие-то удивительно точные и спортивные.

А знаете, что больше всего поразило меня? Как говорили о Щербино его товарищи.

Евгению Глинскому 30 лет, Ивану Васильевичу—42, но кажется гораздо моложе. Так что выглядят они почти сварщиками. Да и давно работают бок о бок. Но Глинский даже в разговоре со мной говорил «Иван Васильевич» с каким-то особым почтением. И дело, пожалуй, не только и не столько в том, что ученик говорил об учителе.

Анатолий Петрович Хруслов—начальник лаборатории, где работают граверы-художники, и на своем веку мастера этого тонкого дела, надо полагать, повидал. Так вот и он говорит «Иван Васильевич» с большим уважением. Из каких-то потаенных мест он приносит большую плоскую деревянную шкатулку с инкрустацией. Осторожно открывая, говорит:

— Посмотрите... Внешторговцы предлагали заводу большие деньги, хотели продать на экспорт... Но мы устояли. Жалко такую вещь...

На зеленом сукне лежало охотниче ружье. Но, странное дело, видишь не ложе, сменные стволы, набор ножей. Видишь работу. Тончайшую гравировку, насечку, инкрустацию, затейливый орнамент, обрамляющий картинки.

— Это Иван Васильевич сделал,—говорит Хруслов и осторожно, будто боится прикоснением рук повредить сталь, собирает ружье.

А сам Иван Васильевич в это время все тюкал в углу молоточком по разду, и по ореху бежала тонкая бороздка...

СВОРОД ЧЕРНОГОВА!

ПОВЕСТЬ

18. Инспектор Станислав Тихонов

Дождь утомился. Мелкая водяная пыль еще оседала на стеклах, но небо просветлело, плотный его панцирь над головой растянулся в блеклого-голубые, выцветшие полосы, а далеко на западе, где-то за Филиами, над Кунцевом, из-под чугунного бельма туч вынырнул воспаленный глаз солнца.

Я сидел сзади, в углу машины, курил сигарету, глазел в окно и думал о Рите, о себе, о Кате — благо, она доверительно мне сообщила сейчас по радио, что в этом году в здравницах Кисловодска отдохнула и вылечилась четверть миллиона трудящихся, что содорогенерационная установка на Амурском целлюлозном комбинате выдала первую продукцию, и пообещала вперед все промышленные стоки бакинского завода «Нефтегаз» очищать мощной установкой, вступившей сегодня в строй, а также заверила, что благодаря созданной направленным взрывом грандиозной плотине Алма-Ате не грозят больше селевые потоки с гор...

Хорошо бы не взорвался на стройке снаряд, пока мы едем.

Мы с Катей живем в разных масштабах. У нее все события общегосударственные или мировые, меня за них не видать. Иногда мне кажется, что Катя так заворожена величием фактов, о которых она говорит в микрофон, что у нее не хватает внимания к той обыденности, что заполняет нашу с ней жизнь вне работы.

— А я думаю, что не так! — напористо говорил что-то Задираха. — Настоящий сыщик везде чувствует себя как дома!

— Да-а? — ухмылялся Скуратов. — Может быть. Только я думаю, что главное не в этом. Настоящий сыщик — человек с повышенным вниманием к другим людям...

Н-да, вот такие пироги. Сегодня какой-то день, на другие непохожий. Не по составу происшествий — всегда во все дежурства происходят события похожие, вариации очень незначительны. Может быть, из-за присутствия Риты? Ведь и я сегодня сам не свой — будто на экзамене, будто сам себя проверяю: как прожил эти годы, чему научился, чего я стою.

Продолжение. Начало в №№ 1—4.

Братья ВАЙНЕРЫ

Моя милка — как машинка,
Состоит из трех частей —
Карбюратор, радиатор
И коробка скоростей.

Глухо шумели баллоны по мостовой, шоркали на трещинах асфальта, шипели по лужам. Красный блеск солнца полоснул по окнам домов и нырнулся испуганно в тучи. Трещали, монотонно бубнили голоса в динамике радио. Халецкий о чем-то рассказывал Скуратову:

— ...Гиксосы принесли военную лошадь, колеса боевой повозки и сталь мечей. И понеслась, покатилась история...

А Юра Одинцов объяснял Рите:

— ...Для собачек соревнования проводятся по тысячебалльной системе. Собачки-чемпионы по 980—990 очков набирают. Но на обычной работе они поуже. Суэта, успех, многолюдство вокруг их портят...

Скуратов:

— ...Женщинам любой неудачник кажется дураком...

Рита:

— ...Человек с собакой на поводке — система с обратной связью...

Так и въехали на стройку — горы песка, котлован, лабиринт железобетонных плит и конструкций. Сбоку, у ограды густо разросшегося палисадника, одиночная фигура участкового с неизменной планшеткой-«лентяйкой» в руках. Махнул планшеткой на кучку яично-желтого рассыпчатого песка:

— Вот он, голубчик...

В песок полузылся тупорылый, очень ржавый снаряд — он похож на шелудивую, в парше и лишаях свинью.

— Эхо войны, — бодро откликнулся Задираха.

— А как вы его сыскали? — спросил я.

— Да вон красавец отчился. — Участковый показал на работающий экскаватор. Водитель, громадный парень с толстой ватной спиной, заметив всеобщее внимание к своей персоне, резко раскрутил свою горбатую машину на одном траке — так что нам стало и не видать его из-за капота экскаватора, и с ревом, визгом, треском приился выгрызать ковшом из грунта новую гору песка.

— Эй, Семериков! Семери-и-ков! — заорал участковый и, чтобы не оставить никаких сомнений, произительно засвистел в свисток.

Экскаваторщик с размаху воткнул ковш в землю, выключил мотор, спрыгнул и подошел вразвалку, отирая руки масленой паклей.

— Вот тоже, жестяные соловьи на мою голову! — сказал сердито. — Ну, чего, спрашивается, шум поднимать?

— Чего-о? Ты, Семериков, доложи лучше начальству про свои подвиги! — грозно морщил белесые бровки на румяном лице участковый.

Парень досадливо махнул рукой:

— А-а, день пропал!..

— А что такое случилось-то? — спросил Скуратов.

— То, что чуть-чуть не устроил нам всем веселую жизнь!

— Да бросьте вы, Василий Иваныч! — взвился Семериков. — Я ведь осторожно! Я же ас! Хотите, я вам ковшом с земли ваши часы подниму и вам же в ладонь положу? А уж такую-то дуру откатить — де-

лать нечего! Тем более, что взял я ее ласково, как дите малое...

— А технику безопасности знаешь? — сердито спросил участковый и повернулся к нам. — Ссыпал он грунт с ковша, а оттуда снаряд торчит. По инструкции обязан остановить работу, организовать охрану места обнаружения и срочно вызвать милицию! Экзамен сдавал? Инструкцию подписывал?

— Ну да! Вас вызовешь, весь участок оцепите, работе стоп! — захрипел от злости парень. — Пока суть да дело, поднял рабочего — кошке под хвост! А мы и так с планом горим. Мне интересу мало по среднесдельной отовариваться. И под дождичком припухать без дела нет охоты!

— Ты мне броши про план баки забивать, — спокойно сказал участковый, и в их перебранке мне слышалось что-то домашнее. — Ты про пятерку из заработка жалкуешь. А Нинку свою, а Сережку не жалко? Про тебя уж, дуролома, я и не говорю...

— Ладно, ты, Василий Иваныч, меня не жалей...

— Ну да, правильно! Кабы ты во время войны не титку мамкину тянул, а с мое в траншеях посыдел, ты бы знал — такая чушка танк раскалывает, как орех. Не то что твой железный костьль с мотором...

— А чего он сделал? — спросила участкового Рита.

— Чего-чего! Увидел снаряд, поддел его ковшом по-тихому и сюда отвез, за кустами бросил. Хорошо, жильцы увидели, мне сообщили. У-у, черт лохматый...

— Да ладно, Василий Иваныч, — слабо отругивался экскаваторщик. — Все одно вам бы сказал... Опосля смены...

— Короче, вопрос ясен, — подвел я итоги. — Обеспечить охрану места, пиротехники уже вызваны, прибудут минут через сорок...

— А с ним как? — кивнул участковый на парня.

— По всей строгости закона! — сурово отрезал я, и мы пошли к машине. Рита, пробираясь со мной по хабам, озабоченно спросила:

— А что ему полагается... по всей строгости?

— Товарищеский суд, — засмеялся я. — Надо будет сказать, чтобы начальник отделения представление написал: пусть им хоть учебный фильм покажут, чем такая лихость кончается...

Прыгнул в свой отсек Юнгар, нагулявшийся на свежем песке, захлопнул за собой дверь Юра Однинцов. Чинно уселся Халецкий, вырнулся на место Скуратова, толчком — с земли на высокое сиденье — бросил себя за руль Задирака, и сразу же басовито, коротко рявкнул мотор...

А я взял Риту за руку:

— Он ведь очень старый...

— Кто? — удивилась Рита.

— Снаряд! Мы еще не родились, когда он упал...

Лежал здесь столько лет, весь изоржавел, почти сгнил, но вся его злая сила была в нем. И все годы ждал...

— Слава богу, не убил никого!

— Ну да. — Было немного обидно, что Рита не понимает меня. — Помнишь, мы с тобой говорили о моей работе?

— Да, но ведь...

— Нет, нет, ничего... — Открыл дверцу, подсадил ее в машину и сказал, будто оправдывался: — Я

просто подумал, что ненаказанное зло — оно как такой снаряд...

Плавно раскачивая на выбоинах и ухабах свою двухосную колесницу, погнал наш гиксос сотню железных лошадей.

Скуратов протянул Рите горящую зажигалку и вежливо осведомился:

— Доктор, вы давно знаете Тихонова?

— Считайте, со школы. С десятого класса.

— Он и тогда любил под всякий пустяк подводить глубокие теории?

Рита усмехнулась:

— Не больше двух-трех в день...

Да, это было так. Рита сказала правду: меня и тогда занимала масса проблем, по-видимому, совершенно пустяковых, но казавшихся мне тогда невероятно важными. Жаль только, что Рита сейчас стала говорить об этом со Скуратовым.

Я даже прикусил губу от досады и сказал ему:

— Все-таки мне больше повезло в жизни, чем тебе...

— Позвольте полюбопытствовать? — открыто засмеялся Скуратов.

— Ты бы мог стать кем угодно, а я только сыщиком!

Скуратов пожал плечами:

— Сомнительное преимущество. Еще Козьма Прутков говорил, что специалист подобен флюсу — он односторонен.

— Вот этого ты и не можешь понять: у тебя специальность, а у меня — призвание.

— Призвание — ловить жуликов? Завидный выбор!

— Ты все перепутал, Скуратов! — со злой усмешкой, с ожесточением сказал я. — Ты когда выбирал специальность, может быть, и планировал жуликов ловить. А мое призвание — людей от них поберечь. И на таком деле — или весь выложись, или ты у нас не нужен.

В машине все замолчали, прислушиваясь к спору. Скуратов, глядя на меня исподлобья, сказал серьезно:

— Слушай, а ведь если бы тебе зарплату не давали, ты бы все равно никуда не ушел? А, Тихонов?

— Конечно! Я бы за харчи работал! А ты бы ушел! И я об этом не сильно жалею!

— Ну, скажи на милость, что ты так надрывашся? Неужели не понимаешь, что сейчас нужны другие критерии полезности? Сейчас другие времена, и твой азарт сильно отдает горлопанством!

— А почему ты решил, что времена другие? Сейчас что — избитому не больно? Ограбленному не страшно? Обманутому не стыдно? Обесчененному не горько?

— Но кривая преступности из года в год идет вниз. Это-то тебе известно?

— Известно. А всем остальным людям — нет. Обыкновенным людям. Им на графики и статистику чихать. Им вот и надо, чтобы я рвался и чтоб ты рвался. А ты рваться не хочешь...

— А чего же я хочу, по-твоему? — прищурился Скуратов.

— Ты хочешь быть просто начальником. Все равно каким, только начальником. А если начальником не выйдет, то хотя бы спокойно жить...

— Ты думаешь, очень стыдно хотеть спокойно жить?

— Это не стыдно. Но мне лично такие люди не подходят — я с ними стараюсь дела не иметь...

— Н-да, — хмыкнул Скуратов. — Подобный максимализм украсил бы юношу осьмнадцати лет. А зрелый муж с такой нетерпимостью — эт-то... знаешь...

— Знаю! Знаю! — махнул я рукой. — Я тебе просто не успел сказать, что не тороплюсь стать зрелым мужем. Зрелый плод скоро портится...

— С тобой нельзя разговаривать. Ты не милиционер, ты камикадзе!

— Это как тебе угодно...

Машина тормознула у дежурной части, я соскочил с подножки. Ко мне подошла Рита, негромким голосом сказала:

— Стас! Как ты разговариваешь с людьми! Ты ведь оскорбил его, а он хотел просто пощутить...

— Он не со мной шутит, а со своей работой. А мне это не нравится!

— Слушай, Стас, ну, так нельзя! Совсем не изменился с десятого класса!

Мы остановились на лестничной площадке, я наклонился к Рите и сказал ей серьезно:

— Знаешь, Рита, я сам часто думаю об этом. Но мое счастье или несчастье — не знаю наверняка, — что на моей работе так и нужно!

— Стас, дорогой, но у них у всех та же работа, что и у тебя!

— Да-а? — переспросил я. — Нет, не у всех. У Григория Иваныча Севергина та же. Ты ведь не знаешь — он почти слепой. Выучил наизусть диоптрическую таблицу и на каждой комиссии чудом пробивается через глазника...

— А Скуратов?

— А Скуратов может делать что угодно. Задирая гонщики, у него каждое дежурство — ралли. Юрка Однинцов служит потому, что только у нас любовь к собакам — профессия. Эксперт Халецкий — ученый муж. Ты врач...

Рита захохотала:

— Ох и самомнение у тебя! Выступаешь, словно у всей милиции холостые патроны, а у тебя одного боевые!..

В оперативном зале Севергин передавал по селектору сообщение:

— В сводку: по адресу Зацепа, 2, при задержании Погосяна-Давида Суреновича, 1948 года, не работающего, объявленного во всесоюзный розыск МВД Аджарской АССР, инспектором уголовного розыска третьего отделения милиции лейтенантом Гришиным П. Г., 1952 года рождения, членом ВЛКСМ, в органах внутренних дел с 1973 года, отличником милиции, из табельного пистолета «Макаров» произведено два предупредительных выстрела вверх. Пострадавших от выстрелов нет. На место происшествия выезжали начальники управления районного отдела внутренних дел...

Помежурного Микито говорил по телефону:

— Аварийная Мосэнерго? На Спасоандреевском, дом 8, прервано электроснабжение — застырел лифт между этажами... С пассажирами. Срочно выпшили бригаду. Мы туда уже выделили постово-го, на всякий случай. Отбой.

— Патрульная машина 47! Патрульная машина 47! Направление следования — тридцать шестой квадрат, Большая Калитниковская улица. В подъ-

Продолжение на 30-й стр.

МАРТОВСКОЕ ОБЗРЕНИЕ

В ПОИСКАХ ПРИЗРАЧНОГО СЧАСТЬЯ

Недавно выяснилось, что в странах Азии живет 17 тысяч молодых французов, не имеющих средств для возвращения на родину и влекущих там жалкое существование. Как попали они туда? Лет десять назад в Европе расширили свою деятельность некоторые религиозно-мистические секты, ведущие свое происхождение из стран Востока. Среди молодежи стало модным быть членом какой-нибудь из этих сект, а многие даже отправились в страны Азии для приобщения к «божественной мудрости» непосредственно на месте. Прошли годы, и большинство этих некогда веселых и общительных молодых парней и девушек оказались на обочинах жизни. Утратившие свои мистические иллюзии, они прозябают в окраинных поселках, без гроша в кармане, промышляя мелкими кражами, перекупкой наркотиков, попрошайничеством...

Особенно много их в Индии. Во французском посольстве в Дели постоянно толкается много народу. Сотрудник посольства рассказывает: «Часто мы слышим здесь о потрясающих случаях. Однажды пришли двое молодых французов — парень и молодая женщина. Заросшие, грязные, худые, изнуренные дешевыми наркотиками. Женщина держала на

руках шестимесячного младенца. Он был мертв. С абсолютным спокойствием она заявила мне: это француз, как и вы, позабытесь о его похоронах... Я дал ей пятьдесят рублей, хотя кремация стоит только тридцать. Через час мне позвонили из крематория — там обнаружили тепло младенца с запиской, что расходы по кремации оплатят французское посольство. Значит, родители забрали себе деньги, а тело ребенка бросили».

Неуверенность в завтрашнем дне по-прежнему гонит за иллюзорным счастьем многих юношей и девушек из стран Запада туда, где, как им кажется, они найдут высший смысл жизни. Не многие из них возвращаются домой. Большинство оказывается сломленными в жизненной борьбе.

«ПОГЛЕД», БОЛГАРИЯ

У ИСТОКОВ ФУТБОЛА

Первые футбольные матчи были сыграны, возможно, еще в доисторические времена. Специалисты полагают, что вместо мяча дальние наши предки могли гонять... череп убитого ими человека.

Египтяне, видимо, первыми избрали некое подобие мяча для спортивных развлечений. Они создали три типа мяча, экземпляры которых найдены в захоронениях. Первый — мяч с обшивкой из папируса, внутри которой были солома или тростник. Мяч с кожаной обшивкой тоже был набит соломой. А вот внутри мяча из

крепкого фарфора были ил и волосы.

Греки и римляне подхватили и развивали идею, начали использовать большие мячи, такие, какими играют сегодня на пляжах маленькие дети. Римские игры с мячом стали прообразом современных футбола, регби, бейсбола.

Каждый народ создавал свои игры. Гольф родился в Шотландии, билльярд — в Италии, а поло — в Индии.

«УИКЕНД», АНГЛИЯ

КАК ПЛОХО БЫТЬ БЛИЗНЕЦОМ

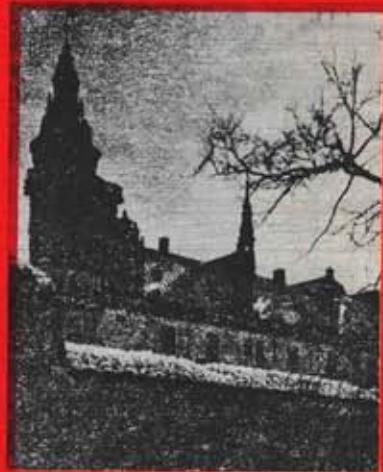
Малыши-близнецы, оказывается, неожиданно часто страдают от невнимания родителей. Двойняшек реже обнимают и берут на руки, реже хвалят и даже реже ругают, чем тех детей, у которых нет сестры или брата-близнеца. С ними, кроме того, реже разговаривают. Это открытие, сделанное тремя канадскими учеными, может помочь объяснить тот давно известный, но не очень понятный факт, что близнецы в первые годы жизни, как правило, имеют более низкий уровень умственного развития и знают меньше слов, чем их сверстники.

Психолог Хью Литтон и его коллеги из университета канадского города Калгари изучали с помощью «ассистентов», которыми стали сами мамы, жития сорока шести пар мальчиков-близнецов, сравнивая их с детьми, родившимися по одному. И тем и другим было по два с половиной года. Компьютеры проанализировали число слов, которыми владеют мальчики, а также все виды контактов родителей с детьми: и просбы, и приказания, и похвалы, и обятия. Выяснилось, что в большинстве случаев двойняшки проигрывают.

«Родители близнецов более заняты и замучены домашними заботами», — говорит Литтон, указывая, что у них остается меньше времени на каждого ребенка. Они склонны считать, что двойняшки сами развлекают друг друга. Это заблуждение оказывает, как выяснилось, более существенное воздействие на развитие детей, чем социальное положение или уровень образования родителей. Интеллектуальное развитие близнецов, заключает учений, может быть ускорено, если матери и матери будут чаще разговаривать с малышами и станут проявлять к ним больше внимания.

«БУНТЕ ЭСТЕРРАЙХ», АВСТРИЯ

ЗАМОК ГАМЛЕТА

Действие шекспировского «Гамлета» развертывается, как известно, в замке Эльсинор. А есть ли в Дании Эльсинор? Эльсинора, собственно, нет, но на окраине острова Зеландия расположен Хельсингер. Историю Дании великий драматург читал по-французски, и потому-то Хельсингер стал Эльсинором.

Именно так в первой половине XV века король Эрик построил сторожевую крепость, дабы взимать таможенную пошлину с проплывающих мимо кораблей. Среди товаров была, в частности, польская пищевица, отправляемая в Нидерланды. В 1574—1585 годах по приказанию короля Фредерика II знаменитый фламандский архитектор Антониус ван Оберген построил на развалинах крепости замок Кронборг. В 1585 году на торжествах по случаю окончания строительства замка там играла труппа английских актеров. Была ли это труппа, в составе которой выступал Шекспир, — об этом мнения историков расходятся. Так или иначе, но места, где разыгрывалась драма «Гамлета», были хорошо известны Шекспиру. Достоверно, в частности, описание идущей к воде площадки, где принц разговаривал с тенью своего отца. Есть и рыцарский зал, где труппа зарубежных артистов играла перед Гертрудой и Клавдием, а потом произошел поединок между Гамлетом и Лаэртом. Все эти и другие события сделали замок Кронборг знаменитым — сюда ездят массы туристов со всего света. Наиболее пристойным из них местные жители даже показывают монумент Гамлету — литературного героя, который никогда не существовал на самом деле.

Собаки-спасатели

В южнофранцузском городе Грама существует специальная школа для собак — спасателей утопающих. Лучше всего для этого подходят ньюфаундленды, которых называют также «морскими сенбернарами». Они очень умны, выносливы, без устали проплывают 25 километров, а длинная шерсть защищает их в воде от охлаждения. К спинам собак при-

крепляют резиновую дугообразную ручку, чтобы тонущий мог крепко ухватиться за животное. Если пловец потерял сознание, положение опять-таки не безыходное: два ньюфаундленда хватают его за руки и буксируют к берегу.

«МЛАДИ СВЕТ»,
ЧЕХОСЛОВАКИЯ

150 000 КИЛОМЕТРОВ НА ВЕЛОСИПЕДЕ

Недавно возвратился в свой родной городок Хёвельхоф (ФРГ) Хайнц Штрукке. Земляки устроили ему торжественную встречу — ведь это был финиш путешествия. Выехав из страны 22 августа 1960 года, Хайнц совершил за 17 лет кругосветное путешествие на велосипеде, проехав более 150 000 километров. Страстный любитель путешествий, Штрукке посетил 102 страны всех пяти континентов. Само собой разумеется, что он много раз менял велосипед, был вынужден во время странствий работать по своей профессии — механиком, чтобы обеспечить свое существование.

На своем пути Штрукке собирали документы, подтверждающие посещение им тех или иных мест, и пунктуально вел дневник путешествия. Домой он возвратился с сотнями снимков, запечатлевших самые занимательные моменты путешествия. Одно из издательств ФРГ уже поспешило получить право на публикацию путевых записей Штрукке, которые рассказывают о многих интересных приключениях, произошедших за время сорока пятилетних странствий.

«МАГАЗИН», РУМЫНИЯ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ

Новые ценные открытия сделаны в Польше. Речь идет о железорудных колях, возраст которых 12 тысяч лет, старых обжиговых печах, скульптурах, колодцах, которым 1600 лет, средневековых ткацких станках, а также о сработанной из дерева голове мужчины.

Специалисты провели раскопки в 36 местах республики. Особый интерес представляли находки в Кельцком воеводстве, где найдены инструменты и остатки рудников красного железняка, возраст которых датируется 9200 годом до нашей эры.

ТЕХНИКУС, ГДР

ПЕРВАЯ СУБМАРИНА

В открытом море, недалеко от Сан-Рафаэля, водолазами была обнаружена и поднята на поверхность затонувшая подводная лодка. Удалось установить, что это первая французская субмарина, построенная в 1862 году по чертежам, выполненным еще в 1844 году. Скорость лодки в погруженном состоянии достигала трех узлов.

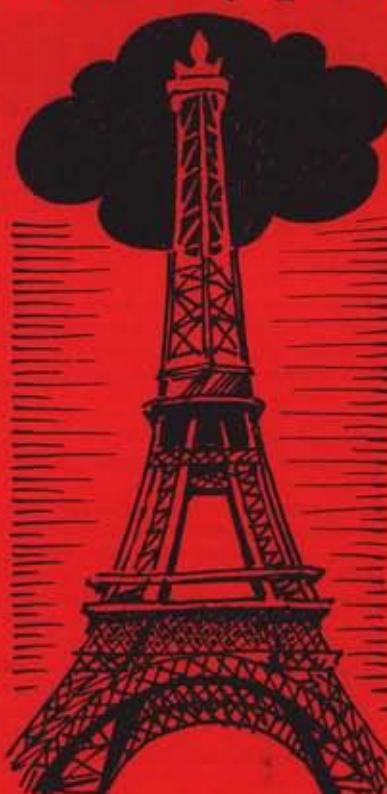
Пролежав на дне шестьдесят лет, лодка займет видное место среди экспонатов национального музея в Марселе.

«ВИ УВРИЕР», ФРАНЦИЯ

Над башней нависла угроза

Хотя знаменитая Эйфелева башня и была построена в 1889 году, но всемирно известным символом Парижа она стала отнюдь не сразу: поначалу она многих испугала и даже шокировала своим непривычным видом. В первые годы ее существования в печати не раз появлялись резко отрицательные высказывания известных французских деятелей культуры против этого «безумия голой техники», портишего силует Парижа. Раздавались многочисленные голоса, требующие сноса башни. Но она устояла, и вскоре уже никто, кажется, не сомневался в том, что ее благородно-законченный силуэт прекрасно вписался в облик города.

Но теперь ей вновь начала грозить опасность: это уникальное трехсотметровое сооружение стареет. Анализ металла башни показал, что сплав, выбранный в свое время инженером Густавом Эйфелем для конструкции башни, оказался очень удачным и хорошо противостоял атмосферным влияниям, но возраст все же дает себя знать. Медленно, но верно ржавчина разъедает сооружение, слабеют несущие конструкции и дни с половиной миллиона соединяющих их заклепок. Расходы по ремонту частной компании «Общество Эйфелевой башни» оценивают в 90 миллионов франков — сумма невероятно высокая. Откуда же взять средства? Банк «Французский коммерческий кредит», владеющий большинством акций башни, считает, что город должен предоставить для ремонта землю и снизить налог за концессию. Без этих мер

башня придет конец. Вопрос еще не решен, а эксплуатирующее башню «Общество Эйфелевой башни» напоминает, что в 1979 году истекает срок договора между ним и парижским муниципалитетом и что нужно срочно найти выход из положения.

«ИЛУСТРОВАНА ПОЛИТИКА»,
ЮГОСЛАВИЯ

Возрожденная земля

Со времени освобождения юга Вьетнама семьсот тысяч человек выехали из города Хошимина, как теперь называется Сайгон, в свои родные места или во вновь созданные экономические районы на севере и востоке страны.

Десятки тысяч бывших безработных, тысячи людей, занятых раньше непроизводительным трудом, принимают теперь участие в развитии сельского хозяйства в неожиданных прежде краях.

Подъем, осушение и мелиорация пустовавших земель дали замечательные результаты. Теперь тысячи семей могут сами обеспечивать себя продуктами питания.

Сыпные ста десяти новых посел-

ков возникло на востоке республики. Более чем в восемидесяти построены амбулатории и родильные дома, 228 новых школ приняли школьников.

Недавно проложенные дороги бегут среди ярко-зеленых полей риса, мимо плантаций кукурузы, связывая между собой новые поселения. Из домиков, покрытых крышами из соломы и бамбука, доносится детские голоса. На большом листе железа, поставленном на перекрестке дорог, написаны строки стихотворения, которые звучат в сегодняшнем Вьетнаме как лозунг: «Наши руки построят все».

«ВЬЕТНАМ ЮС», СРВ

Обзор зарубежной печати.
Материалы печатаются в изложении.

Город придет...

Начало на 26-й стр.

езде серого шестиэтажного дома пьяный, дети боятся идти домой. Номер дома уточняю, связь держите через радиоцентр. Перерыв передачи...

Севергин, сдвинув очки на лоб, посмотрел на нас строго:

— Как успехи, орлы?

Вперед прошел Задирака:

— У нас успехи, товарищ подполковник, отличные!

— Ты мне, Задирака, нравишься тем, что у тебя в жизни все всегда отлично! — улыбается Севергин. — Это от молодости. Постареешь маленько — появятся претензии...

— Ну, мне еще до старения — ждать соскучишься!

Севергин покачал головой:

— К сожалению, стареем мы быстрее, чем хотелось бы. А вот, кстати говоря, — обратился он к Рите. — Что врачи говорят — отчего стареет человек?

Рита удобнее уселилась на стуле, закурила, пожала плечами:

— Морфологи считают, что старение организма происходит от деструкции белков, липидов и коллагенов...

— Я не согласен, — вмешался я. — Старение начинается с каких-то моральных превращений в человека...

Скуратов громко засмеялся:

— Вот, Маргарита Борисовна, имеете невосполнимую возможность познакомиться еще с одной теорией Тихонова...

— Перестань! — отмахнулся я. — Ведь в ребенке тоже происходит эта деструкция, но его развитие — это не старение, а расцвет...

Меня прервал резкий, пронзительный сигнал тревоги на пульте. Севергин включил тумблер селектора, в оперзале зазвучал далекий голос:

— Дежурный ГАИ Дементьев. С Воронцовской улицы от дома 6 угнан неизвестным преступником «ЗИЛ-133» — бензовоз-цистерна с прицепом. Поздесвивший водитель сообщил, что в машине восемь тонн высокотанкового бензина. Полагаю, преступник пьян — бензовоз проследовал на большой скорости против направления движения в сторону Таганской площади. Доложил постовой Алехин...

— Милиция слушает. Помдежурного Дубровского...

— Милиция? На 89-м километре кольцевой автодороги стоит на проезжей части лось. Все движение перекрыто! Примите скорее меры...

— А согнать его не можете?

— Да не уходит, хоть тресни!

— Сейчас сообщим в охотинспекцию. Отбой...

19. Рита Ушакова

Паузы не было никакой — казалось, еще слышны слова рапорта, но невидимая пусковая пружина уже привела их всех в действие, и в этой атмосфере огромной опасности, мгновенно залившей оперативный зал, были словно навсегда забыты разговоры и споры минутной давности. Я не очень хорошо понимала, что именно каждый из них делает, но в быстроте и четкости их поступков зримо пропустило исполнение роли, раз и навсегда предписанной им каким-то правилом, инструкцией или указанием. В этой слаженности, молчаливом понимании друг друга была хорошо ограниченная отрепетированность десятков, а может быть, сотен учебных часов.

Мне, человеку постороннему, было как-то особенно наглядно это включение механизма безопасности пусковым сигналам тревоги.

Севергин рывком включил сразу несколько тумблеров на пульте, засветилось огромное электротабло: «НЕОТЛОЖНЫЕ ОПЕРАТИВНЫЕ МЕРЫ ПО ТИПОВОМУ ПЛАНУ СИТУАЦИИ «ГРОМ».

Замдежурного Микито со своего пульта вызывает службы:

— Дежурный ГАИ! На территории Пролетарского и Ждановского районов движется управляемый преступник бензовоз! Операция «Гром»...

Помдежурного Дубровский со своего пульта:

— Патрульные машины! Направление следования — 48-й, 49-й, 53-й, 56-й квадраты города. Задача — перекрыть все выносные трассы из города...

Севергин:

— Всем наличным силам, подразделениям и экипажам милиции юго-восточного сектора города!..

Из селектора — сообщение:

— Бензовоз ЮБН 16-80 проследовал через Тагансскую площадь...

Тихонов включил автоматику системы телевизионных мониторов, на разгорающихся экранах стали видны улицы города. На электронном планекарте города, занимающем всю огромную стену оперзала, начала пульсировать в районе Таганской площади красная лампочка, и этот тревожный огонек стал медленно смещаться на Таганскую улицу, в сторону Абельмановки.

— Принять немедленные меры к преследованию и задержанию бензовоза «ЗИЛ-133», номерной знак ЮБН 16-80, — продолжал Севергин. — Преступник направляет машину в сторону Абельмановской заставы, Рогожского вала, Нижегородской улицы. Все мототехники блокируют секторальные и радиальные проезды зоны. Прошу полного радиомолчания, радиостанция на приеме, всем освободить эфир, кроме сил, непосредственно занятых в преследовании и задержании...

— Вот он! Вот он! — закричал Тихонов, показывая на четвертый экран.

В метровом окне экрана возник мчащийся по левой стороне бензовоз с мотающимся на жесткой сцепке прицепом. Встречные машины шатаются, круто тормозят троллейбус, бензовоз подворачивает и проносится в полуторметре от стеклянной коробки. Телевизионная камера уже стала выпускать цистерну из поля зрения, но Стас переключил на следующий передатчик, и бензовоз появился на другом экране.

На генеральном плане-карте загорелось нескользко синих огоньков, стягивающихся к Абельмановской площади.

Севергин:

— Экипажам патрульных машин докладывать обстановку. — И обернулся к Дубровскому: — Толя, город переключаю на тебя...

Тот кивнул, и за его пультом вновь началась обыденная городская суэта.

— Обратитесь в райжилупраление...

— Сто восьмое? Вышлите наряд на Трехпрудный...

— Белорусский вокзал? У вас должен быть Иванов...

А в это же время зал заполняют звучащие все громче радиостанции патрульных машин:

— Я — ПМГ-321! Я — триста двадцать первый! Вышел на хвост бензовоза! Обгон затруднен встречным движением! Скорректируйте посты ГАИ!..

— Я — 285! Я — 285! Блокировал угол Новорогожской и Рабочей улицы!..

— Я — 139! Я — 139! Перекрыл улицу Войтовича! Прошу разрешения останавливать!

Севергин включается:

— Я — Севергин! Вызываю 139! Вызываю 321! Ни в коем случае не пытайтесь остановить бензовоз на ходу! В случае столкновения существует опасность взрыва! 139! 139! Перекройте правый поворот улицы Войтовича! Загоняйте его в сторону Рогожского кладбища и Проломных улиц!..

— Приказ понял, 139-й! Приступаю!..

— Приказ понял, 321-й! Приступаю!..

— Я — 405! Я — 405! Контролирую перекресток Красноказарменной и Авиамоторной улиц! Прошу уточнить позицию!..

— Я — ПМГ-86! Я — ПМГ-86! Следую по шоссе Энтузиастов! Прошу наведения!..

Севергин:

— Я — Севергин! Восемьдесят шестая и патрульная ГАИ, перекройте движение по шоссе Энтузиастов и перекрестку со Второй Проломной улицей! 405-й! 405-й! Сместитесь к пересечению с Золоторожским валом! Грузовиком перекройте проезд!

Тихонов обернулся, поискав меня глазами и показал на электронной карте:

— Видишь, они его сгоняют на набережную Яузы!

— Зачем?

— Там одностороннее движение и меньше машин!

Все происходящее видно мне рваными стремительными фрагментами на автоматически переключающихся телевизионных экранах, как в быстром и страшном сне.

Замдежурного Микито за своим пультом:

— Центральный пункт «Скорой помощи»? Заме-

ститель ответственного дежурного по Москве майор Микито. Приведите в готовность номер один пять машин на третью и седьмую подстанции, одну шоковую машину, специалистов по ожогам. Канал связи не занимать, ждите подтверждения...

Снова переключает тумблеры:

— Центральная пожарная? Здоровово, Ерфилов, я Микито. Вы за ширкуляром следите? Ну, отлично! В случае чего... сам понимаешь... командуй на вылет!..

Севергин кивнул, наклонился к селектору:

— 118-й! 118-й! Спускайтесь вниз по Танковому проезду, блокируйте поворот в Лефортово!..

Какие они все разные!

Севергин и Микито буднично деловиты.

Дубровский, отвечая на вызовы, тянет все время шею, пытаясь рассмотреть происходящее на экранах.

Следователь Скуратов неподвижно сидит за столом, скав щеки кулаками.

Задирая крутится перед экранами, чуть не завывая за невозможности участвовать в этой погоне.

Юра Одинцов стоит в углу, чтобы никому не мешать, и в ногах у него замер Юнгар, вздыбив на холке шерсть, словно ощущая горько-кислый запах тревоги.

А Тихонов — весь там, на далеких улицах, где мчится пьяный преступник за рулем огромного бензовоза, ставшего сейчас смертельной опасностью для десятков ничего не подозревающих людей.

Я переворота взглядел с одного на другого, только сейчас начиная понимать, что это значит — все-дышащих их готовность к встрече с бедой.

А в голове беспрерывно — не к месту и не ко времени — гудели когда-то слышанные или прочитанные, навсегда врезавшиеся в память слова: «Велика, красна и славна Москва, подобна Риму, и стоит незыблемо, как и столица итальянских холмов. И речены эти холмы — Лефортово, Таганка, Трехгорье на Пресне, Воробьевы горы, Тверской, Сретенский, Боровицкий».

Я смотрела на экран и никак не могла настроиться, ощутить, принять, что все происходящее там не оборванный кусок кинофильма, не искусственный кошмар телевидения.

В дрожащем нечетком свете серых плошек экранов вдруг появился милицейский «узик» — такой же, как наш, юркая железнная коробочка.

С Госпитального вала он выплыл на встречу бензовозу, развернулся бортом и, подставляя себя под лобовой удар, преградил ему дорогу на Красноказарменную улицу: заставил-таки свернуть в единственный открытый проезд — к набережной.

«Узик» начал преследование, а через мгновение показалась патрульная «Волга».

— Да не так! — причитает Задира. — Да не подтягивайся к нему! Не линии! Выпусти его вперед маленько! Сейчас же поворот! На приеме потеряешь!..

В селекторе хрипловатый, срывающийся, совсем молодой голос:

— Докладывает инспектор уголовного розыска 73-го отделения лейтенант Куприков! Веду преследование преступника по Рубцовской набережной. Прошу разрешения приступить к задержанию!..

— Я — Севергин! Куприков! Добро! Приступайте!

Автобусик на прямом отрезке дороги начал набирать скорость, он уже поравнялся с грузовиком.

— Давай! Давай! Уходи в отрыв! Да не виси ты рядом! Ой-ой-ой! — кричит Задира. — Ну он же сейчас скинет в реку!

Офицер, склонив шинель, в одном мундире, стоит на подножке, одной рукой держится за дверь. Толчок — и он взлетает пружиной в воздух, цепляется за открытое окно бензовоза.

— А-а-а! — У меня словно оборвалось сердце, вошли в него страх милиционера и боль его, всем своим существом я почувствовала, что там не трюки, что там погибает живой человек...

— Ох, господи! Пацан совсем! — крикнул Тихонов. — Нельзя с подножки, он его сбросит...

Озвевшийся угонщик бьет милиционера по рукам, резко распахивает дверцу, и милиционер слетает на дорогу...

Микито включается на передачу:

— «Скорая»? Срочно машину на Рубцовскую набережную, не доехал Электрозаводского моста. Пострадал наш сотрудник.

Автобусик не останавливается, он вновь настигает бензовоз, и пока водитель «узика» уравнивает их скорости, на крышу милицейского автомобиля через потолочный люк вылез сержант. Он балансирует руками, затем становится на одно колено, словно замер по команде «На старт!», дожидается какого-то нужного только ему мига и прыгает на бортовой трап цистерны.

Следила, покатилась под колеса машин его футажка, а сам он уже перемахнул через горбатую спину цистерны, спрыгивает на правую подножку. Дверь на себя — рывком, в кабину! Преступник,

удерживая одной рукой руль, пытается другой выпихнуть сержанта из кабинки, но в этот миг с колесами догнавшего их мотоцикла прыгает слева еще один работник милиции и вырывается из замка зажигания ключ. Тяжело вильнув, бензовоз замер посреди дороги. Милиционеры вытаскивают из кабин угонщика...

Микито продолжает:

— Больше жертв нет. Готовность номер один снять. Всем — отбой...

Включился Дубровский:

— Пожарная! Ерфилов, все, взяли... Всем отбой. Да ничего, ничего, то у вас болезнь профессиональная — синева на боках. Лежите много. А зачем мне на твоё место, у меня самого работенка — не бей лежачего. Ну, бувай. Да еще, наверное, погутарим сегодня...

Переключает рычажок, и сразу же зуммер, отвечает Микито:

— Слушаю, слушаю, понятно. Адресок? Хорошо. — Переключается: — Степанов, у вас на Втором Магистральном на земле валяется обгоревший с маечами электропровод. В Мосэнерго сообщим, а ты срочно выставь пост у провода, наступит еще кто, не дай бог... Давай рысью...

Севергин с главного пульта дает указания о снятии тревоги, запрашивает о состоянии лейтенанта Куприкова.

Я подошла к Стасу, сказала:

— Знаешь, что меня больше всего поразило?

— Да-а? — рассеянно переспросил Тихонов.

— Что «узик» не остановился, когда этот лейтенант сорвался с подножки!

— Как это? — искренне удивился Стас. — Разве он мог остановиться?

— Ну, представь себе, ведь ты же мог быть на его месте! Ты бы разбрелся, а Задираха уехал бы, не притормозил даже? А?

Стас пожал плечами, а следователь Скуратов серьезно сказал:

— Да если бы он остановился, Тихонов его бы пристрелил...

Севергин закончил диктовать сводку:

— Преступник, оказавшийся Панасенко Петром Трофимовичем, водворен в КПЗ. Материалы направляются в четвертый отдел следственного управления. Раненный при задержании преступника лейтенант Куприков Игорь Сергеевич, 1953 года рождения, член ВЛКСМ, доставлен в больницу «Медсанктруда» в тяжелом состоянии...

Он выключил магнитофон, снял с переносицы и положил на стол очки, и лицо сразу отмякло, пропала костистая сухость его, суровая сосредоточенность. Лицо усталого немолодого человека.

Наверное, город стоит на семи холмах и на его плечах.

«ОБЪЯВЛЕНИЕ

Буфет на Петровке, 38, работает до 9 часов вечера. Перерыв до 10 часов вечера. Потом работает до 0 часов и снова — с 5 утра.

Буфетчица Валя».

20. Григорий Иванович Севергин

Мгновение тишины пало как ночь. Я сидел, закрыв глаза, и чувствовал в каждой клеточке, в каждой жилке унизительную слабость, мелкую, противную дрожь неслыханного утомления. Нет ничего обиднее физического бессилия, горше чувства своего финиша. Погоня длилась четырнадцать минут — она показалась мне вечной.

Четырнадцать минут я гнал за рулями всех машин преследования, отставал, настигал, ледяная толща ужаса погребла сердце, когда стоял жестяным бортом на углу Госпитального вала перед тупым, страшнымрылом бензовоза, невесомо летел с подножки на крыло грузовика, бандит бил меня по рукам, судорожно, отчаянно щепившимся в дверь, как в последнюю кромку уходящий тверди, и был глухой толчок, и пальцы разомкнулись на двери, и был грифельный тоскливый блеск мокрого асфальта перед глазами, ужасный удар, и мгновенно принявшая меня тьма — как омут, и сразу же воскресение, ибо я был в них во всех, как отец может быть в детях своих, и беспамятство было ничтожным — длиной в блик, и, открыв глаза, я уже стоял на крыше «узика», и во мне пели сила, ветер и злость, и не надо мне было помнить наизусть диоптрическую таблицу — глаза мои были зорки, как у кобчиков на заре, ловкость и быстрота спружинили меня камнем на жирную скользкую спину цистерны, мах на другую сторону — просто вдох, рывок в кабину, руки — ему на горло...

И все — азарт погони, боль удара, радость победы — все это не сходя с места. Наверное, многовато...

Разве можно объяснить этой милой девочке-врачу, почему на самом деле стареют люди? Я знаю каждую из тысячи шестисот двенадцати улиц Москвы, все восемьсот семьдесят три переулка, любой из пятисот восьмидесяти четырех тупиков и проездов — на это ушла почти вся моя жизнь. Может быть, это никому и не нужно? Как не нужно учить наизусть диоптрическую таблицу? Пока видят хорошо глаза или есть люди, которые помнят за тебя каждый из сорока девяти тысяч московских домов.

Отдыхали уставшие глаза, и все вокруг словно подерились серой дымкой, сквозь которую отчетливо проступали четкие буквы: ШБ. О М К Н Е П Е Ш.

Звякнул коротко внутренний телефон, и Микито скомандовал вниз:

— Ну-ка, Старыгин, быстренько чайничек завари, Григорию Иванычу надо погреться.

И ровный, булькающий гул голосов:

— Милиция слушает!.. Обратитесь в опорный пункт охраны порядка по месту жительства...

— ...Котлонадзор, на вас жалуются жильцы дома шесть по Уланскому переулку...

— ...А когда ушел из дома ваш муж?.. Сейчас я соединю вас с дежурным медвытрезвителя...

— ...Сколько лет вашей дочке? Двадцать девять?.. Во что одета?..

— ...Бабушка, по этим вопросам надо обращаться в жэк... Но у меня здесь все равно нет водопроводчика...

— ...Да-да, все понял, слушаюсь...

— ...Институт Склифосовского, приемное отделение... К вам доставили сейчас женщину с резаной спиной, никого из посторонних к ней не допускайте до прибытия следователя...

— ...Кто-кто? Девочка Даша? Здравствуй, Даша. Дащенка, а где же нам искать твою куклу Катяку? Может, ты лучше маму попросишь? Ну, вот она придет с работы, ты ей скажи, пусть она нам позвонит, мы ей подскажем, где найти Катяку...

— ...Бульдозер провалился? А как его туда угодило? Пострадавших нет? Сообщи тогда в Москву-Фундаментстрой — пусть они и разберутся...

Этот плащикущий, тихий гул голосов расплосовал пронзительный звонок министерского циркуляра, я надел очки, и все вокруг приобрело четкость, реальность, законченность.

— Ответственный оперативный дежурный подполковник Севергин слушает! Да, товарищ генерал, да, конечно. Во сколько времени? А какая разница, чья она там жена? Так мы стараемся ко всем сигналам особенно внимательно относиться. Ну, разве что международные отношения пострадают, тогда другое дело. Никак нет, я не шучу. Я мужик серьезный. Есть, буду докладывать незамедлительно...

Положил трубку, посмотрел на ребят:

— Ну, что, веселые и находчивые, снова в путь?

— Из министерства звонили, — заметил Тихонов. — Значит, ЧП какое-нибудь?

— ЧП не ЧП, а неприятность имеется. Вот сообщили, — я кинул в сторону циркуляра, — что супруга советника американского посольства утратила полчаса назад в парке Сокольники на прогулке колье стоимостью восемьдесят тысяч долларов...

— Что значит утратила? — спросил быстро Скуратов.

— Я думаю, просто потеряла, но дама темнит, поскольку ситуация щекотливая. Если украли, а не потеряла, то ей через Ингосстрах страховочная компания выплатит стоимость бус...

— Но это же важно, — серьезно сказал Скуратов.

— Важно бусы найти, вот что важно. На выезд — там, на месте, и разберетесь...

— ... Товарищи дежурные, ожидайте у телефонов! Ожидайте у телефонов! Прошу всех ожидать... еще не все сняли трубки. Товарищи дежурные, говорит замдежурного по городу Микито. Сообщите, кем сегодня задержан Холопов Сергей Никифорович, год рождения 1933-й, повторяю — 1933-й. Если у кого задержан, позовите. Передача окончена. Отбой. Прошу положить трубки...

Продолжение следует.

Под редакцией заслуженного тренера РСФСР Виктора ЛЮБЛИНСКОГО

ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ

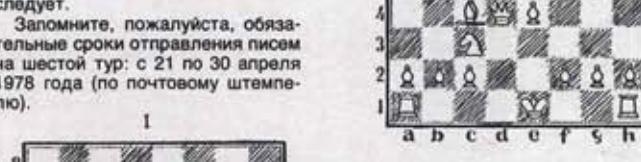
ДИПЛОМЫ —
94 ЧИТАТЕЛЕЙ

2236 писем — такова редакционная почта, поступившая в адрес шахматного конкурса «Смены» 1977 года. Жюри внимательно проверило правильность ответов и определило 14 победителей, которые в решениях конкурсных композиций не допустили ни одного ограха. Это слесарь Б. Гафизов (Уфа), пилот К. Данилов (Ленинград), водитель Ф. Дерипаска (г. Селидово, Донецкой области), электросварщик И. Зайчевский (Минск), школьник-третьяклассник А. Калинин и инженер Ю. Лалак (оба — Москва), техник-строитель Р. Мухаметжанов (Ташкент), студентка Е. Некрасова (Москва), учитель В. Никитин (Краснодар), инженер В. Озеров (г. Усолье-Сибирское, Иркутской области), шахтер А. Олихейко (Кривой Рог), доцент О. Рыжевский (пос. Газопровод, Московской области), мастер спорта К. Стоянов (г. Варна, Болгария) и библиотекарь Л. Чебанюк (г. Ангарск, Иркутской области).

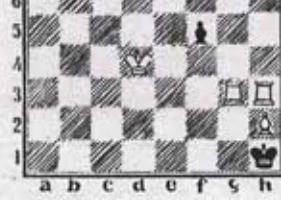
Все они, а также еще 80 отличившихся читателей награждены специальными дипломами. Участникам, выполнившим установленные нормативы, высланы справки о присуждении разряда по шахматам.

Приводим краткие решения конкурсных позиций.

1-й раздел — 1. Lc3 ab 2. K:b6x; 1. Fg7 Kd4 2. Ff4+ de 3. Kb4x; 1. ... f2 2. L:f3 L:z3 3. C:f3 Lf8 4. Lg3 Kh4=; 2-й раздел — 1. Cd5+ Krc4 2. Lg1 Cf1 3. Lg4+ Kpd5 4. Lb4 e1P 5. Lb1 L:b1 — пат; 1. Kpd4 Kpg1 2. Kpd5+ Krh1 3. Krc5 Krg1 4. Krc6+ Kph1 5. Krb6 Krg1 6. Kr:a6 Kph1 7. Krb6 Krg1 8. Kr:b5+ Kph1 9. Krc5 Krg1 10. Kr:c4+ Kph1 11. Kpd4 Krg1 12. Kr:d3+ Kph1 13. L:e2 Kg3 14. Le1+ Kf1 15. L:f1x; 1. ... Cf6 2. F:f6 Ff2+ 3. Krc5 Fe1+ 4. Kpf4 Ff1+ 5. Krc5 Fa1+ 6. d4 Fe1+ 7. Kpf4 Ff2+ 8. Krc5 Fe3x. 3-й раздел — 1. Kb1+ L:b1 2. Fab Lh4 3. g4 L:g4 4. f4 L:f4 5. ee L:ee 6. d4 L:d4 7. c4 L:c4 8. F:a4+ L:a4 — пат; 1. ... c6+ 2. Krc4 Kac5+ 3. Krb4 c5+ 4. Krc3 Cc3, и переведом черного короля на поле c1 форсируется мат; 1. Ld1 Lb7 2. Ld8+ Kph7 3. Cd3+g6 4. Ce5=.

Ход белых. Каким образом они могут добиться победы? (4 балла.)

Белые начинают и дают мат в три хода (4 балла).

III

Когда и где сборная СССР впервые завоевала золотой кубок на Всемирной шахматной олимпиаде? (1 балл.)

IV

Кто из советских гроссмейстеров на том «Турнире наций» был в нашей команде первым номером? (1 балл.)

ШЕСТОЙ ТУР

Жюри напоминает читателям, участвующим в этом заочном шахматном соревновании, о необходимости избегать в решениях пространных комментариев и пользоваться сокращенной нотацией, а на вопросы викторины отвечать лаконично. В целях быстрейшей технической обработки ответов и для более оперативной деятель-

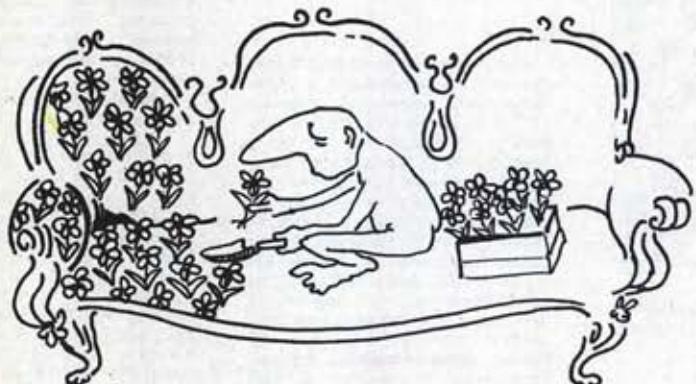
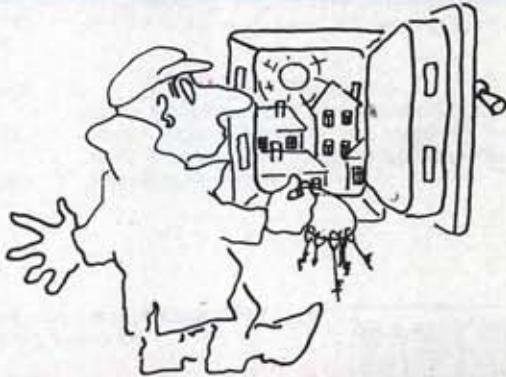
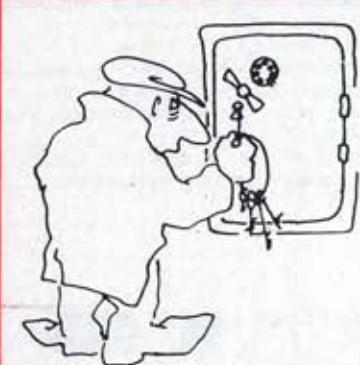
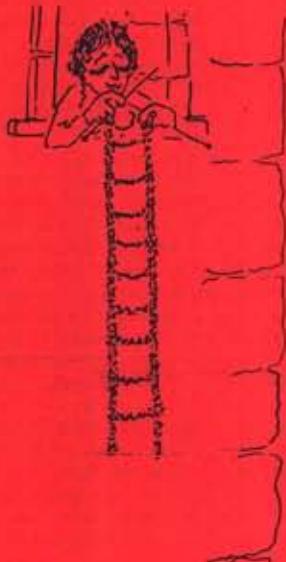
НОВОЕ ИМЯ

Петр
ВОСКРЕСЕНСКИЙ

Петр Воскресенский—врач, а не художник. Но и художник, как видите. Не правда ли, это вовсе не плохо—закончить 1-й Московский медицинский институт, стать хирургом в городской клинической больнице № 1 имени Пирогова, защитить кандидатскую диссертацию да еще и быть художником.

Рисует Петр Воскресенский с детства—в школе, в метро, в поездах, если приходится ехать, в стенгазетах—по всему пути своего жизненного следования. А кроме того, что рисует, оказывается, он любит кататься на горных лыжах. Так что ему не просто ответить, что он больше любит—скальпель, перо или лыжи. Наверное, и то, и другое, и третье.

Прекрасно!

НЕ ОТРЕКАЮТСЯ, ЛЮБЯ

(Песня—лауреат
телевизионного конкурса
«Песня-77»)

Стихи
Вероники ТУШНОВОЙ.
Музыка
Марка МИНКОВА.

Не отрекаются, любя.
Ведь жизнь кончается не завтра.
Я перестану ждать тебя,
А ты придешь совсем внезапно...
Не отрекаются, любя.

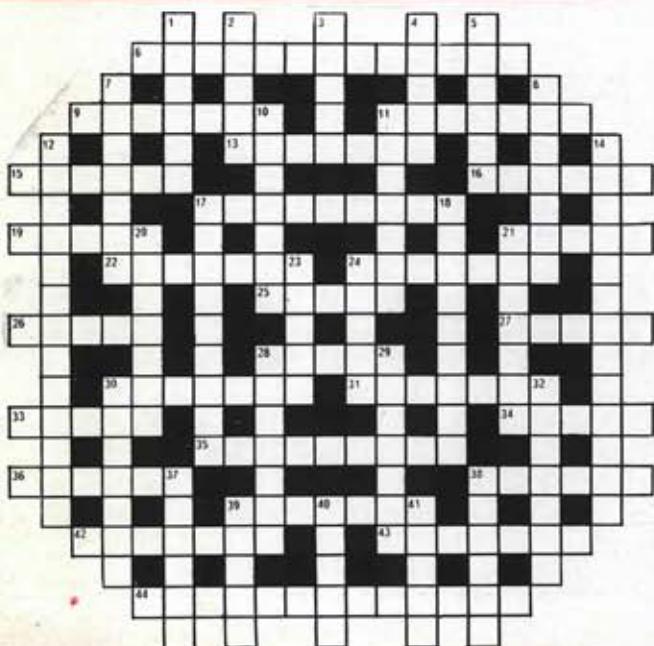
А ты придешь, когда темно,
Когда в стекло ударит выгога,
Когда припомнишь, как давно
Не согревали мы друг друга...
А ты придешь, когда темно.

И так захочешь теплоты,
Не полюбившейся когда-то,
Что переждать не сможешь ты
Трех человек у автомата.
И так захочешь теплоты.

За это можно все отдать.
И до того я в это верю,
Что трудно мне тебя не ждать,
Весь день не отходя от двери.
За это можно все отдать.

Не отрекаются, любя.
Ведь жизнь кончается не завтра.
Я перестану ждать тебя,
А ты придешь совсем внезапно...
Не отрекаются, любя.

КРОССВОРД

По горизонтали:

6. Отдел языкоznания. 9. Направление в европейской культуре, архитектуре. 11. Фотографическое изображение. 13. Комплекс спортивных сооружений. 15. Прозрачный силикатный материал. 16. Книга для фотографий, коллекций почтовых марок. 17. Копия печатной формы. 19. Озеро в Финляндии. 21. Бухта моря Лаптевых. 22. Автор повести «Поддубенские частушки». 24. Воздушный флот. 25. Головной убор в виде шлема. 26. Пьеса В. Гусева. 27. Отросшая после укуса трава. 28. Лабораторный сосуд. 30. Стрельбище. 31. Наименование американских космических кораблей. 33. Каркас сооружения, корабля. 34. Крупная птица с черным оперением. 35. Древнегреческий комедиограф. 36. Областной центр в РСФСР. 38. Земляной орех. 39. Химический элемент, инертный газ. 42. Итальянский композитор XIX века. 43. Рабочий-революционер, прототип героя романа М. Горького «Мать». 44. Раздел математики.

По вертикали:

1. Национальная японская одежда. 2. Декоративное растение, цветок. 3. Щит для размещения экспонатов. 4. Частица электромагнитного излучения. 5. Пушной зверь. 7. Сорт хрусталия. 8. Балет Л. Делиба. 10. Ограниченненная часть прямой линии. 11. Позма А. С. Пушкина. 12. Режиссер, теоретик театра, народный артист СССР. 14. Высшее музыкальное учебное заведение. 17. Ягода. 18. Масса, применяемая для лепки. 20. Герой романа И. С. Тургенева «Накануне». 21. Писатель, Герой Социалистического Труда. 23. Часть состава поезда. 24. Залив Красного моря. 26. Самая маленькая птица. 29. Заключительная массовая сцена спектакля. 30. Один из первых народных художников РСФСР. 32. Рабочий, совершенствующий методы труда. 37. Стихотворение А. В. Кольцова. 38. Декоративное растение семейства лютиковых. 39. Рассказ М. Горького. 40. Дипломатический ранг. 41. Саны народов Севера.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 5.

По горизонтали:

4. Чойбалсан. 5. Отрог. 7. Аймак. 9. Обручев. 10. Ероол. 11. Алтай. 13. Конев. 17. Турик. 19. Буряты. 21. Полив. 22. Нефть. 24. Лимба. 29. Онон. 30. Арат. 31. Ковер. 32. Линде. 33. Хурал. 34. Телка.

По вертикали:

1. Ихамсурэн. 2. Монголы. 3. Караван. 6. Турлэг. 8. Акация. 12. Пилот. 14. «Огонек». 15. Енисей. 16. Хурчи. 18. «Узэн». 20. Тола. 23. Флюорит. 25. Магтаал. 26. Анкета. 27. Удавал. 28. Дархан.

Где зимует весна

Начало на 13-й стр.

НЕТОРОПЛИВА БЕСЕДА
АКСАКАЛОВ С МОЛОДЕЖЬЮ.

АНСАМБЛЬ НАРОДНОГО ТАНЦА
РАЙОНА ИЗВЕСТЕН ДАЛЕКО
ЗА ПРЕДЕЛАМИ РЕСПУБЛИКИ.

Труппа молода и интеллигентна, режиссер Мабуд Исмаилзаде талантлив, постановочная часть старательна и профессиональна. Это очень важно! Но ведь не только это...

Театр располагается по обе стороны рампы. Зал участвует в создании спектакля почти так же активно, как и сцена. При ленивом, вялом зрителе комедия уяннет, а трагедия задохнется.

В Ленкорани зритель добродушный и благодарный. Он восторгается и негодует, порой комментирует происходящее вслух, не в силах сдержать эмоции до антракта. В театр ходят семьями, часто с детьми, не достигшими не только шестнадцати, но и десяти лет. Непорядок? А может, непорядок, когда человек приобщается к искусству после шестнадцати?.. В таких вещах логика предполагает, а решает практика. Ленкорань ставит эксперимент на себе. Вдруг он окажется удачным?

У каждого совхоза района есть свой театральный день, когда зрители сами выбирают спектакль. Иногда заказывают новый, иногда—понравившийся в прошлый раз. Здесь знают актеров, знают ударные моменты в пьесах и с нетерпением ждут сцен, в которых древнее искусство показывает свою таинственную и могучую силу.

ЗНАМЕНITЫЕ РОЗЫ ЛЕНКОРАНИ

В такие вечера зрителей привозят в театр и увозят специальные автобусы. Театральные дни вошли в привычку, стали своеобразным ежемесячным праздником.

Есть города, где тон задают футбольные болельщики. В любой компании там говорят о последнем матче.

Здесь говорят о последнем спектакле. Ленкорань—город театральный.

Невелика Ленкорань—всего лишь один район одной республики. Солнечный зайчик на ладони. Но как много дает стране эта теплая полоска земли между морем и Талышскими горами!

В снежном декабре вы несете, сберегая за пазухой, живую гвоздику. Спасибо Ленкорани! В прохладном апреле московские хозяйки бережно режут длящей свежую, хрустящую, молоденькую капусту. Спасибо Ленкорани: эта точка на карте дает по 160 тысяч тонн ранних овощей в год!

Вы завариваете чай, вы вдыхаете тонкий аромат напитка, вы ловите глазом золотистую искорку в глубине стакана. Спасибо Ленкорани!

А еще спасибо этой земле за весь ее мягкий облик, за спокойные, добрые горы, за розовых птиц, сбереженных для правнуоков, за веселые мандарины в лаковом листве, за змей, которые не жалят, за бесчисленных ящериц, невозмутимо греющихся на солнце, когда вы идете мимо. Особое спасибо за этих ящериц: где они доверчивы, там люди добры...